

Борис Березовский

Автопортрет, или Записки повешенного: биография

В книге использованы фотографии Ю.Г. Фельштинского

Игра закончена. прочитайте эту книгу и забудьте

Когда государство не может выполнять свои обязательства, особенно материальные, немедленно появляются сильные люди, которые готовы «решать вопросы». Так и появился Березовский. Образно говоря, в 90-е годы в России в каждом городе, в каждой области, в каждой отрасли был свой Березовский. Но эта книга не о всех Березовских, а только об одном из них – настоящем, «кремлевском».

Я не был другом Бориса Абрамовича, не был его деловым партнером. Но я встречался с ним много-много раз. У меня с Борисом были глубокие беседы. Как мне кажется, я понял этого человека. Он был игрок покруче героя Достоевского. Он играл со всеми: властями и женщинами, сотрудниками и соратниками, иностранцами и русскими, простыми и великими, богатыми и не особенно. Он буквально ходил по проволоке над пропастью, когда встречался в Чечне с настоящими бандитами, рубился с мэром самого крупного города Восточной Европы, сцепился с одним из своих самых близких, знавшим о нем все. Он сто раз мог погибнуть от пули или взрыва, мог разбиться на машине или снегоходе по своей неосторожности, получить инфаркт от обильного алкоголя и молодых женщин, но судьба его хранила. Он играл с судьбой, а она его хранила. Он уверовал, что свыше ему что-то дано.

Нет, он ушел от нас не после взрыва или автокатастрофы. Он ушел, проиграв битву с Системой. Он ушел, потому что сам вообразил себя Системой, вообразил себя

государством. А он был просто материалом, смазкой, маслом в машине. Это государство стояло до него пятьсот лет и, слава богу, после него не меньше простоит. В конце своей игры он искренне изумился, что англичане, выбирая между ним и российским государством, выбрали российское государство. Неужели он надеялся на иное? Лондонский мечтатель...

Эту книгу полезно почитать тем, кто интересуется политикой и жизнью страны, а также любителям острых сюжетов. Письменные упражнения Березовского приоткрывают кое-что из его внутреннего мира. Содержание я не комментирую. Давайте будем помнить, что Борис Абрамович не писатель и не аналитик, а игрок. Истина для него – понятие договорное.

Я уверен, что физически Борис Березовский жив. Возможно, он держит в руках эту книгу. Английские спецслужбы закрыли его по программе защиты свидетелей по делу Литвиненко. Сделали это вяло и скучно, как положено бюрократам. Ни одной пресс-конференции, ни одной фотографии умершего (это в наше-то время!), похороны в закрытом гробу. Только сухие сообщения на сайтах и обильные и подчас глупые слухи. Никто из тех, кто близко знал Б.Б., не верит в самоубийство. В убийство поверить легче, но где тело, где фото, где видео? Где это видано, чтобы церемонию похорон без значимых причин провели много дней спустя...

Впрочем, даже если ходит сейчас по тихому английскому городку лысый как колено гражданин в темных очках по фамилии Шнеерсон, это дела не меняет. Политика и бизнесмена Березовского больше нет. Он не делает публичных заявлений, не наносит публичных ударов, не плетет публичных интриг. Игра закончена. Забудьте.

А.В. Митрофанов

От редактора

Я понимал, что путь, который избрал президент, для меня означает следующее: либо я буду последним в ряду повешенных, но буду обязательно повешен, либо я буду первым в ряду повешенных, но с высокой вероятностью неповешенным быть вообще, потому что удастся переломить ситуацию. Я выбрал второй путь и могу сказать, что сегодня точно не сожалею об этом, хотя это очень сложный путь.

Б. Березовский

С тех пор как Борис Абрамович Березовский поселился в Лондоне на правах политэмигранта, шагреневая кожа его жизни с каждым годом сжималась всё больше и больше. С момента, когда его кремлевские друзья и союзники стали сначала бывшими друзьями, а затем и заклятыми врагами, дни Березовского были сочтены, и не так уж важно, в конце концов, отчего именно он умер: от самоудушения или в результате убийства. И в том и в другом случае это была насильственная смерть.

Я познакомился с Березовским в 1998 году, когда прилетел в Москву писать его биографию. С тех пор я написал и опубликовал много книг, в том числе и о современной России. Но биография Березовского написана мною не была. Вечно бегущего, вечно спешащего, вечно летящего Березовского не так легко было заставить позировать для книги. Больше всего поэтому я любил оказываться в его самолете: в замкнутом пространстве, один на один. Телефоны отключены. Двери закрыты. Дется ему от меня

некуда. Приходится рассказывать.

Очень скоро стало ясно, что при жизни Березовского биография его мной написана быть не может, потому что я стал человеком, которому Березовский в плане личном абсолютно доверял. Волей-неволей я оказывался посвященным в вопросы, о которых при жизни героя не напишешь. А тему смерти мы не обсуждали – не касались этого никогда, – хотя часто обсуждали вопросы безопасности и покушений – прошлых и возможных будущих.

Березовский был очень разным: очаровательным и неприятным; грубым и нежным; расточительным и скупым; счастливым и недовольным. Я пытался как-то систематизировать для себя поведение этого сложного неоднозначного человека и ввел шкалу, которая мне показалась самой точной: я понял, что измерять Березовского нужно в количестве удовольствия, которое он получает от того или иного действия. Введя единицу измерения «один кайф», я наконец-то хоть что-то стал понимать в Борисе Абрамовиче. Например: выпить бутылку дорогого вина в хорошем ресторане – 1 кайф. Дать интервью иностранному телеканалу – 10 кайфов. Переспать с молоденькой девушкой – 50 кайфов. Пожертвовать три миллиона в фонд Сахарова – 30 кайфов. Образовать политическую партию «Либеральная Россия» – 40 кайфов. Поставить президента России – 200 кайфов. Снять президента России – ну, до этого дело так и не дошло, так что это число осталось неизвестным, но понятно, что оно тянуло бы на 1000 кайфов.

Больше всего Березовский любил побеждать. В предполагаемую победу он верил абсолютно. Сказать, что он был оптимистом, – не сказать ничего. Он слепо и тупо верил в победу, не допуская мысли о возможном поражении. Всегда. И тогда, когда это было очевидно. И тогда, когда затеянный проект был обречен, не имел даже ничтожного теоретического шанса на успех.

Для Березовского никогда не существовало морали (наверное, это главное, что мне мешало). Просто понятия не было такого в его организме. По той же причине его всегда окружало большое количество проходимцев, в которых он нуждался, так как они умело обслуживали его с точки зрения получения им столь необходимого ему кайфа. Без дозы кайфа он действительно не мог существовать, ему сразу становилось скучно. Скуки же он не терпел. Мне часто казалось, что ему было скучно даже спать, и поэтому он спал мало, думаю, что часа четыре в сутки, не больше, причем сутки не состояли у него из дня и ночи, как у большинства людей. Ночью Березовский функционировал так же, как и днем. Имея свой самолет, он часто вылетал куда-нибудь среди ночи. Я, сонный, тащился в аэропорт и думал: ну, почему, имея свой самолет, нельзя вылететь в нормальное время суток? Ну какой в этом смысл? Зачем будоражить среди ночи абсолютно всех? Вопросы эти были для меня риторическими, потому что я знал ответ: вылететь на своем самолете – 15 кайфов. Но вылететь среди ночи, когда это всем неудобно, и прилететь на место в пять утра, чтобы принимающая сторона тоже не спала ночь, – уже 18 кайфов. А 3 кайфа просто так на дороге не валяются.

После 2004 года, когда Владимир Путин стал президентом России на второй срок, с кайфом стало плохо. Борис Абрамович практически прекратил всю политическую деятельность в отношении России. Нужно было найти новую площадку для деятельности. На короткое время промелькнула надежда в отношении Украины. Но украинские политики, с готовностью бравшие миллионы Березовского во время предвыборной борьбы и в конце концов победившие, в том числе и благодаря деньгам Березовского, которые точно уж не были в их бюджетах лишними, отказались впустить Березовского в Украину, справедливо опасаясь, что это – как козу пустить в огород. Тогда у Бориса

возникла новая идея: сделать своего друга и партнера Бадри Патаркацишвили президентом Грузии. «А ты уверен, что Бадри этого хочет?» – спросил я, когда Борис озвучил мне эту мудрую мысль (проект тянул, думаю, на сотню кайфов). «А куда он денется, – ответил Борис. – Будет президентом». Президентом Бадри не стал. Кайф не удался.

В ноябре 2006 года в Лондоне был убит Александр Литвиненко. Березовский воспринял это как предупреждение. На самом деле это была первая страница эпилога. Вскоре последовала вторая: 12 февраля 2008 года в Лондоне в своем поместье скоропостижно скончался Бадри. Ему было 52 года. Я видел его за четыре дня до смерти. Он был бодр и здоров. После смерти Бадри выяснилось, что на него записаны все активы Бориса и что последний остался без денег. Не в переносном смысле, а в буквальном: Инна Патаркацишвили, вдова Бадри, отказалась признать Березовского партнером. Березовский подал в лондонский суд. Это был второй финансовый иск Березовского. Первый – на пять миллиардов долларов – он предъявил бывшему своему партнеру по Сибнефти Роману Абрамовичу.

Кайфа уже не было. Вера в победу осталась. Насколько нужно было оторваться от реальности, чтобы считать, что лондонский королевский суд постановит присудить одной из сторон миллиарды! Но Борис верил в свою счастливую звезду, верил до самой последней минуты, пока не проиграл. Это было в прошлом 2012 году. Вскоре Березовский подписал мировое соглашение с Инной Патаркацишвили, по которому должен был получить некую немалую сумму денег, но главное – теперь уже вместе с Инной он подал иск против магната-миллиардера Василия Анисимова, должника Бадри, и за несколько дней до смерти сумел договориться о выплате Анисимовым 800 миллионов долларов, которые, видимо, подержать в руках Березовскому уже не пришлось.

Трудно найти в России человека более непопулярного, чем Березовский. Объективности ради следует отметить, что причиной этого является не то, что Березовский самый нечестный бизнесмен из всех существующих или самый лживый политик из тех, что пробилась к вершине власти. Березовский сам методично и последовательно отстраивал свой «имидж» серого кардинала, циничного кукловода, бессовестного интригана. И это единственное, что Березовский делал методично и последовательно. Он искренне считал, что костюм дьявола на российском политическом маскараде ему к лицу и дает хороший шанс на выигрыш первой премии.

Абсолютно не разбираясь в людях, он одерживал победы лишь до тех пор, пока вектор его движения совпадал с вектором политической деятельности Кремля, а окружавшие Березовского лишенные, как и он сам, морали подчиненные выполняли его указания за неплохие деньги. Но как только Борис ушел в оппозицию, где вектор он определял сам, причем идти нужно было против власти, Березовский оказался в почти полном одиночестве, поскольку окружавшие его люди, за редким исключением, привыкли быть ему верны лишь за очень большие деньги, а эти деньги у Бориса вскоре закончились, точнее: эти траты перестали приносить Березовскому кайф, ведь Борис Абрамович всегда рассчитывал на блицкриг и многолетние осады крепостей были не для него.

В последние годы мы виделись редко, хотя отношения наши оставались теплыми. Смерть его не стала для меня неожиданностью. Человека, отстроившего систему удовольствий через деньги, на безденежье можно было брать голыми руками. Когда-нибудь мы узнаем, чьи именно это были руки.

Юрий Фельштинский
Вечер 23 марта 2013
г. Бостон

Биография Бориса Березовского

Борис Абрамович Березовский родился в 1946 году в Москве. В 1962 году окончил школу и поступил в Московский лесотехнический институт на факультет вычислительной техники. После его окончания в 1967 году поступил в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова на механико-математический факультет. Работал в Институте проблем управления АН СССР (теперь Российская академия наук).

В 27 лет защитил кандидатскую диссертацию, в 37 лет – докторскую по техническим наукам. В 1991 году был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению информатики, вычислительной техники и автоматизации.

Березовский – автор более ста научных статей и двух монографий в области теории оптимизации. Многие его труды были опубликованы в ведущих научных изданиях в США, Германии, Франции, Японии и ряде других стран. Березовский был членом нескольких международных научных обществ.

В 1989 году после появления в России законодательной базы для частного предпринимательства под руководством Березовского было создано акционерное общество «ЛогоВАЗ».

Березовский был основателем и председателем попечительского совета независимого благотворительного фонда «Триумф – ЛогоВАЗ», учредившего в 1991 году ежегодную премию «Триумф» за высшие достижения в российской культуре.

В начале 1996 года он инициировал консолидацию новой финансово-промышленной элиты России в поддержку переизбрания Б. Ельцина на пост президента России. Это начинание сыграло важную роль в сохранении российского курса реформ.

В октябре 1996 года президент Ельцин назначил Березовского заместителем секретаря Совета безопасности России, где в течение года он эффективно занимался одной из самых сложных проблем современной России – восстановлением мира в Чеченской республике.

В апреле 1998 года президентами стран СНГ Березовский был избран исполнительным секретарем Содружества Независимых Государств. Он занимал эту должность до марта 1999 года.

Березовский принимал активное участие в организации президентской кампании 1999–2000 годов, в результате которой президентом России был избран В. Путин. Сам Березовский был избран депутатом Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от Карачаево-Черкесского избирательного округа.

В знак несогласия с отступлением нового президента России от курса реформ Бориса Ельцина осенью 2000 года Березовский сложил с себя депутатские полномочия и объявил об уходе в оппозицию.

В 2000 году он учредил «Фонд гражданских свобод».

В 2001 году по инициативе Сергея Юшенкова, Владимира Головлева и Бориса Березовского была образована партия «Либеральная Россия». В 2002 году Березовский опубликовал «Манифест российского либерализма», который лег в основу программы партии. В 2002 году Березовский был избран лидером партии «Либеральная Россия».

Владимир Головлев был убит в августе 2002 года.

Сергей Юшенков был убит в апреле 2003 года.

Постоянное давление силовых структур и правоохранительных органов, административное вмешательство в его деятельность, аресты и высылки коллег и друзей вынудили Березовского уехать из России. Он эмигрировал в Великобританию, где получил политическое убежище. 23 марта 2013 года он был найден мертвым в Лондоне, в доме своей второй жены, с которой был разведен, но где проживал после продажи своего собственного особняка под Лондоном.

Автопортрет, или записки повешенного

Я

Я генетический оптимист. Я всю свою жизнь каждый день прожил так, как хотел. И всегда был дуализм. С одной стороны, я каждый день живу как последний. А с другой стороны, я каждый день живу так, как первый. И всю жизнь получаю от жизни удовольствие. Всю свою жизнь. И мне добавить к этому больше нечего. Я ощущаю себя ровно так. Я счастлив постоянно. Это болезнь, это диагноз. Я счастлив, я постоянно счастлив. Честное слово.

У меня была мечта, которая практически полностью реализована. Я хотел сохранить себя как независимого, самостоятельного и свободного человека. Причем «свободный человек» отнюдь не означает «вольный». В моей системе определений свобода определяется системой внутренних ограничений. Грубо говоря, это Десять заповедей. Свободный человек – это человек, который не нарушает эти десять ограничений, а в их рамках делает все что угодно. Десять заповедей сформулированы так, чтобы каждый мог реализовывать себя в максимальной степени, не мешая при этом другим. Я этого состояния добился и в этом смысле живу в полной гармонии с самим собой.

Я родился достаточно давно. Я почти атавизм, я видел еще Сталина на трибуне в 1952 году, и, конечно, это наложило свой отпечаток даже на разговоры близких. В моем детстве главные слова были «свобода», «равенство», «братство» и дальше некоторые вариации... Мама рассказывала, что, когда я в пять лет тяжело болел (у меня была дифтерия), от высокой температуры я бредил и в бреду звал на помощь Сталина. Вот с чем мы жили в то время.

Биографии отца и матери очень простые. Я бы сказал, страшно простые. Типичная советская судьбинушка, очень средний, реально средний, уровень советской интеллигенции. Я бы мог сказать советско-еврейской, но нет, потому что в доме не было ничего национального, не было никаких особенностей.

Отец родился до революции, мать моложе его на 13 лет. Отец родом из Сибири, из Томска. Мать родом из Самары, оба переехали когда-то в Москву, встретились и поженились в 43-м году. По профессии отец инженер, строил комбинаты по производству стройматериалов, в Самаре одно время был главным инженером, потом перешел на работу в институт, разрабатывавший проекты предприятий керамических изделий. За возведение такого завода в Узбекистане отец получил даже премию Совета министров

СССР. Умер он в 1979 году. Мама после школы пошла работать медсестрой, а потом много лет работала лаборантом в Институте педиатрии Академии наук. По-моему, лет тридцать там работала. Мы с мамой практически не расстаемся с того момента, как умер отец.

Папа был очень своеобразный человек. Он очень любил мою мать и всю свою жизнь посвящал только тому, чтобы обеспечивать семью. Была масса вопросов, которые задавали и покойный отец, и мама. Вопросы были совершенно естественными, но была глубокая убежденность в том, что все, делающееся от имени государства и государственными людьми, является абсолютно истинным.

Если идти вглубь, то отец моего отца, мой дед, был томским купцом, но любопытно, что позже он стал даже членом КПСС. Мать моя была также из состоятельной семьи польско-итальянско-украинских кровей. Дед был сторонником, причем очень твердым сторонником, революции. Вместе с двумя братьями он прожил весьма эмоциональную, но последовательную жизнь. Дед по материнской линии был первым комсомольцем Самары, а за свои убеждения преследовался при царском режиме. Сохранились его фотографии в каких-то там бурках, с патронташем. Он долго жил на Севере, потом переехал в Москву, где за счет квартироразверстки получил жилье и сумел трижды жениться (вот и я пошел по его стопам). Как-то раз он пришел домой очень радостным и объявил, что создал кружок молодежи последователей Гайдара. Одна из целей кружка состояла в предотвращении эмиграции евреев из Советского Союза. Поэтому-то, наверное, я и не эмигрировал из России.

Моя мать – удивительный человек. У нее генетический дефект – нет чувства зависти вообще. Она не завидует никому вообще, и поэтому она не хочет ни с кем конкурировать, ничего она не хочет, но радуется жизни всегда, она абсолютно счастлива. Может, потому, что в жизни она не переживала такого чувства – себя сравнить с кем-то. Это дефект, потому что с этим очень сложно выживать. Это снимает какую-либо защиту. То есть человек не готов ради своих амбиций, ради проявлений своего эго бороться за что-либо. Но ей в общем-то повезло: сначала ее оберегал мой отец, потом я. «Дефект» – я сказал не в отрицательном смысле, а в смысле отсутствия – по сравнению с большинством людей. Ведь большинство людей, конечно, завидуют, конечно, пытаются это компенсировать чем-то...

Я всё детство дрался. Мне повезло, никогда не было, чтобы меня окружили, например, и избили ногами. А драться – часто дрался. Было такое, что и ножами меня доставали. Я же рос сразу после войны и много жил за городом – в Загорске, в Истре. В Москве жил на Чкаловской, Ульяновской. Это Садовое кольцо. В самом центре. И дрались там, конечно, нещадно. В казаки-разбойники еще играли. В снегу однажды три часа просидел, прятался там.

Я получил классическое советское образование. Учился сначала за городом, где работал отец. Он работал в Новом Иерусалиме на кирпичном заводе главным инженером, а мы жили в Истре. А до этого мы жили в Загорске. Кстати, когда мы с родителями попали в автомобильную аварию, как сейчас помню, это было на Троицу, в День защиты детей, – всей семьей мы угодили в больницу, – первым, кто к нам приехал, был батюшка из Загорска, потому что отец поставлял стройматериалы для строительства церкви. У меня не было специальных учителей, я начал в стандартной сельской школе. Потом в Москве я опять пошел в обычную школу. В шестом классе я перешел в английскую спецшколу – она только-только открылась. Я сам туда пошел, записался и заканчивал уже английскую

школу.

Родители меня самого держали в ежовых рукавицах. Я считаю, что каждый человек уникален, что насилие над детьми недопустимо. На детей не нужно оказывать давление, хотя иногда без этого просто не обойтись, и после того, как способности детей станут очевидными, их следует развивать. Меня в детстве родители буквально насильовали, заставляя играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Жили мы в коммуналке, куда не то что рояль, пианино не входило. В итоге мне купили баян, и я шесть лет играл на нем. Баянистом не стал, но чувствовать музыку научился. Это самое главное! Обожаю мюзиклы, хотя партии для баяна там не встречал. А вот живописи меня не учили.

Впервые реальную и конкретную нехватку времени я ощутил в 16 лет. То есть с той поры, когда уже стремился стать самостоятельным человеком. И спал я всегда мало – три, четыре, пять часов. В юношеское время, лет в пятнадцать–шестнадцать, когда пытался понять основные моральные принципы, я после критики сразу вставал в стойку. Но после прочтения какой-то книжки усвоил идею, которую пытаюсь в себе сейчас культивировать. Моя нынешняя реакция на критику – вопрос к себе: в чем я виноват, что сделал неправильно?

Я слушал «Голоса...» иногда с ненавистью, потому что отец слушал их до поздней ночи (ночью глушили меньше, чем вечером), а я ложился спать (люблю вставать рано), и это меня дико раздражало. Вначале, когда я еще не был женат, мы жили в полуподвале, в коммунальной квартире, вдвоем, в общей комнате 11,5 квадратного метра. Потом отец получил квартиру, и мы переехали. Но мой ритм жизни не совпадал с его. На самом деле все это нисколько не умаляло моего интереса к тому, что слушал отец, и он, конечно, делился со мной. Скорее на эмоциональном уровне, чем на содержательном. Но ведь эмоциональный уровень родителей является доминирующим в определении реакции ребенка. Для меня эмоциональным фоном был его постоянный, непрекращающийся интерес к тому, что происходит в политике, в мире, в России. А прежде всего как Россия воспринимается с точки зрения объективных или, лучше скажем, независимых свидетелей. Не то, что пишет советская пропаганда, а то, как думают люди, которые или уехали из России, или изучают и оценивают то, что происходит в России.

Я пытался сам, без протекции, поступить в университет. Не поступил. Поступил в лесотехнический институт, тоже невесть какой элитарный. Но там Сергеем Павловичем Королевым был открыт факультет вычислительной техники. Окончил этот институт, но осталось что-то неприятное от того, что не поступил в свое время в университет. И вот после окончания института поступил в университет, на мехмат. Потом аспирантура, семья, дети, масса всяких проблем. Работа в Институте проблем управления АН СССР. Феноменальная среда, академическая, в которой я провел двадцать с лишним лет, которая дала мне уникальное представление о мире.

Я человек самодостаточный. Я никогда не скрывал, что всю свою жизнь от жизни здесь, на земле, я получаю удовольствие. Абсолютно не было никакой проблемы «двойной жизни», поскольку для меня сознательная жизнь наступила уже в начале шестидесятых. Я жил другой жизнью. Мой главный интерес был в другом – в науке. Главное любимое занятие для меня в то время была прикладная математика, конкретная область этой науки – теория оптимизации, и я этим жил. В науке была воля, там была максимальная степень свободы, возможность оставаться свободным. Начиная с совершенно утилитарных вещей: можно было приходить не по звонку и уходить не по звонку. С одной стороны, мне было

чрезвычайно интересно то, чем я занимался, потому что это было творчество, а с другой стороны, я не был обязан отчитываться за каждый прожитый день, за результаты труда каждого прожитого дня, когда нужно выточить определенное количество болванок. И вот я так оболванен не был. Никем, кроме как самим собой, никогда себя в жизни не ощущал. Не было никогда стремления «делать жизнь» с кого-то, как говорил классик.

Отца к тому времени уже не было; отец так и умер на работе. А мать, ну она... она уже в то время не пыталась меня воспитывать, она пыталась меня понимать. Она считала, причем вполне заслуженно, что свои впечатления о жизни она мне уже передала. Она пыталась скорее понять меня, чем научить. Но при этом имела свою точку зрения на то, что со мной происходило. Она никогда не отговаривала меня. Она очень тяжело переживала смерть отца, это длилось не один год, не два года, а по меньшей мере лет десять и больше... А потом, она ведь не пыталась относиться критически к тому, что я делаю. Как и свойственно матери, она пыталась в любом случае поддержать меня, без всяких собственных оценок, хорошо это или плохо. Я думаю, что она, как и большинство советских людей, абсолютно не понимала, что происходило в то время. Ей нравилось, что я счастлив, а это больше чем достаточно для любой матери. Поэтому никакого критического анализа того, что со мной происходило, у нее не было. Моя мама, конечно, волнуется за то, что происходит со мной. Но она доверяет моим ощущениям. И она знает, что я могу ей сказать даже самые сложные и неприятные вещи.

Я общественное животное. Я активный человек. Мне очень хотелось стать и пионером, и комсомольцем. Хотя при вступлении в комсомол у меня возникли некоторые сложности, правда, чисто случайного и технического характера. Однажды мы играли в классе в футбол и разбили портрет Дзержинского, и под этим предлогом меня не хотели принимать в комсомол. Говорили, что это был антисоветский поступок, чуть ли не сознательный. Но я хотел и вступил в комсомол. Комсомольцем я был самым активным, одно время председательствовал в Совете молодых ученых Института проблем управления, потом в этом же статусе на территории района, а потом и во всей Москве.

Я всегда ощущал себя частью народа страны, в которой я жил. Я – образец классического советского карьериста. Я получал удовольствие и при советской власти. Поступил на работу в самый престижный в этой области институт, в 1978 году стал и членом партии. Причем тоже абсолютно сознательно, но не из-за идеологических соображений, а из-за того, что я в то время был очень честолюбив и стремился сделать карьеру. И я хотел убрать все преграды на пути, чтобы мне не мешали заниматься тем, чем я хочу, не мешали общаться с тем, с кем я хочу. Я думаю, что это была интуитивная компенсация отсутствия необходимого таланта в научной области.

Никогда в советское время я не был диссидентом. Я был нормальным советским ученым, мне было классно, комфортно. Я не согласен был с этой компартией, хотя был членом компартии. Немного она меня раздражала. Из партии не выходил, в отличие от некоторых, билет свой никогда не рвал, не сжигал. Так он и лежит у меня в сейфе в институте, где я до сих пор на общественных началах заведу лабораторией. Я был нормальный советский лицемер. Внутренне, по крайней мере. И я не случайно решил креститься не в советское время, хотя тоже у меня были ощущения... Я точно не диссидент. Я борец за светлое настоящее и получаю удовольствие от каждого прожитого дня. А если день прожит без удовольствия, значит, он неправильно прожит. И мне мучительно больно за неправильно прожитые дни и годы.

Делал я всю свою карьеру по ступенечкам: лаборант, инженер, младший научный

сотрудник, кандидатская, докторская, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Все, чем я занимался, мне было абсолютно интересно: и наука, которой я посвятил двадцать лет, и бизнес, и государственная служба. Когда у меня появилась семья, двое детей, я учился в аспирантуре, моя жена не работала, и мы жили на стипендию сто рублей в месяц. Мы жили очень и очень бедно. Подрабатывал, конечно. Может быть, все это и оказалось той базой подготовки к рыночной конкуренции. Мне нетрудно жить в этой экономике, нетрудно отвечать за самого себя.

В 27 лет я защитил кандидатскую диссертацию, в 37 лет стал доктором технических наук. Проработал двадцать с лишним лет в уникальном Институте проблем управления. Этот институт Академии наук был лидером в области теории построения систем автоматизированного проектирования. Занимался я в то время модной и очень интересной научной областью – теорией принятия решений, теорией оптимизации и разработкой систем компьютер-дизайн (автоматизированная система проектирования). В 1991 году, мне было 45 лет, был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, что, в общем, удавалось немногим. Это было серьезное достижение. Я был одним из самых молодых членов Академии наук. С точки зрения престижа оставался всего лишь шаг до вершины – избрания академиком. Но тем не менее я все-таки думаю, что у меня не было таланта, который позволил бы мне получать абсолютное удовлетворение от творчества в этой области.

Мы жили лучше многих. К 42 годам я имел автомобиль «Жигули» пополам с приятелем. Нам с Лёней Богуславским он достался от его отчима поэта Андрея Вознесенского, который купил себе новый. Мы его отремонтировали, неделю ездил Лёня, неделю я. При этом я испытывал колоссальное счастье. Я, как и другие, покупал в рассрочку люстру через кассу взаимопомощи за триста рублей, в кредит, потом полгода возвращал деньги. Год копил на цветной телевизор – нормальная ситуация. Я вынужден был кормить семью. Но я работал с 16 лет, я ни на кого не рассчитывал. Только на себя. Я занимался любимой наукой, общался с блестящими людьми. Желание было одно – получать от жизни удовлетворение, радость. Но у меня возникают желания делать что-то самому только тогда, когда я уверен: никто другой не сделает так хорошо, как я. Я очень не люблю делать то, что другие делают лучше меня. Именно поэтому я бросил заниматься наукой – я понимал, что не буду первым, потому что есть люди, которые талантливее меня в математике. И когда я стал заниматься бизнесом, мне стало комфортнее. Потому что я понимал: то, что делаю я, очень мало людей могут делать так же.

Мне нравилась жизнь ученого в Советском Союзе. Нерегламентированный рабочий день. Не нужно было к восьми часам, продираясь через толпу, лезть в метро. Я мог поспать, но зато мог и посидеть до четырех утра и подумать над проблемами, которые были интересны. Я вел жизнь советского художника. Это не жизнь советского рабочего – от звонка до звонка у станка. А с рассвета до заката наедине с собой, со своими мыслями и с компанией, которую ты выбираешь. У нас в Институте проблем управления был клуб. Мы разговаривали, обсуждали, ходили по длинным коридорам, а потом я приходил домой на кухню, все ложились спать, я спокойно занимался научной работой.

Да, жизнь в Советском Союзе – это целый период, ровный, яркий, счастливый. Я был абсолютно счастлив в Советском Союзе. А потом эта жизнь закончилась, в 1989 году, когда в институте перестали платить зарплату, и я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало неудобно. Я – человек чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я почувствовал раньше других.

Хотя внешне всё оставалось спокойным: жена, двое детей, квартира, машина напололам с приятелем, докторская зарплата. Однако я почувствовал, что прежняя жизнь завершается, и попытался предугадать новую, еще неявную жизнь, перемены, грядущие в огромной стране. Я принял абсолютно нетривиальное решение: больше не заниматься наукой, а начать заниматься бизнесом, который в то время назывался «спекуляцией».

Это было непросто, потому что страна не воспринимала такие категории, как «хозяин», «большие деньги», «быстрый, бешеный заработок». Все это раздражало общество, даже близких товарищей. Я закрыл дверь лаборатории, которую сам создал (для института проектирования это не обычная история, обычно лаборатория достается в наследство, когда старенький профессор отойдет от дел), ушел из тихого, спокойного академического института, полностью стал самостоятельным. Никакой зарплаты, никакой социальной помощи. Не жди ниоткуда помощи и защиты. Но тем не менее наступила совсем другая реальность. Я взял полностью ответственность за свою жизнь, уже не упоая на государство. Хотя, конечно, подсознательно рассчитывал, что в трудные минуты оно придет на помощь. Конечно, раньше государство бесплатно учило, лечило, давало жилье. Это потом я стал понимать, что за это расплачивался налогами, неполной зарплатой, ограничением индивидуальных возможностей, обеспечивающим «социальную справедливость». Для меня началась совершенно другая жизнь, с риском, ответственностью и свободой. И мне такая жизнь очень нравилась.

До этого я был не последним человеком в науке. Член-корреспондент Российской академии наук, в которой на весь Советский Союз было 800 человек, 500 академиков и 300 членов-корреспондентов. Это результат, к которому стремился любой честолюбивый ученый. Я рассчитывал в дальнейшем стать академиком, лауреатом Нобелевской премии, хотя понимал, что я не лучший среди своих коллег, что есть люди, превосходящие меня в науке. А когда я пришел в бизнес, я почувствовал, что то, что я делаю в бизнесе, под силу очень немногим людям. В бизнесе из моего окружения на это не был способен никто. Это потом появились какие-то новые имена, которых я прежде не знал: Миша Ходорковский, Володя Потанин, Володя Виноградов. Их совсем было мало, этих людей, которых потом назвали олигархами.

Ощувив свою уникальность, я почувствовал себя комфортно, потому что, повторяю, категорически не люблю делать в жизни то, что другой умеет лучше меня. Просто отхожу в сторону. Спрашиваю: зачем я толкнусь в этом месте, если есть другой, который делает лучше? Когда я стал заниматься политикой, то почувствовал себя совсем комфортно, ибо я действительно во многих проектах не видел себе равных. Никого, кто мог бы подобное придумать и реализовать. И конечно, это было комфортное ощущение: я нахожусь в том месте, которое никто другой не может занять. Но это уже третий этап моей жизни. Переход от бизнеса к политике.

Когда я занимался математикой, которая требовала концентрации всех моих сил, то не мог себе позволить выпить бокал сухого вина в течение недели, если только в воскресенье, потому что когда я выпивал бокал сухого вина, то понимал, что я хуже, менее тонко понимаю проблемы, которыми я занимаюсь, чувствовал, что проигрываю в конкуренции с моими товарищами, не могу так концентрироваться, так соображать, как они. В то же время у меня были друзья, которые работали вместе со мной и которые могли одновременно выпить бутылку водки и соображали не хуже меня. В бизнесе я себя чувствовал совершенно комфортно, даже если выпивал бутылку водки. Но тем не менее я понимал, что здесь есть конкуренция. А занимаясь политикой, я могу выпивать по

бутылке в день и не чувствовать особой конкуренции в идеях и творчестве. Даже если я выпью литр водки, то все равно то, как я буду понимать, будет сильно превосходить то, как это понимают другие, по крайней мере относительно тех решений, которые приходили в голову мне. Я не думаю, что сильно заблуждаюсь в своей оценке.

Я и сегодня могу немало выпить, несмотря на гепатит, а раньше вообще никому не уступал. Я никогда не относился к этому как к необходимости. Для меня это удовольствие. К тому же в России так вообще проще разговаривать. И со мной проще разговаривать, когда я выпью. И мне проще разговаривать. Сейчас пью меньше. Но бутылку в день выпиваю. Если надо, могу выпить свою чашу до дна, будь то коньяк «Наири» или полдюжины бутылок белого вина, которое я стал пить уже в Лондоне.

Материться не просто умею, а люблю. Думаю, что понимаю даже в этом как бы толк. Я считаю, что русский мат абсолютно уникален по той причине, что он максимально психологичен, органичен. То есть это самовыражение очень естественное и очень мощное. Поэтому я вообще все эти глупости типа ввести ограничения, чтобы дети не услышали «Е... твою мать!»... Пусть слышат, нормально. Ничего страшного.

Может, я заблуждаюсь, но у меня никогда не было ощущения, что меня несет поток. Наоборот, у меня ощущение, что я всегда принадлежу сам себе. В жизни мне повезло с наставниками. У меня было трое учителей (я имею в виду Учителей с большой буквы). Каждый научил своему. Жизни в широком смысле научил меня Вадим Александрович Трапезников. Был такой выдающийся советский ученый, академик. Именно жизни, а не науке, несмотря на то что он был директором института, в котором я работал. Вадим Александрович был одним из последних аристократов по духу и по воспитанию, человек совершенно ушедшей породы. Такой атавизм советской системы, одновременно прижившийся в советской системе, сделавший блестящую карьеру. Андрей Битов писал, чем аристократ отличается от интеллигента: у аристократа экономическая мотивация не является доминирующей. Поэтому и требуются или какие-то особые гены, или несколько поколений жизни в достатке, чтобы быть аристократом. Все фундаментальные, серьезные, прежде всего моральные, определяющие личность человека качества были у него оттуда, из прежнего времени.

Я пришел в институт, практически его не зная, в 1976 году, младшим научным сотрудником, когда он уже был директором института. Последние десять лет его жизни мы были очень близки, несмотря на огромную разницу в возрасте. Я абсолютно искренне говорю, что не родители сформировали меня. Может быть, родители сформировали важнейшие, самые главные черты менталитета...

Второй мой учитель – Борис Давыдович Ланде. Он дал импульс: не быть в стаде, не быть щепкой, на все пытаться смотреть как в первый раз, научил терпению. Он научил меня тому, чему вообще невозможно научить, – он научил меня творчеству. Ведь вообще непонятно, как учить творчеству. Но ему это удалось. Я был уже в достаточно зрелом возрасте. Творчество – это такое состояние, в которое ты погружаешься, когда на все, что тебя окружает, смотришь глазами ребенка и одновременно со всем знанием, которое ты уже имеешь. То есть смотришь так, будто в первый раз увидел, а анализировать можешь так, будто уже все прочитал. Это очень серьезная штука. С Ланде мы очень много вместе работали. Он был большой фантазер. Он научил меня трансу. Поэтому каждый раз, когда я о чем-то задумываюсь, впадаю в транс, как будто этого никогда не видел.

Я ничего не писал кроме стихов, иногда. Давно уже не писал. А вообще творчество – это последовательность нескольких важных компонент: первая компонента (самая главная) –

ощущение, вторая компонента – возможность понимать свои ощущения, третья компонента – возможность описывать свои ощущения словами. При этом часто случается, что второй компоненты нет вообще (некоторые опускают понимание и сразу могут описывать свои ощущения) или у кого-то она есть (и тогда они проходят и через понимание, и через описание этого понимания). И наконец, четвертая важная компонента – возможность описать так, чтобы другие ощутили то, что ты ощущаешь. Вот такая цепочка. Я, например, знаю абсолютно гениальных актеров, которых я разделяю на два класса: есть актеры глупые, но они гениальные, потому что они точно передают ощущение, а вот если с ними говоришь о чем-то еще, они никогда не объяснят, почему они так ощущают. А есть другие, которые описывают, как они это понимают... Так вот, Ланде смог не только мне все описать и объяснить, но и сделать так, что я все это начал ощущать.

И был третий учитель, он меня научил злу. Не то чтобы научил, а просто примерно показал, что такое подлость, предательство. Это случилось уже в совершенно зрелом возрасте, когда я уже стал заниматься бизнесом... Я не хочу называть его фамилию. Но тем не менее благодаря ему я и это тоже узнал.

Все мои Учителя – люди, которые меня научили Добру, – были намного старше меня. Только один, тот, который научил меня злу, был моего возраста.

Я всегда спрашивал себя, в чем смысл образования. Многие считают: в получении профессии, позволяющей хорошо зарабатывать. По-моему, образование помогает расширить сферу получения удовольствия. Я очень много времени в своей жизни учился, и я считаю, что главный смысл образования как раз состоит в том, чтобы расширить сферу получения удовольствия от жизни. Образование должно делать мир более интересным. Как сказал Эйнштейн, образование – это то, что ты не забыл после того, как забыл то, чему тебя учили. То есть образование есть то, что у тебя в крови. Так вот, у меня в крови осталась наука, которая называется «теория принятия решений». И во мне осталась насущная потребность классифицировать все, что я наблюдаю. Это происходит невольно. Вначале я задумался вот о чем: можно ли во всем нашем российском хаосе найти какие-то закономерности? К моему удивлению, я обнаружил, что все логично, последовательно, все происходит каноническим образом, как в любом историческом процессе.

Может быть, к несчастью для моих близких, у меня никогда не было выбора между работой и выходными – что в прошлом, что сегодня. Не знаю, хорошо это или плохо с чисто человеческой точки зрения, но абсолютно доминирующим приоритетом для меня всегда была моя работа. Это не значит, что я не помнил о своей семье. И помнил, и заботился, и забочусь. А выходных как не было, так и нет.

У меня в жизни никогда не было хобби. Вообще никогда. Все, чем я занимаюсь, – это и есть мое хобби. Вот я занимался наукой – это и было мое хобби. А что такое хобби? Ты приходишь на работу, тебе там не очень интересно, а пришел домой – занялся бабочками? А у меня в жизни никогда так не было. У меня никогда не было и слова «работа» – в смысле работать для того, чтобы заработать деньги, от звонка до звонка. У меня этого, к счастью, никогда не было. Поэтому то, чем я занимался в жизни, составляло мое хобби, любимое. Наукой я занимался двадцать с лишним лет, и это и было мое хобби, по восемнадцать, по двадцать часов в сутки.

Любая творческая работа – это предпринимательство. Я работаю только по одному принципу: высказываю свою систему аргументации, и, если она выше системы аргументации моих оппонентов, принимается решение, на котором я настаиваю. Если же

оппонент меня убедит, то принимается другое решение. Я никогда не был критичен, я никогда не расстраивался, если где-то не удавалось зарабатывать больше, чем можно было заработать. Я никогда не переступал внутреннюю этику и внутреннюю мораль. Может быть, я и неприятен как раз именно поэтому, но абсолютно последователен в этом.

Я чист перед самим собой – и это главный критерий, которым я руководствовался, устраивая бизнес, устраивая политику. Я против своей совести нигде не пошел, против собственных убеждений не шел никогда, против собственной воли – тоже и поэтому абсолютно счастлив внутренне. Но ситуации, когда мои аргументы оказываются менее убедительными, чем аргументы оппонентов, случаются сплошь и рядом. В своем окружении, среди тех, с кем я общаюсь часто, я не замечал ни противостояния тому, что я делаю, ни зависти к успехам. Напротив, когда возникали трудности, когда одному невозможно было сопротивляться, я всегда находил поддержку.

Есть два типа людей: одни изначально относятся плохо, другие изначально относятся хорошо. Я всегда ко всем изначально отношусь хорошо. Мы хуже думаем о тех, кого больше знаем, и лучше – о тех, кто мало знаком, надеясь, что у них проявятся лучшие качества. Так уж устроены люди.

Я абсолютно незлопамятен. Меня часто в этом упрекают мои партнеры и, иногда, даже близкие. Я вообще не понимаю, что такое злая память. У меня просто отсутствует память на недобрые события в моей жизни. Мне можно переходить дорогу сколько угодно раз. Я черных кошек не боюсь. Я так и не научился разбираться в людях. Меня часто предавали, но я никогда не вел списка врагов или друзей. Всё это чисто генетически пришло от моей матери, в значительной степени перешло ко мне. Если вдуматься, то отсутствие чувства зависти и порождает отсутствие злой памяти. А то, что со мной было в жизни приятного, я помню очень долго. Я не считаю себя человеком рациональным. У меня мышление не аналитическое, у меня мышление интуитивное. Я человек эмоциональный и руководствуюсь ощущениями, а не просчетами ходов. Я действую в силу своего собственного представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Были события в моей жизни, когда мне очень хотелось заплакать. Но я не заплакал: самоконтроль.

Я никогда не скрывал своих взглядов. Я никогда не скрывал, что не боюсь ни травли, ни общественного мнения, если обратная сторона не пытается аргументировать свою позицию, а пытается только кричать о своей позиции. Единственное, что меня задевает реально, – это хамство. Вот хамство – это то, что я не терплю. Прежде всего когда при мне происходит хамство между кем-то – между вторым и третьим. Но я также реально болезненно отношусь к хамству по отношению к себе. Вот это то, что я не умею прощать.

Лживые слова ранят не меньше действий. Переживания могут быть страшнее физической боли. Я вообще весь мир воспринимаю только через чувства. У меня нет памяти на факты, у меня есть память на чувства. Я не понимаю чувств других людей. Я понимаю только, умный он или неумный. Но я не понимаю, предатель человек или нет. Любит или не любит. Больше того, я не хочу это выяснять, я не хочу тратить время на то, чтобы думать: доверять или не доверять людям. Потому что, даже если меня обманывают, я все равно считаю себя достаточно сильным, чтобы пережить этот обман. Я плохо разбираюсь в людях, поэтому не умею распознавать заранее, кто несет в себе подлость, предательство. Но постольку, поскольку я до сих пор еще не слишком старый и есть еще силы, меня это не слишком смущает.

Наверное, моя вина состоит в том, что я никогда не отвечал своим оппонентам, меня никогда не интересовало то, что обо мне думают другие, никому не пытался понравиться.

Просто делал всегда то, что считал нужным, что интересно мне и важно для моей семьи. Я абсолютный эгоист в этом плане. Друзей у меня очень много, врагов – еще больше. За последнее время стало больше друзей, поскольку количество врагов таково, что практически исчерпан потенциал, откуда их число может еще множиться. Я вообще никогда не ставил себе цель, чтобы меня кто-то любил. Кроме, конечно, женщин, в которых я был влюблен. Меня абсолютно не волнует, например, что народ думает обо мне. Народ для меня – понятие абстрактное. А как любое абстрактное понятие, он не наделен никакими чувствами. Для меня значительно важнее, что я сам думаю о себе и что думают обо мне моя мать, мои дети, моя жена, моя приятели, мои друзья. Это для меня принципиально.

Я считаю, что у меня есть судьба. Но это совсем не означает, что я претендую на предвидение. Я могу влететь на белом коне, могу потерять голову. Судьба – это же не результат. Судьба – это процесс. Судьба – это границы. Они могут быть уже, они могут быть шире. Вопрос, ощущаешь ты эти границы или нет. Я, например, знаю, что, если я чего-то очень хочу, я этого не получу до тех пор, пока не потрачу все свои силы для достижения этой цели и не пойму, и уже не хочу ее, этой цели. Тогда я ее получу. Один из параметров моей судьбы – что ничего в жизни не дается просто так. Меня не могут просто так наградить орденом. Вдруг объявили бы: Борис Николаевич принял решение, что вас наградят орденом. Никогда не поверю! Потому что это не моя судьба. Медаль – это не моя судьба. При жизни.

Вот у меня был такой случай, когда я очень хотел. Мы с товарищем как-то добивались одной цели, и вдруг мне сообщают, что все, цель достигнута, завтра можно подъехать и получить бумажечку. А я вдруг говорю: не дадут нам завтра бумажечку. Почему? Потому что я еще не перестал хотеть добиться этого. «Да брось ты!» – говорит товарищ. «Сто процентов!» А утром следующего дня я должен был лететь в Лондон. Это было давно. И вот я прилетаю в Лондон, а как раз была по времени разница. Только приземлился – мне звонят: к сожалению, пролетели. А потом еще два месяца борьбы, и цель снова была достигнута. Но мне этого уже абсолютно не хотелось. Вот это я называю судьбой. Не результат, а процесс.

Любовь

Единственный раз я оказался не готов к новости – когда ждал рождения второго ребенка. Жена убедила меня, что будет сын, а родилась девочка. Было очень глупое состояние. Правда, потом так обернулось, что Катя, моя вторая дочь, стала одним из самых близких для меня на свете людей. Теперь у меня шестеро детей. И это, конечно, главное в моей жизни, хотя я никогда серьезно не занимался их воспитанием. Я почти совсем не уделяю детям внимания. Жалею ли об этом? Трудно сказать. Видимо, то, что я делаю, представляет для меня большой интерес. Две мои старшие дочери, Лиза и Катя, отучившись поначалу в школе в России, три года прожили в Англии, окончили Кембридж. Одна – по специальности «экономика». Вторая училась по специальности «классика» – искусство, литература, философия. Поскольку девочки учились хорошо, их европейское образование стоило недорого – около десяти тысяч долларов в год.

Лиза занимается своим любимым делом – у нее трое сыновей. Они периодически живут

в Москве, периодически – в Англии, иногда – во Франции. Мне кажется, что она вполне довольна своей семейной жизнью. Помимо этого, она еще раз в год делает что-то такое, что называет произведением искусства, которое почему-то покупают, в основном иностранцы. Устраивает выставки произведений в Москве.

Я очень люблю своих детей, но все-таки думаю, что и здесь я немножко испорченный человек, у меня нет зова крови, голоса крови. Не то чтобы совсем... Но, видимо, все-таки я понимаю, какая огромная структура была создана при моем непосредственном участии, и не считаю, что ответственность может наследоваться по родовому принципу. Ведь структура – это ответственность прежде всего. Поэтому я очень надеюсь, что мои дети осознают вот эту ответственность. Но они все-таки должны доказать свое право участвовать в управлении такой огромной системой.

Что касается любви, то я в другом, кроме состояния любви, не пребываю. И считаю, что любовь важнее всего в этой жизни. Все другое второстепенно, включая политику. Должен сказать, что ко всем своим женщинам я всегда относился очень серьезно. Может быть, даже слишком серьезно. Сравнительно недавно я узнал, что в народном языке не было понятия «любить». Его заменяли словом «жалеть». Не знаю, может, то, что я сейчас скажу, покажется неприятным или обидным кому-то из моих близких и любимых женщин, но я всегда их всех жалел. Конечно, это не значит, что жил с ними из жалости. Свои интересы в любви я всегда жестко отстаивал.

Любовь – это действительно важнейшая часть моей жизни. Был такой очень серьезный случай. Я только начал делать «ЛогоВАЗ» – и влюбился. Влюбился в Лену. И я на два года бросил все. Вот просто все. Мои партнеры, думаю, тогда больше всего на свете ненавидели Лену. И пока я не добился ее, не в вульгарном смысле – переспал, а не добился – в смысле, что она меня полюбила, – про все остальное не мог думать. Это самые сильные ощущения. По крайней мере, я ничего сильнее в жизни не испытывал.

Меня в жизни предавали, много предавали. Но меня никогда не предавали женщины, никогда. Думаю, что это по той причине, что женщины тоньше и последовательнее, женщины более консервативны. Когда кто-то из супругов идет в суд, я расцениваю это как предательство. Я не представляю ситуацию, когда одна из женщин, которая была мне близка, с которой я прожил много лет, может пойти в суд на меня с иском. Для себя я абсолютно исключаю такую возможность: у меня сохранились самые добрые отношения с теми женщинами, с которыми я жил много лет, и детьми. Я считаю, что я всегда оставался корректен. Не просто корректен формально, а со всеми у меня добрые, родственные, близкие отношения. Им, конечно, судить, какой я муж и отец.

Развод – это всегда трагедия. Здесь не обойтись без некоторой философии. Я всегда женился по любви и расходился, когда любовь заканчивалась. Я недавно задумался, как определить, что такое любовь. Не любовь между мужчиной и женщиной, а просто любовь к другому. Очень смешная получилась история. Оказалось, что любовь к другому – это высшая степень проявления эгоизма. А ведь что такое эгоизм – любовь к самому себе. То есть любовь к другому – высшее проявление любви к себе. И я могу подтвердить эту мысль отсылкой на Новый Завет: «Возлюби ближнего, как самого себя». Любовь к другому – высшая степень проявления любви к себе. Это общее определение.

А если говорить о частном определении, что такое любовь мужчины и женщины для меня, это не банальные ответы (самопожертвование, абсолютное согласие). Для меня любовь – когда только от одной мысли, что она мне изменяет, мне становится дурно. От одной мысли, подчеркиваю. И как только эта мысль меня не будоражит и ты допускаешь

и спокоен при этом, – вот это означает, что любви уже нет. И такое, к сожалению, происходило в моей жизни, и я не пытался кривляться и разводился. И в общем очень рад, что до сих пор эти чувства я испытываю. А меня тяжело любить по многим причинам, главная из которых – то, что я фантастический эгоист.

Я очень боюсь неожиданных звонков, касающихся членов моей семьи. Больше всего меня тревожит, когда я либо получаю сообщение, либо звонок, либо секретарь передает, что срочно просит позвонить Лиза или Катя, – и я не знаю причины. Это тут же выбивает меня из колеи, и я осознаю, что дети для меня – самое главное. Все, что касается детей, – всегда приоритет. В этом я очень похож на свою мать. Она тоже всегда боялась, когда ей неожиданно звонили и выясняли что-то обо мне: она каждый раз думала, что со мной что-то случилось. Это, пожалуй, главное, чего я боюсь.

Еврейский вопрос

Мне было лет восемь. Мы сильно подрались с одним мальчиком на катке, и вдруг он сказал: «Уйди, Абрам». Я удивился: откуда он знает мое отчество? Потом я пришел домой, родители мне пытались объяснить, что есть русские, и есть евреи, и что я должен понимать, что те, кто не очень хорошо относится к евреям, не понимают, что все люди равны; и что мы все вместе живем в Советском Союзе, что у нас в стране очень мало таких людей, которые считают, что от того, какой ты национальности, что-то зависит... В общем, прочитали мне типично советскую лекцию, причем в полной убежденности, что всё обстоит именно так.

Я, например, в доме никогда не слышал, что русские плохие, а евреи хорошие. Более того, эта тема не то чтобы была табу, но реально она никогда не выделялась, были другие. Я уж не знаю, хорошо это или плохо, но я не получил никакого специального еврейского импульса в своей жизни. И может быть, это на самом деле мне очень помогло, потому что у меня в жизни, потом уже в более зрелом возрасте, было много ситуаций, когда я прекрасно понимал, что есть евреи, русские, есть татары, еще другие люди и положение их в Советском Союзе неравноправно. И я это ощущал на себе, но никогда не озлился по этому поводу. Я настолько был защищен от того, чтобы этому придавать значение, что это меня никогда не оскорбляло.

Очень много ФСБ писала: «Отец Березовского известный в России раввин». Как будто это ужасно. Я бы гордился, если бы он раввином был. Но он был строителем. Он прожил достаточно тяжелую жизнь, прошел через всё, через что проходил нормальный советский человек. Он прошел в том числе и через то, что доставалось евреям. С 1951 по 1953 год отец вообще не мог устроиться на работу, потому что был евреем. Я тогда впервые об этом услышал, но не очень понимал: что такое, все работают, а он не может, какие-то там проблемы... Семья жила за счет того, что работала бабушка, мать моей матери, она была русская. Но у меня все это не породило ни комплексов, ни злости. Я никогда, в отличие от многих моих товарищей, не пытался уезжать из России. Это моя страна ничуть не меньше, чем товарища Проханова.

Я всегда считал себя достаточно сильным человеком (даже подсознательно), чтобы вообще не придавать этому значение. Хотя были, конечно, в жизни совершенно обидные ситуации. Обидные реально. У меня в голове существовал запрет на профессию. Я никогда не испытывал еврейского комплекса, хотя сталкивался с явными проявлениями

антисемитизма. Я поступал в Московский государственный университет на физфак. Мне говорили: «Не поступай, ты еврей, тебя не примут». Почему не примут? Я был чемпионом разных математических олимпиад. Мне поставили пятерку на письменном экзамене и двойку на устном экзамене по математике. Всяко может быть в жизни, но то, что я знаю математику не на двойку, – это точно. Я считал и сегодня считаю, что это было совершенно несправедливо. Мне было 16 лет, и, конечно, я страшно переживал по этому поводу. И даже опротестовывал это вместе со своим учителем. Мы ничего, конечно, не добились... Меня не приняли. Но были евреи, которых приняли. Моего товарища Женю Берковича приняли, значит, я оказался слабее тех, кого приняли. Я не относил это к «пятому пункту». Через месяц я поступил в другой институт, а потом, когда его уже окончил, все равно пошел в университет и поступил на мехмат. И как бы доказал себе, даже не то чтобы доказал себе, а просто мне хотелось знать больше математики, и я этого добился.

И позже я иногда чувствовал некоторое сопротивление, которое объяснял своим происхождением: при защите кандидатской, при переходе на работу в Институт проблем управления. При поступлении в партию: там было прописано, сколько ученых, рабочих, евреев. Но я был председателем Совета молодых ученых Института проблем управления и получил специальную квоту.

Вопрос в том, насколько я оказался чувствительным к этой проблеме. Конечно, здесь многое зависит и от моего воспитания, абсолютно космополитичного, и отчасти от моей психики. Я не озлобился и никогда не пытался трансформировать это в ответные действия. Несмотря на неоднократные в моей жизни попытки указать мне на место, я этого не воспринял. Не только не воспринял в детстве, но и не воспринял в сознательном возрасте. Я никогда не протестовал, не пытался бороться. Скорее всего, потому, что я конформист, предпочитаю не воевать с ветряными мельницами. Я все-таки считаю себя принадлежащим к русской культуре. И не считаю, что антисемитизм в России более развит, чем в других странах мира. Замечал специфическое отношение к евреям и в Европе, и в США.

Очень многие мои друзья уехали в шестидесятых годах и позже. С некоторыми из них я не раз встречался, когда уже стало возможным ездить туда-сюда, но у меня никогда не было идеи уезжать. Я не знаю почему. Не потому, что я сомневался в себе, просто вообще никогда не рассматривал эту ситуацию, хотя, когда я стал серьезно заниматься наукой, ездил в командировки, мне даже предлагали остаться. Но я никогда это не рассматривал как серьезный вариант жизни для себя. Вообще среди моих родственников (так получилось, что у меня очень немного именно моих родственников) никто никогда не думал об отъезде и не эмигрировал.

Каждый еврей волен сегодня сделать выбор, где он будет жить: в России, Америке, Израиле и так далее. Я свой выбор сделал. Россия – нисколько не меньше моя страна, чем страна товарища Макашова. Я считаю, что Россия без евреев вообще немыслима, та Россия, в которой мы живем. Их вклад в ее культуру, науку, интерьер огромен. Равно как и вклад других наций – мне бы не хотелось говорить в генетических терминах. Я живу там, где мне удобно, и считаю, что эта моя позиция помогает и евреям, и всем нерусским жить комфортнее в России. При этом я хочу сказать, что колоссален вклад в эту тему Владимира Гусинского. Он впервые проблему антисемитизма в России вывел в открытую плоскость, ее можно обсуждать. Государство лицемерно молчало о том, что в паспортах есть пресловутый «пятый пункт» и так далее. Теперь эту проблему можно не только

обсуждать, но и продвигать. И в этом, повторяю, заслуга Гусинского и Еврейского конгресса России. Когда проблема обсуждается, т. е. болезнь не загоняется вовнутрь, тогда уменьшается опасность погромов и других проявлений антисемитизма. Евреям теперь жить в России гораздо спокойнее, комфортнее.

Я простой русский еврей! Я богатый, я еврей... Есть миллион причин для нелюбви ко мне: я и еврей, и богатый, и не молчу, как положено в России богатым и нерусским... Но главное – я постоянно вынуждаю народ признаваться в его заблуждениях. Наш народ привык считать себя самым мудрым в мире, и вдруг такая незадача – мудрый и вдруг недалёковидный... Вот и сложился образ врага народа. Людям старательно внушали: если кто-то выступает против, он и есть вражина! Раз Березовский критикует президента, значит, зло в нем, в критикане! Желающих сделать из меня козла отпущения всегда хватало, я же никогда не обращал внимания на их мнение. И поступал так сознательно, ибо никогда не собирался становиться политическим лидером.

Политик в России может быть только русский. Можно сколько угодно твердить, что Сталин – грузин, но он стал русским политиком. У нерусского в России в политике или рядом с политикой остаются только две возможные функции: либо серый кардинал, либо кошелек. Если он становится кем-то большим, то вне зависимости от его национальности он превращается в русского. Значит, мне остается быть либо серым кардиналом, либо кошелеком. На большее я по разумению патриотической общественности просто не имею права. По внутреннему ощущению мне все ясно: я – русский еврей. Главное для меня – оставаться самим собой. Все остальное вторично.

До сегодняшнего дня в принципе все складывалось так, что нерусский, войдя в большую политику, в конечном счете становился русским политиком, как бы там ни пытался скрыть свою реальную национальную принадлежность. Возьмите тех же самых Анатолия Чубайса, Григория Явлинского, Бориса Немцова, Евгения Примакова. Я отличаюсь от них тем, что не пытаюсь скрывать эту проблему. Вопрос национальной принадлежности – это всегда вопрос внутренней идентификации, кем ты сам себя осознаешь. Это вопрос, который абсолютно не связан с кровью. Мы знаем людей, у которых четверть еврейской крови, и они говорят: «Я – еврей». И наоборот, у них четверть русской крови, они говорят: «Я – русский». И точно так же в отношении других наций. Сам я себя идентифицирую, скорее, космополитично. Мне не удалось выработать стойкого инстинкта национальной принадлежности. Отчасти это нашло подтверждение в том, что я в достаточно позднем возрасте крестился, ведь в России религия и национальность – почти одно и то же. Это было в 1994 году, а поскольку я родился в 1946-м, то легко посчитать, сколько мне уже было лет. Крестился в Тарасовке, это такое место под Москвой. Моя первая жена оттуда, и я сам там много лет прожил.

Православие – это религия, а еврей – это национальность. Точно так же, как еврей может стать православным, русский может стать иудеем. Будучи евреем по национальности, я конечно же пытаюсь помогать евреям, но эта помощь никогда не проявлялась в виде участия в создании какой-либо из многочисленных российских еврейских организаций. Никаких специальных отношений с этими организациями я не поддерживаю. Я нисколько не сомневаюсь, что другие не считают меня русским, и я не пытаюсь казаться русским. Из этого совсем не следует, что интересы России для меня менее значимы, чем для Зюганова Геннадия Андреевича или других с вполне благозвучными фамилиями, именами, отчествами.

Антисемитизма на государственном уровне в России сегодня не существует. Это совсем

не означает, что в России нет антисемитизма. В России есть антисемитизм, как и во многих других странах, – тут не должно быть никаких иллюзий. Россия в этой печальной области не является лидером, и слава богу, что в России антисемитизм существует сегодня не на государственном уровне. Как и в других странах, эта тема стала гласной, а слово «еврей» перестало быть ругательным, и обсуждение этой проблемы абсолютно важно для общества, причем не обязательно в плане того, какой вес или какое значение имеют евреи в России, а в плане того, какое значение имеют не только русские в России.

Нужно точно и без лицемерия понимать, что русские в России являются прежде всего нацией, которая образует государство. Мы не стесняемся говорить, что живем в пространстве русской культуры; мы не говорим: «российская» культура. Естественно, проблема евреев в России выпукла, и именно потому, что евреи в наибольшей степени заботились о своей национальной принадлежности, что не является исключительным для России, это отмечается и в других странах.

Но вопрос национальности остается, потому что подавляющее большинство очень богатых людей – евреи.

Я, конечно, пытался найти ответ на этот вопрос. Мое понимание той среды, которую называют «русским еврейством», весьма ограничено. Моя первая жена – русская, моя третья жена – русская, а вторая жена – татарка. Но мне кажется, что все-таки есть отличия в самосознании русского и еврея. Есть черты, которые зародились не в течение одного поколения, а складывались столетиями, тысячелетиями.

Судьба еврейского народа совершенно отлична от судьбы русского народа. Иногда диаметрально противоположна. Евреи – очень древняя нация, а русские – молодая. Мы знаем, какие черты присущи молодости и какие – старости. У каждого возраста есть свои плюсы и есть свои минусы. Особенность русских состоит в повышенной чувствительности к окружающей среде, к новой информации, к изменениям, уже произошедшим или происходящим сегодня. В чем сила евреев по сравнению с русскими? В интуиции. Не в сегодняшних ощущениях, а в умении предвидеть. Это не расчет. Вот я плохой аналитик, но каким-то таинственным образом чувствую, что произойдет через некоторое время. Если в логических терминах сформулировать это различие, то русские – это индуктивный способ мышления, а евреи – дедуктивный способ. Думаю, именно это является одной из причин крупных успехов в бизнесе. В бизнесе важно предвидение, предчувствие еще не наступившей ситуации. Многие евреи рано почувствовали конец государственной собственности. А многие русские до сих пор верят в ее незыблемость. Русские всегда слишком полагались на государство, на власть, на царя-батюшку, на генерального секретаря, верноподданнически служили им, получая взамен определенные гарантии безопасности. И если евреям приходилось как-то крутиться для того, чтобы в институт попасть, чтобы членом партии стать, то русскому не нужно было крутиться.

Евреи ничего не захватили. Была жестокая конкурентная борьба. Начальные условия для всех были равны. Евреи были в лучшем положении только потому, что все возможности прежней системы для них были исчерпаны некоторым ограничением, выставляемым государством. Так что евреи начали на равных жесткую конкуренцию. Многие из них добились успеха, так же как многие потерпели поражение. Действительно, в высшем эшелоне бизнеса очень много евреев. Но они работали не покладая рук, «вкалывали», зарабатывали, падали от пуль киллеров, взрывались в автомобилях. Все, кто сегодня в России хочет работать, имеет возможность работать.

Сегодня еврею претендовать на то, чтобы управлять таким государством, как Россия,

неправильно. Россия никогда не была империей, и вина в этом только самой России. Россия как империя не состоялась, потому что русские, как коренная нация России, к сожалению, не смогли преодолеть некоторый комплекс, который бы позволил им интегрироваться вместе с другими нациями. Я не хочу вдаваться в толкование причин, был ли это эффект самозащиты после татаро-монгольского ига или что-то другое. Но русские не смогли поступить так, как поступили люди в Америке. В Америке тоже была дилемма. Когда создавались Штаты, там тоже был вопрос, поделить ли Штаты на территории с преимущественным проживанием англичан, французов, испанцев; велся спор: а не сделать ли в одном месте испаноговорящие кантоны, в другом – англоговорящие, в третьем еще какие-то? Джефферсон принял принципиальное решение, что это недопустимо, поскольку разрушит страну. Так возникли предпосылки для создания реальной империи. Америка сделала свой выбор. Гениальные люди, которые основывали Америку, поняли, что самое главное – это то, что каждый человек должен быть свободным.

Я приведу простой пример: кубинцы после кубинской революции побежали в Штаты, во Флориду. Американцы сначала сопротивлялись этому, потому что их было много. Но потом, когда поняли, что их совсем много, пустили их в Америку, дали грин-карты, сказали: хорошо, вы теперь американцы, идите и работайте. Я представляю себе ситуацию, если бы афганцы массово повалили бы в Россию. Конечно, вначале сильно бы сопротивлялись, но, когда поняли, что их миллион или больше, пустили бы и создали автономную афганскую республику.

Вера и свобода

Для меня самый главный Учитель – Иисус Христос. Если человек однажды почувствовал в себе что-то, что сложно объяснить рационально, а потом прочитал Библию, а некоторым это удалось сделать в раннем возрасте, то понятно, что после почти неинтересно все, что читаешь с точки зрения знания. Конечно, интересно читать с точки зрения звука, языка, точно так же, как интересно слушать Моцарта, Баха, Бэнера. Это просто разная музыка, ощущения, точно не знания. Но когда все эти ощущения переведены в знания и опять эти знания сразу переводятся в ощущения, то становится скучно читать все остальное.

Самым главным философским завоеванием, самой главной философской мыслью человечества является понимание того, что Бог един. Именно это представление и позволяет говорить о единых законах, которые правят миром. Например, в язычестве есть бог воды, бог луны, бог солнца – значит, есть отдельные законы для воды, отдельные законы для солнца, поэтому нет места никакому научному знанию. И только понимание того, что Бог един, позволило жить в сегодняшнем мире; понимание, что одни и те же законы правят миром в целом. Моисей обучал Десяти заповедям своих людей, а Иисус Христос говорил о том, что мы с ними рождаемся, а не узнаем после. Это как биология до Менделя и после него. До Менделя передаваемые признаки считались приобретаемыми, а после Менделя это уже рассматривалось как структура наследственности. Вот и мы теперь, можно сказать, рождаемся с геном веры. Он может проявляться или не проявляться, это другой вопрос. Но мы с этим рождаемся, рождается, чтобы не убивать, не красть. Мы несем это в себе, этому не нужно учить. Это часть нас.

Все человечество – единый организм и в пространстве, и во времени. И то, что отдельные элементы этого организма грешат, не является еще опровержением основ, а ровно наоборот. Ведь мы пришли сюда, чтобы страдать. А почему страдать? Мы ведь несовершенны, и мы вынуждены совершенствоваться. Я уверен, что не было бы никакого счастья без страдания. Тут все логично. Потому что рациональное и эмоциональное – это два разных мира. Я не могу объяснить, почему я не хочу убивать, почему я не хочу красть. Я только ощущаю, что это не по мне. Другое дело, что, может быть, с точки зрения других, я не следую этому. Но для себя я всегда имею объяснение, а это для меня самое главное, поскольку всё, что мы делаем в жизни, – всё без исключения – мы делаем для себя. А хорошо ли другим или плохо – это уже следствие. И поэтому когда мы говорим, что «я это делаю для ребенка» – это полная чушь. Человек все равно всё делает для себя. Я так делаю потому, что понимаю, что по-другому поступить не могу, поскольку, если я поступлю по-другому, мне будет плохо. И конечно, если сегодня мне скажут: «Ты или твой ребенок пойдет на эшафот», я, ни одной секунды не задумываясь, скажу: «Конечно же я». Я должен пойти на эшафот потому, что, если я поступлю иначе, после этого для меня – не жизнь. Получается, что опять я думаю прежде всего о себе. Другое дело, что часто, думая о себе и совершая что-то во благо собственное, мы одновременно совершаем это во благо других. От чего мы тоже можем получать либо удовлетворение, либо наоборот. Плохой человек печалится, если кому-то доставил удовольствие. Но тем не менее – все это только через себя.

Любое чувство сложно поддается определению. Например, что такое счастье? Я сегодня могу определить счастье только через отрицание того, что такое страдание. Они не то чтобы противоположны, а связаны. Только через страдание есть счастье.

Есть динамика изменения системы внешних ограничений и внутренних, и чем больше человек принимает внутренних ограничений, тем меньше должна быть система внешних ограничений. Единственным критерием правильности построения системы внешних ограничений является то, возникает хаос или нет. Когда мы гарантированы от хаоса, система внешних ограничений должна быть минимальной, чтобы была максимальная возможность самореализации.

В каждой науке есть аксиоматика. Аксиоматика – это то, что недоказываемо. Это и есть самое главное достижение любого ученого – ощущения, сформулированные в аксиому. Вот, например, Евклид сказал: «Ага, вот есть трехмерное пространство, и для того, чтобы все знать о нем, необходимо и достаточно пять аксиом, пять! Больше не надо, и меньше нельзя. А дальше я всё выведу, что в любом треугольнике сумма углов равна 180 градусам, и т. д.». Вот это гениально совершенно! Или как Ньютон сказал: «Три закона, а дальше мы можем все что угодно определить, построить любую конструкцию механическую, а всего нужно знать три закона, лежащие в основе, каждый из которых отдельно ненаблюдаем вообще в чистом виде». Абсолютно гениально!

Десять заповедей... Не важно, как их много. Важно, что есть конечный и очень органичный набор ограничений, которые определяют все остальные. Это было главное послание Бога. Он сказал: «Запомните и следуйте им». Уже потом «по газонам не ходить», «не плевать» и т. д.

Над всеми этими аспектами я стал задумываться уже тогда, когда принял православие. Я абсолютно понимаю отличие веры, которая позволяет общаться с Богом напрямую, и веры, которая требует посредника между тобой и Богом. И тем не менее я считаю, что это не исключает самого главного, что составляет смысл христианства, и не только

христианства, – это особая ответственность в восприятии добровольно принимаемых ограничений. Вера – это признание и добровольное принятие ограничений, что достижимо только в пределе и недостижимо в жизни одного человека. В конечном счете именно эти ограничения и были трансформированы в морально-этические нормы советских людей. Но именно эти ограничения, не какие-либо другие.

В Библии, в Ветхом и Новом Завете содержатся основополагающие идеи свободы человека. Еще прежде Иисуса Христа это пытался обозначить Моисей. Десять заповедей, которые Моисей услышал от Бога, те же самые, о которых говорил Иисус Христос, но совершенно в другом гносеологическом аспекте. Ну конечно, идеал никогда не достигим. На практике не может существовать ни идеальное общество, ни идеальный человек. Очень важно обозначение того, к чему нужно стремиться. И мне кажется, что, как следствие произошедшей революции в России, люди потеряли ориентиры добра и зла, что подлость становится нормой современной морали. Но я тем не менее считаю, что Россия может сформулировать ясные стратегические цели и православие, более чем что-либо другое в России, в состоянии помочь эти правильные ориентиры определить.

Именно поэтому я придаю такое огромное значение возрождению веры. При этом очень важно, чтобы это происходило не при помощи государства, не с его участием или каким-то вмешательством, поскольку идеалы свободы – в душе каждого с рождения. И поэтому единственная помощь, которую может оказать государство, – это просто не мешать. Любое вмешательство здесь губительно.

Я глубоко убежден, что начинать нужно с самого себя. И в этом залог успеха или неудачи движения к свободе, особенно в сравнении с оруэлловской моделью, что свобода лична. Поэтому особо важно исключение возможности делегирования кому-то вместо себя права принимать решения. Именно в этом была ошибка утопистов прошлого, которые считали, что власть способна восполнить несовершенство отдельных людей. Да, все люди несовершенны, но каждый персонально несет ответственность за свое несовершенство. Именно в этом состоит главное отличие того, кто считает, что люди должны подчиняться власти, и того, кто считает, что человек сам ответствен за себя и за свои решения.

Эстетика – более широкое понятие, чем изменение общественного строя. И мы знаем, что эстетические конструкции меняются значительно реже, чем тот или иной общественный строй. Действительно, наступает новое время. Время новой эстетики. При этом новая эстетика совершенно не обязательно связана с изменением политического строя и не меняет свободного, либерального развития общества. Наоборот, эстетика определяет новые этапы в этом развитии. Смысл новой эстетики состоит в продолжении понимания того, что говорил Христос: о том, что человек должен вести себя перед другими так же, как он ведет себя перед самим собой. Сегодня вся современная технология, проникшая в каждый дом, противоречит лицемерному образу жизни. Человек должен быть открыт, но я имею в виду внешнюю сторону жизни человека. А что касается внутреннего мира человека – каждый уникален, каждый имеет огромный внутренний духовный мир. И эта новая эстетика, естественно, не противоречит, не исключает личного внутреннего мира человека.

Диктатура – система внешних ограничений, а демократия – система внутренних ограничений. С точки зрения этого с*censored*го определения понятно, что демократия значительно сложнее, чем диктатура. Каждый человек должен породить в себе то, за что он и будет ответственным, не ссылаясь при этом ни на кого. Мир, в который мы сейчас

входим, – это мир персональной, а не коллективной ответственности. Поэтому ни на кого нельзя свалить собственные грехи и никому нельзя отдать свои достижения. Однако я совсем не хочу сказать, что не существует такого института, как государство, которое должно брать на себя ответственность за общество в целом. И все-таки та система ценностей, в которую мы сейчас входим, предполагает высочайшую ответственность каждого за самого себя.

Вера, несмотря на то что есть разделение на христианскую, мусульманскую, иудейскую религии и так далее, вера абсолютно индивидуальна. У верующего человека Бог в душе, но для каждого человека Бог все равно свой, он един, но он все равно свой. И я не согласен, что в России вся вера сводится к тому, чтобы сесть выпить-закусить и в церковь сходить перекреститься. Это далеко не так, поскольку для большинства верующих людей в России вера – это мучение, это страдание, это попытка сдерживать себя. И мне кажется, что здесь-то и кроется основной смысл веры. Собственно, так и в Библии написано, что мы пришли на эту землю для того, чтобы страдать.

Я не могу о русском народе говорить как о «нем». Я часть этого народа, я русский еврей. Мне трудно рационально объяснить свое крещение, хотя думаю, что в огромной степени это результат влияния русской культуры. Я пришел к этому после долгих – не один год – раздумий и считаю себя верующим христианином. В православии открытость чувств больше, чем в других религиях. А поскольку я плохо ощущаю людей, то мне открытость чувств интереснее, доступнее, чем символы.

Католичество сильно по чувствам отличается от православия. Но я нахожу, что для меня лично в православии есть достоинства, которых нет в католичестве. Я думаю, что в основе моего предпочтения лежат глубокие культурологические аспекты: и образы людей, и литература, и природа... Может быть, еще и то, что я себя всегда очень комфортно чувствую среди русских, по существу православных, поскольку в России православие и национальность почти идентичные понятия.

Церковь традиционно имеет колоссальное значение в России. И традиционно церковь разделена на две части: та, которая лижет власть, и та, которая верит в Бога. Так вот, та, которая лижет, она, конечно, с Путиным, а та, которая верит, она, конечно, не с ним, потому что для нее совершенно очевидно, что Путин человек не верующий. Владимир Владимирович не искренен. Веру непозволительно демонстрировать. Про Ельцина говорили, что он свечку держит как стакан, но, когда на экране телевизора крупным планом показывали лицо Бориса Николаевича во время службы, я ему верил. А Путину – нет. Не может государственный быть либералом! Любить ведь надо конкретного человека, а не всю державу скопом. А государственный – это человек, для которого приоритет государства выше, чем приоритет личности.

Та политика, которую проводит государство, каким оно стало при Путине, – это, с одной стороны, насилие над верой, а с другой стороны, это абсолютно неправомочная попытка (которую уже проходили много раз другие страны, вступившие на этот путь раньше нас) внедрять церковь как государственный институт в общество, что абсолютно недопустимо. И несмотря на то что я, как православный человек, должен был бы радоваться этому абсолютно подчеркнутому предпочтению одной конфессии, я считаю, что это унижает именно эту конфессию прежде всего.

Борис Николаевич сдерживал прыть тех, кто носил погоны и одновременно рясу, а потом стал пытаться быть правовернее всех. А Путин, наоборот, подчеркнуто выставляет церковь как элемент государственной власти. Что является прямым следствием того, что

он не есть верующий человек. Мне кажется, он играет в это. Все, что он произносит на эту тему, и то, как он все это обставляет, есть глубочайшее лицемерие.

Большие деньги

В России можно хорошо заработать на всем. Основное качество, которым должен обладать человек, решивший делать свое дело, – он должен поверить в свою самостоятельность, в независимость от каких бы то ни было обязательств и других людей. Многие идут в бизнес, не понимая этого, а потом разоряются, сваливают вину на других, не понимая, что дело в них самих. Кто воспитал такую уверенность в своей независимости или кто с ней родился, те будут успешны, чем бы они ни занимались.

Собственность не раздавалась. Она вырывалась зубами, доставалась в тяжелейшей конкурентной борьбе. Просто были люди, которые раньше других поняли, что собственность перестанет быть государственной. Не только поняли, но были готовы сражаться, чтобы она досталась им, и за это сражались в полном смысле слова. Для меня удивительно, что людей, готовых сражаться за большую государственную собственность, оказалось мало. Я не совсем хорошо знаю биографии тех, кого называют сегодня олигархами, но свою-то биографию знаю хорошо. У меня не было никакой «лапы», никакой протекции, никакого «теневого капитала». Я занимался наукой, была зарплата доктора наук. Иногда подрабатывал тем, что помогал писать диссертации. Все предпосылки для того, чтобы стать богатым человеком, создавал я сам. Важно то, что у меня не было никаких комплексов. Не было комплексов по поводу того, что кто-то умнее меня, кто-то сильнее, настойчивее.

Из тех, кого сегодня называют «олигархами ельцинской волны», ни один не был советской номенклатурой. Не знаю, какая «лапа» помогала Гусинскому. Знаю, что его отец был рабочий. Мне кажется, что у всех нас общим качеством является воля и какая-то нереализованность в прежней жизни. Меня иногда обвиняют: «Вы были под чеченской мафией». Олигархи тем и отличились от других, что никогда ни под кого не «легли». Ни под государство, ни под мафию. Тех, кто лег, сегодня уже и не помнят. Есть понятие, которое олигархов объединяет, с одной стороны, а с другой – отличает от многих других сообществ. Это абсолютно жесткий рационализм и последовательность в этом рационализме. Они делают не то, что им приятно или неприятно. Они делают то, что им выгодно.

Новую Россию сделали две объединившиеся силы – реформаторы и олигархи. Правда, здесь необходимо оговориться – олигархи были прямым производением реформаторов. Только вот родители сами не смогли бы решить проблем. Более того, решающую роль сыграла именно воля олигархов, потому что к тому времени реформаторы уже устали от борьбы. Устал Ельцин, устал Гайдар, устал Чубайс. А олигархи выстояли, жестко противопоставив себя регрессу. Каждый олигарх – это мощная индивидуальность. Но у всех олигархов есть общие черты – это воля, стремление овладеть решающими факторами. Олигархи оказались сильнее всех мафий, сильнее самой власти, перед которой они не прогнулись. Во всяком случае, если иметь в виду только видимую часть айсберга, а не ту, что скрыта под глубокой толщей воды или темноты. Я под властью не прогнулся. Других же винить не хочу. В конечном итоге капиталы олигархов никуда не делись, не растворились. Никто из них никуда не сгинул. Да, власть элементарно справилась с так

называемой политической элитой России, выстроив всех по вертикали, подчинила средства массовой информации, с большим трудом выгнав за порог владельцев холдингов – Гусинского и меня. Но все равно тягаться с олигархами для власти – нелегкий крест. Она никак не может забрать наши деньги, ну никак.

Предприниматель – человек, который сам инициирует изменения в жизни. Большинство же людей оказалось перед необходимостью что-то менять, и в этом смысле большинство не является предпринимателями. С другой стороны, именно это большинство признало необходимость перемен, пусть вынужденных, пусть тяжелых. И с этой стороны все являются предпринимателями, но одни – по собственной инициативе, другие – по нужде.

Огромная масса людей оказалась в тяжелом положении. Когда я в 1986 году пришел к своему учителю академику Емельянову и с радостью стал говорить о политических изменениях, он мне сказал: «Борис, посмотрите, с каким удовольствием народ бросил работать!» Вот одна из причин, почему многие не смогли себя найти. Много лет нас отучали работать. И вдруг люди оказались перед реальным выбором, когда можно себя реализовать... Сегодня никому не запрещено открывать ни цех, ни завод, ни палатку. Это все глупые разговоры, что нужно всем давать взятки, – разговоры тех, кому лень работать. Когда я начинал свое дело в 1989 году, у меня было три тысячи рублей. Это половина стоимости автомобиля. И ничего больше. Я и мои приятели рискнули и вложили свои деньги. Нас было всего пять человек, мы проявили инициативу. Мы работали, как и сейчас, по двадцать часов в сутки.

Да, все началось в 1989 году, когда мы с «АвтоВАЗом» стали создавать «ЛогоВАЗ». Переход к бизнесу произошел мгновенный. Началась другая жизнь. Мне говорили: ты сумасшедший. Зачем? У тебя есть перспектива стать директором института. Сейчас бы, наверное, стал...

Понятно, что в 1989, в 1990, в 1991 годах очень мало людей вообще верило в возможность частного предпринимательства в России. Огромное поле было совершенно пустым. Начался развал социалистической экономики, пришли разные люди с разными целями. Некоторые – просто своровать, и в уголок забиться, и доживать жизнь с этим куском. Были те, кто сел на «потоки», чтобы потом стать собственником и заниматься бизнесом в России. Деньги делались очень легко. Но вера в то, что это законно, что тебя не посадят на следующий день, была у очень немногих людей.

Мы, вопреки всем сказкам, начальный капитал сделали на торговле своими мозгами, разрабатывали программный продукт для оценки качества различных проектов и пролоббировали его через Госкомстат по науке и технике для обязательного приобретения этого программного продукта всеми проектными институтами Советского Союза. Тогда мы были уже совместным предприятием, познакомились с чиновниками, поговорили – и пролоббировали. А это миллионы рублей. Но дальше стало ясно, что формула бизнеса: умение зарабатывать деньги легальным путем. Абсолютно не важно, чем заниматься, лишь бы это было то, чего ждет рынок. В тот момент символом свободы для советского человека был автомобиль. И мы стали создавать предпосылки к цивилизованному рынку автомобилей, охватывающему всю технологическую цепочку, от производства и продажи до ремонта, то, на что люди были готовы отдавать последние деньги.

Мы не занимались реэкспортом. Мы зарабатывали на инфляции. Мы честно говорили «АвтоВАЗу», что мы забираем машины и гарантированно платим по сегодняшней цене, но через три месяца. Как был устроен «АвтоВАЗ» в советское время? 300 тысяч машин в год шло на экспорт. Шли через какую-то панамскую фирму, себестоимость машины была

тогда 2000 долларов. Дилеру их отдавали по 1700 с рассрочкой оплаты на пять лет. При этом 60 процентов комплектующих «жигулей» были импортные и покупались только с предоплатой.

Никто никогда не продавал в России иномарки. Мы привезли первую партию – 886 «фиатов». Мы взяли кредит семь миллионов долларов, выложились до копейки, мне говорили: ты сумасшедший, их никто не купит, по дороге растерзают. И вот приходит замдиректора «АвтоВАЗа» – и стоят эти «фиаты» на стоянке, как летающие тарелки с Марса... И мы стали зарабатывать не миллионы рублей, а миллионы долларов. Много миллионов.

Почему мы? Потому что большинство считало, что это временно, а потом опять придет секретарь обкома, человек в кожанке, и скажет: «А ну-ка назад!» Я поверил, что подобного не произойдет. Я считаю, что подал пример другим, поверив в то, что в России существуют возможности для самовыражения в бизнесе. Я создал мощную группу, которая реально оперирует сотнями миллионов, миллиардами долларов. Это показатель и критерий.

Что происходит с человеком: у него крыша начинает ехать, потому что все материальные цели достигнуты в один день. Что делать дальше? Я засыпаю человеком, который владеет половиной «жигулей», человеком, который покупает в рассрочку люстру через кассу взаимопомощи, а просыпаюсь – могу купить 100 автомобилей, 1000 костюмов, могу поехать в любую страну мира (тогда уже была возможность). Не нужно было специальное решение секретариата ЦК КПСС, как было раньше, когда я был ученым. Бери миллиард и поезжай. Можно купить 100 дорогих машин, 20 квартир, 1000 костюмов. Как жить, когда заработал сначала в рублях, потом в долларах первый миллион, потом еще десять миллионов? Мы с женой стали летать по свету, в любой конец земли, могли останавливаться в любых престижных гостиницах и так далее. Я точно понимал, что мне нужно изменить цели в жизни. Это был уже 1994 год.

Немало есть людей, для которых накопление капитала превратилось в самоцель. Я тоже много работаю, по двадцать часов в день, на меня замкнута масса людей. Получается, я принадлежу как раз к той категории, о которой только что сказал. И я оправдываюсь перед собой тем, что гипотетически могу в любой момент отправиться в аэропорт, чтобы полететь зимой позагорать на океанском пляже, а летом покататься на лыжах. Впрочем, почти всегда я еду в аэропорт ради очередной командировки.

Не могу сказать, что мне становится скучно, едва я поднимаюсь по трапу самолета, летящего за границу. Нет, мне нравится в Европе, Америке, но того ритма, которым живет Россия, там нет. У нас интереснее. Российская жизнь последних лет – с начала перестройки – круто изменила всех нас. Вне зависимости от того, стал ли человек материально жить лучше или хуже, он стал жить по-иному. Разорвана связь времен. Все, что было до 1985 года, словно относится к другой жизни. Человек так устроен, что даже изменения к лучшему – тяжелая нагрузка. А уж перемены к худшему...

Да, сегодня я стал неизмеримо богаче, но, извините, сколько можно потратить на себя? На самом деле очень сложное ощущение: заработать столько денег, что все материальные цели, казавшиеся до этого невоплотимыми, вдруг разом становятся возможными. Это стресс. Я думаю, что пережил достаточно сильное психологическое изменение, поскольку всё материальное мне было никогда не просто не чуждо, а я придавал этому большое значение. И чтобы была квартира отдельная, и чтобы был телевизор, и чтобы машину купить – все это было для меня очень важно. И когда я стал заниматься бизнесом и за год

достиг того, о чем не мог мечтать никогда, – это, конечно, серьезная для психики, для всего организма нагрузка. Но через год всё приедается. Или же надо кардинально менять жизнь.

Мне всегда смешно читать жалобы бизнесменов, политиков на свою трудную жизнь: мол, надрываемся на службе, горим на работе. Это как-то неискренне выглядит. Если устал, походи отдохни, найди должность поспокойнее. Куда я бегу? Конечно, мог бы остановиться, ничего не делать. Но это было бы искусственное торможение, мне пришлось бы делать насилие над собой. Когда я стал богатым, наступил момент тяжелейшего выбора. Нужно было переформулировать все жизненные цели, потому что я не на словах, а из собственного опыта понял: счастье не в деньгах и не в их количестве. В психологическом смысле не имеет принципиального значения, богат ты или беден.

Деньги – это большая свобода. До сих пор для меня очень сложно определить, что такое богатый человек, и не потому, что я лицемерю. И уж точно могу сказать, что это не одномерная штука – богатство. Конечно, это было сложное состояние, чтобы вместо тех целей, которые разрушены, потому что достигнуты, сформулировать другие. Очень много людей сломалось на деньгах. Человек заработал миллион долларов, у него поехала крыша, и все закончилось. Он стал колотья, или спился, или купил себе домик на юге Франции и забыл думать о чем бы то ни было еще.

Есть масса примеров, когда люди, заработавшие первые деньги, уходили на покой, покупали дома, виллы в тихих европейских городах или где-то на островах и уезжали, пропадали навек. Наверное, они довольны жизнью. У меня получилось. Я почти мгновенно сумел кардинально поменять жизнь и поставил крест на примитивно-утилитарных задачах. Я пережил и кайф, когда с гордостью носил большие золотые часы. А нынче часики стоят восемьдесят фунтов, и они меня вполне устраивают. В них удобно плавать в бассейне, в море. Я давно уже не знаю, что сколько стоит. На самом деле я уже не меряю предметы по цене. Мне нравится то, что мне нравится. А сколько это стоит – безразлично. Лейблом меня не возьмешь. Когда меня спрашивают, сколько стоят вот эти часы на руке, я в шутку бросаю: «Восемьдесят тысяч долларов». И люди верят.

Когда мой друг, знаменитый на весь мир основатель бренда пива Хайнекен, спрашивал меня о жизненных проблемах и я отвечал, что их у меня только две – как заработать деньги и как их потратить, он говорил: «Ошибаешься. Что касается первой, ты прав. А вторая – как не потратить деньги». Деньги плюс интеллект могут всё. Одного интеллекта недостаточно. Хотя, в общем, быть может, и достаточно, но деньги с интеллектом могут всё. Даже изменять чувства, хотя это самое сложное. Я имею в виду не покупать чувства, а изменять их.

Распродажа века

Россия чрезвычайно криминализована сегодня. Это происходит в силу ряда обстоятельств, но есть одно доминирующее. Доминирующим обстоятельством является колоссальное, невиданное в истории перераспределение собственности. В 1991-м почти на 90 процентов была государственная собственность. Сегодня огромная, богатая страна на 75 процентов – на 75 процентов! – уже не является собственностью государства, а является частной собственностью. Вот в этом перераспределении нет ни одного довольного человека. Те, кто заработал один миллион, считают, что могли заработать

двадцать. Те, кто заработал двадцать, считают, что могли заработать сто. Ну, естественно, недовольны те, кто что-то потерял.

Есть общие экономические законы. Именно зависть порождает конкуренцию. Именно конкуренция является двигателем развития. Бессмысленны потуги улучшить перераспределение. Нет такого способа, который сделал бы это распределение более приемлемым. Как бы это перераспределение ни было произведено, недовольных было бы не меньше. Важно, что произошло перераспределение, что созданы предпосылки для реализации естественных экономических законов.

Справедливого перераспределения собственности не существует. Как доктор наук я получал зарплату пятьсот руб лей. И стал владеть собственностью, которая с трудом поддается оценке. Понятно, нефтяные компании, ОПТ и так далее...

Это – рынок, сегодня они стоят миллиард, а завтра приносят убытки и не стоят ничего. Но тем не менее это очень большая собственность. И что же, всё классно происходит? Нет, конечно. Потанину досталось больше. Гусинскому где-то досталось больше. Я недоволен, конкурирую, считаю, что собственность распределена несправедливо. А что говорить о людях, которые не только не приобрели, но еще и потеряли, стали жить хуже? Конечно, несправедливо.

Многое в процессе приватизации в России делалось неразумно. Не учитывая реальных экономических особенностей страны. В России двадцать предприятий создают более половины национального продукта. Если бы эти предприятия переходили в собственность особым образом, постепенно, то государство смогло бы за их счет обеспечить необходимый минимум для каждого гражданина, а не допустить такого падения, пустив всех в свободное плавание.

Степень коррупции в России соответствует степени преобразования. Это богатство было ничье, не принадлежало никому. Это было государственное. И вот чиновник может одной росписью определить – тебе принадлежит или не тебе. Конечно, работая с «АвтоВАЗом», мы эксплуатировали возможности этой крупнейшей российской компании. И если говорить без лицемерия, то все совместные предприятия, выроставшие рядом с подобными гигантами, делали то же самое. Другой вопрос, как они это делали – законно или незаконно. Наше достоинство состояло в том, что мы с самого начала имели мощное юридическое обоснование под всеми своими действиями. Мы понимали, как общество будет реагировать на появление класса собственников, на то, что одни становятся богаче, а другие беднее. Шла приватизация.

Рыночная экономика хороша тем, что дает шанс каждому. У каждого появляется возможность стать не просто богатым человеком, а счастливым человеком, принадлежать самому себе. Очень многие, к сожалению, от этого выбора отказались. Но все больше и больше людей осознают, что «халява» закончилась, что нужно работать. Когда наши мужчины перестанут бродить по улицам, а начнут работать, тогда ситуация в стране изменится к лучшему.

Да, мы живем не на острове. Поэтому вина за то, что эти люди не нашли себя, частично лежит и на нас. И конечно, мы должны думать о тех людях, у которых по природе нет достаточной инициативы, нет способностей. Неминуемо (и это не только российский опыт, это – классический опыт перехода от тоталитарного режима к демократическому), что общество пройдет через разочарование. Надежд всегда больше (а у нас – особенно много), чем их реализаций. Но самое главное – нужно было заплатить за этот переход. И

большинство оказалось неготовым это делать – платить. Мягче реформы провести было невозможно.

Первоначальное накопление капитала обычно происходит на грани закона. Важно не переступить черту. Я могу определенно утверждать, что все, кто сумел пробиться в деловую элиту России, рамки закона не нарушали. Другое дело, что закон долгое время не был четко прописан, законы были непонятные: одни уже перестали работать, другие еще не начали. Я не считаю, что воровал. Еще никто ни разу не доказал, что я нарушал закон. Я думаю, что на сегодня я вообще самый прозрачный бизнесмен в мире, потому что по просьбе России все мои деньги были просвечены много раз. И в Великобритании, и в США, и в других странах. О том, как я зарабатываю деньги, написаны тысячи статей и все, за редчайшим исключением, – ложь. Тем не менее бизнес – это зарабатывание денег законным способом, и до тех пор, пока кто-либо не доказал, что я нарушил закон, все деньги, заработанные мной, легальны. До настоящего момента бесчисленные попытки, в том числе самых высоких руководителей страны, доказать, что я нарушил закон, безуспешны. Я же точно знаю, что не нарушал закона, выстраивая свой бизнес, и поэтому трачу деньги с чистой совестью.

Была проблема с одной идеей – проект «АВВА». В 1993 году я решил, что настало время создать более простой, дешевый «народный автомобиль» и открыл подписку на акции «АВВА» для строительства сборочного производства. Чтобы построить такой завод, по нашим оценкам, нужно было 300 миллионов долларов. Мы, в соответствии с тогдашним законодательством, выпустили акции, отпечатали в Швейцарии, с портретами великих русских экономистов.

Устроили грандиозную рекламную кампанию, и люди поверили. Мы собрали порядка 50 миллионов долларов. К сожалению, экономика пошла вниз, что нанесло ущерб самой идее. Мы стали выпускать модернизированные автовазовские модели. Предприятие просуществовало два года или три, не стало прибыльным в той мере, в которой мы рассчитывали, и было принято решение обменять акции «АВВА» на акции «АвтоВАЗа» один к одному. Обмен происходил в течение почти трех лет – с 1997 по 1999 год. В 1993 году одна акция «АВВА» стоила минимум десять долларов, а к 1998-му одна акция «АвтоВАЗа» – двадцать долларов. За пять лет стоимость акций возросла в два раза. Это совсем неплохая прибыль, учитывая, что деньги, которые были вложены, в основном подверглись инфляции. Все разговоры об обмане не имеют под собой почвы. Идея была абсолютно честная, открытая, в отличие от всех «МММ», поскольку в этой структуре никогда не было никакой пирамиды. Но расчет оказался неверным. Я не понял, что люди не готовы инвестировать достаточно средств в промышленность. Я надеялся на иностранные инвестиции. Но случился кризис, и все покатило в обратную сторону. А так все абсолютно структуры, в создании которых я принимал участие или которые я создал, они все успешны.

«ЛогоВАЗ» первым в России создал рыночную систему продажи автомобилей взамен существовавшей ранее советской системы распределения. Мы создали цивилизованную систему технического обслуживания автомобилей, построив по всей стране множество станций техобслуживания. Николай Алексеевич Глушков, проработавший три года на «АвтоВАЗе» в качестве замдиректора по финансам и экономике, внедрил на предприятии-гиганте рыночную экономическую систему вместо плановой. Мы первыми в России на «АвтоВАЗе» создали современный механизм работы завода. Замечу, «АвтоВАЗ» – единственное из всех автомобильных предприятий постсоветского пространства, которое

до сих пор работает эффективно, производя автомобили, и продолжает их выпускать в количестве не меньшем, чем раньше, а в большем – именно вследствие участия нашей группы в деле перехода предприятия к рынку.

То же и в «Аэрофлоте». Глушков занял пост первого заместителя генерального директора «Аэрофлота». Это огромная компания, которая продает билеты по всему миру. Но вырученные от этого деньги самым бесчестным образом разбазаривались. Тогда Глушков решил консолидировать финансовые потоки. Также было очень важно, чтобы эти консолидированные потоки находились на Западе, потому что под них «Аэрофлот» получал западные кредиты. Это Глушкову удалось. Работа велась с крупнейшим швейцарским банком UBS. Компания отстояла свои позиции и на мировом рынке. Именно наша группа подняла капитализацию компании. За два года работы Глушкова и его команды в «Аэрофлоте» цена одной акции выросла с семи долларов до более чем ста долларов. Самолеты «Боинг» и «Аэробусы», на которых сегодня летают пассажиры «Аэрофлота», удалось приобрести именно в тот период, когда экономикой «Аэрофлота» занимались менеджеры группы «ЛогоВАЗ».

То же относится и к ОРТ. Борьба за ОРТ 1994 года была жесткой. Я стал активно лоббировать акционирование ОРТ. В этом принимали участие Александр Васильевич Коржаков и многие другие. В 1994 году государство тратило на обеспечение работы Первого канала около 250 миллионов долларов в год. Пятьдесят АО пытались получить над ОРТ контроль. Каждое АО владело своим временем на канале и что хотело, то и воротило. Но у телеканала может быть только один хозяин. В конечном счете ОРТ было акционировано, было семь крупных коммерческих структур и 51 процент у государства. Реклама собирала 30 миллионов, т. е. был минус 220 миллионов долларов. Был образован единый менеджмент, единая система управления компанией. После акционирования ОРТ государство лишь один раз после кризиса 1998 года заплатило каналу около 40 миллионов долларов. Все остальные расходы полностью покрывались нами. Никакой цензуры вообще со стороны власти на ОРТ не осуществлялось. Моя была. Так я же не власть. Я был соратником Ельцина, но мне Ельцин никогда ни одного указания не давал. Я тогда уже понимал, что это мой переход в политику.

В приватизации крупных нефтяных компаний я сначала не участвовал, недостаточно понимал значимость, подключился в конце. Была образована компания «Сибнефть» путем выделения из компании «Роснефть». Были выделены «Ноябрьский нефтегаз» и Омский нефтеперерабатывающий завод. Инициатива принадлежала Абрамовичу, он был тогда трейдером. В жесточайшем столкновении с «Инкомбанком» мы выиграли тендер. Виноградов счел, что во время аукциона может поехать на охоту, а я счел нужным не отходить от двери. Все, кто относился к этому серьезно, – и ЮКОС, и ТНК, и Потанин – не отходили ни на секунду от процесса. Дальше началась битва за владение «Сибнефтью» с «Альфой» и с Потаниным. Мы прошли бесконечную череду судов. Сначала «Альфа», потом Потанин использовали все силовые инструменты.

Друг в друга не стреляли. Олигархи в олигархов – точно нет, это я знаю доподлинно, и сам, как олигарх, не стрелял ни в кого. Ни Гусинский, ни Фридман, ни Ходорковский, ни Потанин, ни Виноградов этого не делали. Я считаю, что и другие олигархи в других не стреляли, поэтому они и стали олигархами. Часто говорят: олигархи под бандитами, Березовский под чеченами. Олигархи стали олигархами потому, что ни под кого не легли – ни под бандитов, ни под власть, ни под спецслужбы. А остальные – не хватило, как говорится, духу.

В этом и была сила олигархов, моя в частности, что мы верили – в России можно создать лучший в мире бизнес. Иностранные банкиры и бизнесмены удивлялись, почему мы «держим яйца в одной корзине», в русской. В 1996 году мы были сильны именно потому, что «все яйца были в одной русской корзине». Если бы наши капиталы были на Западе, не уверен, что все олигархи объединились бы для своей защиты вокруг Ельцина. Никто больше богатых людей не заинтересован в будущем России.

К сожалению, олигархи в России в огромном дефиците и всё еще опасаются взять на себя ответственность за будущую судьбу страны. Это их нежелание взять на себя социальную и политическую ответственность часто оборачивается огромной бедой для России. Капитал во многом определяет лицо страны. Капитал – это отнюдь не вульгарное представление о денежном мешке, это концентрированный интеллектуальный, финансовый и материальный потенциал нации. К сожалению, российские олигархи значительно уступают в этом своим коллегам из цивилизованных стран. И успехи этих стран значительно выше наших, в том числе и потому, что там богатые люди понимают свою ответственность перед обществом.

Абсолютно лицемерно было бы утверждать, что бизнес развивается только по законам, которые государство продекларировало, и все здесь абсолютно кристально чисто. Особенно в том смысле, что никакого касательства к власти никто не имеет и власть никак не связана с бизнесом. Это абсолютно не так, не так везде, включая страны с самой развитой рыночной экономикой. Везде существуют личные связи – основа любого бизнеса. Россия не является исключением, и может быть даже наоборот – более, чем в других странах со стабильной экономикой, эти отношения выражены. Все те, кто сего дня успешен в бизнесе, все без исключения находятся в тех или иных взаимоотношениях с властью, с конкретными людьми.

Если говорить по существу, это вообще вопрос переходного периода. В нормальной рыночной экономике бизнес и определяет власть. Власть может быть или властью идеологии, или властью капитала – третьего не дано. У нас переходная экономика, переходный процесс. Поэтому власть уже не идеологическая, но еще не власть капитала. Если рассматривать лично мои взаимоотношения с властью, то я несколько не выделяюсь из ряда тех, кто реализует крупные проекты, в том числе национального масштаба. Они не могут осуществляться без взаимодействия с властью, касается ли это средств массовой информации или строительства автозавода.

Почему я был не согласен с Явлинским, который говорил про 500 дней перехода в рынок? Потому что рыночная экономика – это не механизм, а менталитет. Это переход из ситуации, когда ты знаешь, что кто-то о тебе заботится, в ситуацию, когда ты понимаешь, что, кроме тебя, больше никому решить твои проблемы. Совершенно иное восприятие мира. И вдруг миллионы людей просыпаются в другом мире. Конечно, это невозможно осознать. Другое дело, если бы за счет базовых отраслей создали необходимый экономический минимум для населения, чтобы не было такого тяжелейшего социального эксперимента.

На этапе приватизации прибыли отношение к собственности, понятно, было плевое. Ты просто пытаешься аккумулировать капитал, что нередко приводило к разрушению самих компаний. Одни приобретали недвижимость, какие-то блага, другие все-таки пытались приобрести само предприятие. И вот, когда ты приобретал предприятие, отношение к нему у тебя менялось кардинально. Ты понимал, что теперь надо всячески мешать приватизации прибыли. Наоборот, надо сделать предприятие эффективным. То есть новые

собственники должны были одновременно быть и управляющими. Наступал новый этап. Система должна была стать эффективной. Нужно было создавать новые государственные принципы.

Возьмем, к примеру, соби́рание налогов. Рассуждают, какие нужны налоги – больше, меньше, при этом потеряв первоначальный смысл: а что такое вообще налог? Почему в одних странах люди готовы платить 70 процентов своего дохода, а в других не готовы и 30 процентов платить? Ведь, наверное, никто в России не воспринимает сегодня налог как плату государству за защиту себя. В России, сколько бы вы ни заплатили, вы не будете защищены ни от преступности, ни в случае болезни, ни для помощи своим детям. Вы торгуетесь с государством, как с рэкетиром: «Нет, никаких 70 процентов! И тридцать не дам. Процентом десять заплачу, чтоб не приставало, потому что помощи и так не жду». Вот в чем суть, а не в том, больше или меньше. До тех пор пока нет нормального государства, невозможно собирать налоги.

Сильный капитал – сильная страна. И поэтому у меня нет никаких сомнений, что если мы отбросили идеологию, то единственная власть, которая реальна в стране, которая в состоянии поднять страну, – это власть тех людей, которые хотят сделать страну богатой. Именно новые собственники должны взять на себя ответственность за стратегическое сохранение системы, которая обеспечит защиту этой собственности; люди, которые получили капитал, должны теперь войти в управление государством.

Вторая жизнь

Я считаю, что прожил пятьдесят или сто жизней. В 1994 году в Москве взорвали мой «мерседес». Покушение на меня, как я предполагаю, было организовано спецслужбами. В пятнадцати сантиметрах от меня оторвало голову моему водителю, а должно было оторвать голову мне – взорвалась машина. Три случайности предопределили то, что я остался жив после взрыва на Новокузнецкой. Во-первых, я сел в салоне не с той стороны, с которой сажусь обычно, а взрывчатка в поджидавшем нас «опеле» как раз и закладывалась из расчета, что я поеду на привычном месте. Во-вторых, при выезде со двора нам пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в идущую впереди машину. Человек, запускавший по радио адскую машинку, не успел среагировать на действия моего шофера, и основной удар пришелся по первому ряду кресел. И третье: дверцы нашего автомобиля не были заблокированы, поэтому я успел после взрыва быстро выскочить из салона. Водитель Миша своей жизнью заплатил за мою, он словно все чувствовал заранее, поэтому в тот раз и не стал запирать двери. Когда я начал гореть, то моментально выпрыгнул из машины.

Заранее смоделировать свое поведение в экстремальной обстановке невозможно. Я пережил этот момент, поэтому могу твердо сказать, что мне страшно не было ни на секунду. Причем я не отношу себя к числу очень смелых людей, но в тот миг испуга не было. Не знаю, может, просто я не до конца понимал, что происходит. Иногда кажется, что и сейчас этого не понимаю. Но помню все до мельчайших подробностей, за исключением звука взрыва. Я ничего не слышал, только увидел: вспышка, пламя, посыпавшееся стекло, загоревшаяся обшивка салона и одежда... А страха не было.

В первое мгновение промелькнуло удивление: почему бездействует охрана? Потом я увидел Диму и всё понял. В следующую секунду почувствовал, что у меня горят волосы,

дымится одежда, и подумал: можно ли выходить из машины, не будут ли там стрелять? Времени на то, чтобы испугаться, не оставалось, нужно было выживать. Я выпрыгнул из автомобиля и вдруг ощутил, что стал хуже видеть. Позже выяснилось, что у меня был неопасно поврежден один глаз, а тогда я предполагал самое дурное. Первым делом я спросил: что с водителем и охраной? Мне сказали, что с Мишей и Димой не очень. Масштабов случившегося я тогда еще не представлял. Правда, я увидел очень много крови на своей одежде и удивился: откуда? Потом я подошел к зеркалу выяснять, что у меня с правым глазом, вижу им или нет. Только после этого меня повезли в больницу, наложили швы, прочистили раны. Больше всего было рукам. Палец кипятком ошпаришь – и то на стену готов лезть, а тут все руки обожжены оказались.

После этого я посмотрел на мою жизнь по-другому. То, чем все закончилось для меня, нельзя было назвать иначе, как провидением, счастливым случаем. Я решил, что мне подарена еще одна жизнь, к которой можно относиться значительно более безалаберно, нежели к тому, что подарком не является. Вот так я и отношусь к жизни – как к подарку. Я понял, что либо испугаюсь, забьюсь в угол, постараюсь исчезнуть в тайге, в джунглях, с глаз долой, буду бояться выйти на улицу, буду цепляться за жизнь, либо решу, что это подарок Господа и я весь в его власти. В этом смысле я опасный человек. Я теперь готов был на риск, на который не решаются идти люди, не испытавшие того, что пришлось пережить мне. Скажем, могу наплевать на гнусные публикации обо мне в прессе или пропускать мимо ушей постоянно циркулирующие слухи о новых покушениях, которые готовятся на меня. Писем с угрозами убить немедленно или чуть попозже получаю в достаточном количестве.

Это не значило, что я должен подставлять себя под пули, но появилась вера в судьбу, в промысел – своеобразное бесстрашие. К сожалению, чувство страха, кажется, атрофировалось напрочь. Ни тогда, ни сейчас абсолютно не приходило желание все бросить. Я не испугался и, как только позволило здоровье, вернулся после лечения в Швейцарии. Я вернулся и продолжил то, что делал до этого, без тени сомнения, может быть, еще более рьяно. Каждый принимает свое собственное решение после такого.

Я тут недавно посчитал, сколько раз я должен был помереть. В детстве меня два раза пытались похитить, было и такое (мать вытаскивала меня в последний момент, когда меня уже в машину сажали). У меня было одиннадцать аварий, каждая из которых могла закончиться смертью. Автомобиль переворачивался через крышу, гранату на дверь вешали (приезжали сотрудники милиции, обезвредили гранату, но мне до сих пор неизвестно, кто это сделал), в пятнадцати сантиметрах от меня снаряды проламывали головы и гибли люди. Затем, напился и ночью на снегоходе при скорости 150 километров упал – сломал себе позвоночник. И вот я стал вспоминать такие случаи и насчитал пятнадцать. Пятнадцать случаев, когда с вероятностью больше 50 процентов я должен был умереть. Но были среди них случаи, когда с вероятностью 99 процентов я должен был умереть. Например, взрыв автомобиля, когда погиб мой водитель. Да и с тем же самым снегоходом – вообще непонятно, как я остался жив, когда потерял контроль над машиной.

Если просто провести чистые математические расчеты: предположим, что вероятность выжить равняется 50 процентам. Тогда получается в пятнадцатой степени. Одно это уже о чем-то говорит. Но это только то, что касается выживания в чистом смысле. А есть же масса совершенно мистических событий. Взять, например, мое знаменитое шато во Франции. Самому дому уже сто лет. И там есть такая длинная лестница, ведущая к морю. Мы приехали туда с женой Леной. И вот мы спускаемся по этой лестнице, а там две

большие каменные колонны. Жена подходит к одной из них и видит керамическую пластину с изображением знака зодиака, и это оказывается мой знак – Водолей; мы переходим к противоположной колонне, там тоже знак зодиака, и это оказывается ее знак. Конечно, в математике это не так уж много, но все же.

Я вообще-то не люблю игры. Ну, может быть, иногда играю в рулетку. Но редко. После того как на меня устроили покушение, я пролежал месяц в клинике – у меня был глаз поврежден, руки обожжены, лицо обожжено. Вышел я из клиники, и мой приятель Петя Авен предложил, чтобы мы поехали на яхте. Я до этого никогда на яхте не плавал. Уплывали мы из Монако. Решили пойти в казино. Поскольку я тогда праздновал свое воскрешение, то решил: в честь праздника ладно, сто тысяч долларов могу проиграть. Бог с ними. А я тогда ходил в белых перчатках с отрезанными кончиками пальцев – потому что руки обожжены. И у меня была огромная борода. И еще черные очки – потому что надо было прикрывать глаз. Я тогда был похож на кота Базилио, и меня из-за этого долго не пускали, потому что в паспорте я выглядел все-таки как-то иначе. В конечном счете пропустили. Ну, естественно, мы выпили немножко виски, и я поставил половину того, что у меня было, то ли на чет, то ли на нечет. И мы продолжали выпивать – а я не смотрю никогда на рулетку. Подходит ко мне человек и спрашивает: «Так вы оставляете ставку?» Я говорю: «Ну, конечно, оставляю». Короче, оказалось, что один раз я уже выиграл, и это был просто второй заход – и я снова выиграл. Ну после этого стол закрыли, я забрал выигрыш и уже перестал играть.

Я не играю, потому что моя жизнь не сравнима ни с какой игрой. Нет там таких ощущений: надо остаться в живых, когда тебя взрывают. И убрать меня сегодня с политической арены можно только одним-единственным способом – убить. Конечно, со мной может произойти что угодно. Страха у меня нет, хотя охрана какая-то есть. Я так полагаю: захотят убить – убьют. Бояться я, конечно, боюсь. Но, если честно, сегодня я не задумываюсь на эту тему, поэтому риски, которые я на себя беру, значительно превышают риски, которые берет на себя большинство людей.

Давос, 1996

Я никогда не играл в мелкие игры. Я никогда не занимался мелкими интригами. Я решал масштабные политические задачи, которые стояли перед Россией в конце 1990-х годов. И должен сказать, достаточно успешно! Я не считаю, что выборы 1996 года – мелкая игра или выборы 1999 года – мелкая интрига. Это совершенно серьезное событие для политической жизни России. И реализовать эти задачи было очень сложно. Накануне предвыборной кампании 1996 года, когда стало понятно, что есть огромная опасность реставрации прежней системы, я был в числе тех, кто осознал значение и возможности национального капитала для того, чтобы отстоять свои убеждения, поэтому я как бы совершил медленную трансформацию из бизнеса в политику, и более – увидел огромное поле для того, чтобы отстаивать свои собственные позиции.

Моя позиция совершенно последовательна начиная с 1995 года. Может быть, никто в России не сделал столько для того, чтобы коммунисты не были сегодня у власти. Не могу сказать, что в 1996 году я был категорическим противником прихода к власти Зюганова. Я видел слабость Ельцина, слабость реформаторов в целом, которые были уже неспособны противостоять напору «левых». Они, по существу, проиграли в 1996-м битву за власть. Но

оставались люди, и я в том числе, которым было что терять. Быть может, и жизнь. И тогда именно я инициировал союз реформаторов и олигархов, и этот союз помог одержать победу. Реформаторы одни, сами по себе, были не в состоянии победить Зюганова. А олигархи в одиночку тоже были не в состоянии победить Зюганова. Только их союз обеспечил победу.

В Давосе в феврале 1996 года после выступления Зюганова я поймал себя на мысли, что очень хорошо помнил все те слова, которые он произносил. Всю эту околесицу, лишённую смысла, логики. Мне казалось, что все это безвозвратно осталось в прошлом, что всеми жизнями за коммунистический эксперимент уже заплачено. Но самым шокирующим был энтузиазм, с которым ему внимали крупные западные бизнесмены и политики. Они уже сделали свою ставку. Ельцин, согласно опросам, имел 5 процентов голосов, коммунисты – 25 процентов. Зюганов сиял, ходил на международном экономическом форуме в Давосе пузом вперед, потому что все серьезные люди Запада суетились вокруг него: как же, будущий президент!

Мы заметили, каким вниманием и поддержкой он пользовался у определенной части российского общества, как его встречали наши официальные власти, наше посольство. У меня был любопытный разговор с господином Джорджем Соросом. Он прямым текстом сказал: «Вы совершаете ошибку, что не уезжаете из России. У меня есть примеры, как отрывали головы людям, которых я знал и которые цеплялись за свои деньги и оставались в странах, где совершались перевороты. Не заблуждайтесь, мы все прекрасно понимаем, что у вашего президента нет шансов».

Я вернулся в свой номер в гостинице Sun Star Park Hotel, снял трубку и позвонил Володе Гусинскому. Надо признаться, он немедленно откликнулся на мое предложение встретиться и поговорить и вполне разделял те эмоции, которые испытывал я. Это был тот самый момент, когда жесткая конкуренция, разделявшая нас, отошла на второй план перед той опасностью, которая нас спланивала. Нам не пришлось тратить время, чтобы научиться говорить на общем языке. Взаимопонимание было полным: угроза возвращения коммунистов требует единства противодействия.

Гусинский был не единственным, с кем я переговорил в Давосе. Столь же остро чувствовали ситуацию Володя Виноградов, Миша Ходорковский, Явлинский, Лужков. Чубайс, жестко прокомментировавший на своей знаменитой пресс-конференции восторги по поводу так называемого обновленного коммунизма, выразил то, о чем все мы думали. Чубайс тогда был практически не у дел, получил, правда, несколько предложений и обдумывал их. И все же мне показалось, что ему с сожалением приходилось обдумывать эти предложения.

Я встретился с Чубайсом с глазу на глаз. Потом, наверное, он разговаривал и с другими. Я тогда предложил ему попытаться создать некую группу из нас. Даже не то чтобы группу. Я просил объединить нас. Мы все ему доверяли. Я имею в виду финансовую элиту. Мы точно знали, что со всеми нами у него были абсолютно формальные отношения, когда он был на государственной службе. Наверное, это было главным – мы не сомневались в его порядочности. Плюс ум, сила, организаторские способности. Он был единственной и единодушно выбранной фигурой. И нужно сказать, у Чубайса действительно есть способности. Может быть, он не лучший генератор идей, но что касается анализа, он это делает точнее и быстрее других.

Он мгновенно воспринял то, о чем мы говорили, сказал, что это потрясающе интересно.

Потом спросил: «Вы это серьезно?» Я сказал, что серьезно. Он обещал, что будет над этим думать – объединить нас всех, чтобы создать, скажем так, интеллектуальный центр, противостоящий оппозиции. Так что новый интеллектуальный центр начал складываться в Давосе.

Конечно, нелепо было бы думать, что все мы вот так вдруг прозрели в Давосе. Все видели, что ситуация в российском обществе трагическая, что люди не верят ни в новый курс, ни в действующего президента. Давос просто стал последней каплей. Там все было расставлено по своим местам и не оставалось сомнений: нам не на кого рассчитывать, кроме самих себя. И никаких иллюзий относительно того, что «заграница нам поможет». С этими иллюзиями мы тоже окончательно расстались в Давосе. Да, наверное, там очень хотят, чтобы у нас была страна по типу западной демократии, наверное, они готовы даже этому помочь, но без ущерба для собственного благополучия и не без собственной выгоды. Но ни о каких жертвах с их стороны не может быть и речи. Как только на политической арене мощно обозначились коммунисты, они обрушили на Зюганова водопад вопросов относительно гарантий западных инвестиций, проектов, контрактов. Они уже начинали с ним свою игру.

Президентская кампания, 1996

В Москве все было, мягко говоря, не очень ладно. Парламентские выборы в России в 1995 году либералы начисто проиграли. Победили коммунисты. Через полгода должны были состояться президентские выборы. В Москве работал предвыборный штаб Олега Сосковца, который просто напоминал партхозактивы с министрами, никогда особенно не понимавшими, что такое политика, а особенно политика в этот сложный переходный период. Действовали по команде: собрать столько-то голосов в пользу Ельцина на железной дороге, столько-то в металлургическом комплексе, столько-то еще где-то. Привычные аппаратные решения, как будто время за окнами остановилось.

По возвращении в Москву я встретился с Валентином Юмашевым и Виктором Илюшиным. Рассказал о наших впечатлениях и предложениях. Вообще была череда таких переговоров и с участием Чубайса, и без него, но Чубайс был уже полностью заражен идеей. Вместе с Юмашевым мы попросили Илюшина организовать нашу встречу с президентом. Общую – с участием Виноградова, Гусинского, Ходорковского, Смоленского, Потанина, Чубайса. Перед угрозой прихода к власти коммунистов олигархи объединились. Конечно, они думали в первую очередь о себе.

Это было приблизительно в марте 1996 года. Встреча состоялась вскоре после разговора с Илюшиным. И не думаю, что она была самой приятной для президента. Ему пришлось, возможно, впервые столкнуться с такой жесткой позицией, таким откровенным разговором о тяжести положения, в котором мы все находились. Мы так и сказали: наше желание видеть вас президентом имеет чисто рациональную основу. Мы считаем, что в России сегодня нет другого человека, способного выиграть президентские выборы и проводить курс реформ. Мы, собственно, сами порождение этого курса. Было важно, чтобы президент понимал, что дело не в личных симпатиях и антипатиях. Мы будем его поддерживать не потому, что он нам нравится лично, вот как Борис Николаевич Ельцин, хотя у многих из нас были к нему симпатии, в том числе личные симпатии, а мы будем его поддерживать по двум причинам: потому что он в состоянии продолжить курс реформ и

потому что его можно избрать.

Нам показалось, что Ельцин неверно оценивает ситуацию, хотя очень трудно так о нем говорить. Я склонен был считать, что сказывалась информационная блокада президента его прежним окружением – Александром Коржаковым, Михаилом Бар*~~censored~~*вым. Мы все вместе, так называемые олигархи, на той встрече Ельцину говорили неприятные слова: что у оппозиции есть колоссальные шансы, что популярность президента низка. Он возражал, говорил, что у нас неверные данные и неверные оценки. Мы уходили со смешанными чувствами. Я считал, что мы проиграли эту встречу. Хотя был все-таки один важный эпизод. Прощаясь, президент сказал Чубайсу: «Анатолий Борисович, я вам признателен за вашу позицию». Эти слова признательности Чубайсу стали для нас знаком того, что наша беседа все же что-то значила для президента. Ельцин был человек неординарный, и на следующий день он признал, что все сказанное – правда, и принял конструкцию выборов, которые мы ему предлагали.

Ельцин в тот момент был абсолютно уверен в своих шансах. Кстати, так было и потом, и эта уверенность не покидала его на протяжении всего периода подготовки к выборам, даже тогда, когда он уже на сто процентов понимал реалии. Более того, когда мы полностью вникли в проблемы и оценили всю тяжесть положения, то очень боялись, как бы не разрушить реальной оценкой происходящего его веру в себя. Было важно ее сохранить. Если бы он не верил в победу, думаю, она бы не состоялась.

Должен сказать, что в тяжелейших ситуациях общаться с президентом было чрезвычайно приятно. Он абсолютно точно знал, чего хочет, и абсолютно точно оценивал ситуацию – в дальнейшем, когда уже получил полный объем информации, когда поверил нам, когда понял, что ему говорят правду, а не рисуют картинки неизвестных авторов. Он тогда включился сам, и очень мощно.

Уже на следующий день (и это при всей неопределенности, с которой мы вышли от него) Ельцин принял принципиальное решение. Он, по существу, создал новую структуру, которую возглавил сам, – что мы ему и предлагали. Он создал новый предвыборный штаб во главе с самим собой и назначил двух первых помощников: Илюшина и Черномырдина. Чубайс получил место в этом штабе, и ему подчинялась аналитическая группа. Таким образом, мы заняли как бы всё интеллектуальное пространство, связанное с выборами президента.

Президент получил новый информационный канал, чего мы и добивались.

Чуть позднее появилась идея привлечь к предвыборной работе Татьяну Дьяченко. Это придумал Юмашев. Я помню, он позвонил мне в шесть утра и говорит: «У меня есть совершенно гениальная идея». И произносит только одно имя: «Таня». Я спросонья не вполне понял: «Что – Таня?» Он отвечает: «Таня должна работать с нами в аналитической группе». Я так восторженно говорю: «Валя, вообще-то идея классная...» Но идея была гениальной, я тогда ее недооценил. Это открыло прямой доступ информации к президенту. Он был абсолютно в курсе всех дел. И понятно, что он имел непредвзятую информацию, поскольку трудно было заподозрить Татьяну Дьяченко в том, что она имела какие-то иные цели, кроме тех, которые имели мы все.

Присутствие дочери президента реально сказалось на событиях. На такой короткой дистанции приходилось принимать решения практически мгновенно, причем решения, которые не могли приниматься никем, кроме президента.

Поэтому нужна была оперативность и доверие к этому информационному каналу.

Коржаков, Бар*~~censored~~*в, Сосковец сначала не вполне понимали, что происходит,

поскольку довольно резко изменился весь политический расклад вокруг Ельцина. При этом мы не просто не искали конфронтации, но прикладывали огромные усилия к тому, чтобы наладить отношения. После приезда из Давоса, конечно, еще были отношения с Коржаковым. Они были окончательно разрушены событиями 17 марта 1996 года.

Вся эта компания: Коржаков, Сосковец, Бар*censored*v – оказывала сильнейшее давление на президента с тем, чтобы, по существу, отменить выборы. И путь был выбран самый что ни на есть порочный и опасный. Обсуждался запрет компартии, разгон Думы и перенос выборов на два года, как минимум, а как максимум – просто найти силовое решение вопроса о продолжении вот этой власти. Это было чрезвычайно серьезно. Были заготовлены указы президента, которые в последний момент президент отказался подписывать.

Понятно, что были поставлены задачи совершенно нереализуемые – ни с точки зрения закона, ни с точки зрения возможностей власти. В том, что этого не произошло, одну из ключевых ролей сыграл министр внутренних дел Анатолий Куликов: он сказал президенту, что не сможет обеспечить выполнение такого решения в случае, если оно будет принято. Огромную роль сыграли Виктор Черномырдин, Анатолий Чубайс, вся эта новая команда, которая была создана. Я не знаю, кому конкретно принадлежала эта сумасшедшая идея, но Коржаков и компания, которая не раз подвигала президента на опасные для страны действия, очень активно пытались ее провести.

Был момент, когда конфронтация резко обострилась. Я пришел к президенту и сказал: «Борис Николаевич, чтобы выиграть, нам нельзя разделяться. И будет плохо, если те люди, которые были с вами и раньше, начнут играть против нас, отвоевывая свое пространство. Давайте разберемся потом, после выборов». Президент спросил, кого конкретно я имел в виду. Я назвал Коржакова и Бар*censored*ва. Он тут же соединился с Коржаковым: «Александр Васильевич, вам нужно восстановить отношения с Березовским». Коржаков не сразу, но согласился: «Ну, если это ваше окончательное решение, то я ему подчинюсь». То же самое президент сказал и Бар*censored*ву. Я вышел из кабинета Ельцина и пошел к Коржакову. Ему доложили, что я пришел. Я прождал три с половиной часа. У него в приемной было много народу. Все, естественно, понимали, что происходит. Потом я встал и сказал: «У меня нет сомнений, кто в этой стране президент. Это не Борис Николаевич Ельцин». И поехал к Бар*censored*ву. Он спросил, зачем я их развожу с президентом. Я ответил, что у меня сложилось ровно противоположное впечатление: это они пытаются отстранить толковых людей от участия в предвыборной кампании президента. Ну, Бар*censored*v никогда не отличался волевыми качествами. Он попытался выяснить, как можно поправить отношения, сказал, что президент с ним очень резко разговаривал. Но все это уже не имело никакого значения. Противоборство стало необратимым. Ни Коржаков, ни Бар*censored*v не подчинились президенту и не захотели выстраивать одну команду.

Мы понимали, что в случае победы Ельцина, если он останется с этими людьми, то не вполне понятно, чем это все может обернуться. Они действительно имели большое влияние на президента, и, в общем, для себя мы делили ситуацию так: есть красный фашизм – это коммунисты, и есть коричневый фашизм – это Коржаков, Бар*censored*v и Сосковец. И нужно пройти по тонкой грани между этими двумя айсбергами. В это время я встречался с Гусинским. И когда мы узнали о том, что готовится, мы почувствовали, что наступил тот момент, когда мы должны попытаться через СМИ предупредить эту ситуацию, сделать ее гласной, чтобы ей противостоять. Это была довольно сложная

задача. Но 17 марта нам не пришлось задействовать СМИ, не было необходимости.

Было очень точное понимание стоящих перед нами целей и способов их достижения. Была совершенно банальная мысль, которую мы сформулировали с самого начала, еще в Давосе, и не отступили от этого в дальнейшем: победят на выборах те, у кого больше воли. Это такая философская сентенция, но она совершенно конкретна. Коммунисты главным образом проиграли потому, что они своим основным противником видели не того, кто этим противником в действительности оказался. Они не придали значения новому нарождающемуся классу России – классу собственников, не верили, что этот класс может как-то повлиять на политическую жизнь страны, приготовились к тому, что будут сражаться с Гайдаром, с уродливыми, слабохарактерными демократами. И вдруг увидели «звериный оскал капитализма». И у них не нашлось достаточно сил, чтобы этому противостоять.

Наша волевая идея была очень конструктивна. Надо было дать понять людям, что им нечего бояться коммунистов. Ведь было много таких людей, которые готовы были проголосовать против коммунистов, но элементарно боялись – что они придут к власти, узнают и тогда... Вот этих людей нужно было освободить от страха, дать им понять, что есть другие люди, которые не боятся. Это было главное, что нам удалось сделать. А когда появились те, кто открыто сказал: мы вас не боимся и мы вас согнем, то сначала в обществе было удивление, а потом – констатация: да, смотрите, не боятся, ходят живы-здоровы, ничего с ними не произошло. И это было очень важно, важен этот знак. И тогда и коммунисты, и спецслужбы сделали выбор: они поняли, что нужно бороться не с теми, с кем они боролись, а с теми, у кого появились деньги.

Мы договорились с президентом о широком круге полномочий для нас. То есть он точно знал, что мы не играем против него, и поэтому был готов даже к самым неожиданным нашим шагам. Он верил, что мы не только искренни, но и грамотно просчитываем ситуацию. «Письмо тринадцати» – «Выйти из тупика!» – конечно, было адресовано обществу. Это была демонстрация решимости и силы. У нас между собой случилась даже борьба за формулировку в последнем абзаце. В результате она звучала приблизительно так: у нас достаточно воли и сил для того, чтобы не допустить, и т. д. Такая жесткая формулировка была неожиданна для общества. Основное, что нужно было сделать, – это показать людям, что есть сила, защищающая их право на свободное волеизъявление. Проще говоря, люди не должны бояться проголосовать по собственной воле, а не под давлением.

Мы все время подчеркивали в этом «письме тринадцати», что мы только за конституционное решение. И если конституционное решение во имя интересов общества позволяет осуществить перенос выборов, но легитимным путем, а не другим, на котором настаивал Коржаков, тогда это должно быть сделано, если опять-таки это пойдет на благо обществу.

Мы не старались лицемерить в этом послании. Мы старались выразить наши чувства, и в том числе нашу твердую волю, сделать все от нас зависящее, чтобы политики искали компромисс. Ну а ресурсы, которыми мы обладаем, они ни для кого не являлись секретом: это деньги. Может быть, в обращении об этом стыдливо не сказано. Мы впервые проявили себя как сила, единственным ресурсом которой являются капиталы. Те, кто подписался под этим обращением, имели достаточно серьезное влияние на средства массовой информации. Это один из инструментов, который позволяет побуждать политиков соответствовать интересам общества.

В демократическом обществе очень важен институт изучения общественного мнения, который только-только начал тогда формироваться у нас, потому что в демократическом обществе решения принимаются не наперекор обществу, а только с его согласия. Это предполагает понимание властью того, что хочет общество, а не того, что хочет власть. В тоталитарном обществе в этом нет необходимости, им надо только оценить: если они примут такое-то решение, то выйдет народ с лопатами и ломом или нет? А в демократическом обществе важна обратная связь – от общества к власти. Такой связью и служит институт общественного мнения. И вот во время выборов я впервые ощутил, как это работает. Саша Ослон, основатель фонда «Общественное мнение», создал уникальную возможность для нас с помощью фокус-групп, опросов опробовать те или иные идеи. И мы заранее понимали, какой будет реакция на те или иные решения. Мы верили, что можем победить демократическими методами, а не силовыми, которые пытались навязать Ельцину.

Когда мы проанализировали результаты того, что произошло, то оказалось, что в результате всех наших усилий дополнительно порядка 10–15 процентов избирателей сформировали свое мнение в пользу продолжения курса реформ. Именно они и оказались решающими. И это изменение произошло в ходе кампании. Люди не захотели назад. И в этом была победа Ельцина, как выразителя этой идеи.

А вот в истории с коробкой «из-под ксерокса» – это было первое публичное выяснение отношений со спецслужбами. Кстати, все решалось в Доме приемов «ЛогоВАЗа» на Новокузнецкой улице. Мы собрались здесь вечером 19 июня 1996 года – между двумя турами выборов. Нам было ясно, что происходит. Коржакову нужно было фактическое подтверждение тезиса, что новые люди вокруг президента воруют деньги. Обдумывая, как поступить, мы впервые для себя сформулировали идею: мы всегда проиграем спецслужбам, если будем действовать тайно. Но как только мы перейдем в плоскость открытого противостояния, то ситуация изменится, на свету они работать не могут. Во всяком случае, те спецслужбы, которые создавались советской властью. А Коржаков все же прямое наследие КГБ. Вот в этот самый момент я совершенно точно сказал Александру Васильевичу, что «мне с вами не по дороге».

Я не альтруист, и мое поведение совершенно рационально. Самые лучшие инвестиции – в политическую стабилизацию в России, инвестиции в политику. Мы уже стали элементом общего рынка. Что это означает? Это означает, что те компании, которые стоят в России, например, миллиард долларов, если ровно в том виде, в котором они стоят здесь миллиард долларов (я имею в виду прежде всего, конечно, сырьевые перерабатывающие компании), взять и поместить в другую политическую среду, например в Соединенные Штаты Америки, где высочайшая степень политической стабильности, эти компании без преувеличения будут стоить в десять, в пятьдесят раз дороже. Таким образом, понятно, что главное, что мы должны делать для увеличения стоимости России, чтобы то, что мы имеем, стоило реальные деньги, – это стабилизировать политическую ситуацию здесь.

Я абсолютно уверен, что отделять крупный бизнес от большой политики – глубочайшая ошибка. Возьмем конкретный пример – «Сибнефть». Тендер на покупку «Сибнефти» был в конце 1995 года, сразу после парламентских выборов, на которых победили коммунисты, и за шесть месяцев до президентских, когда никто не верил, что победит Ельцин. И когда потребовались средства на покупку этой компании, то и я участвовал в поиске денег. Была идея занять их, в том числе и за рубежом. Я сам разговаривал с Соросом и другими крупными бизнесменами и банками. Он сказал, что не может дать ни

копейки, потому что Зюганов победит на выборах, а инвестировать в страну, где побеждает Зюганов, абсолютно бессмысленно.

Тендер состоялся. Там было несколько групп, но, так или иначе, за компанию никто не предлагал более 200 миллионов долларов, вилка была от 100 до 200 миллионов. В этой вилке она и была продана. Сразу же после победы Ельцина на выборах компания получила предложения о покупке ее за миллиард долларов. Ничего не изменилось – ни технология, ни количество добываемой нефти. Изменились лишь внешние условия, и цена компании выросла. А к 1998 году она уже стоила семь миллиардов долларов. А если эту компанию, как она есть, взять и перенести на территорию США, то она будет стоить 50 миллиардов.

Я предлагаю ввести простой критерий для кандидата в президенты в его предвыборных обещаниях. Задача президента любой страны очень проста – повысить капитализацию страны. Я не знаю, сколько сегодня стоит Россия, все ее крупнейшие предприятия, вместе взятые. Но это вполне считающаяся величина. Обещание президента должно быть одно – я приду, и страна будет стоить 700 миллиардов долларов. И всё! И мы сможем проверить, правду ли он говорит.

Что такое капитал, капиталисты? В условиях рыночной экономики доминирующую роль в управлении страной играет капитал. Не в смысле денег и слитков золота, а капитал как концентрированный потенциал нации. И в этом смысле капитал, безусловно, несет ответственность за судьбу общества. Вина олигархов состоит только в том, что они не обладали достаточной мудростью и ослабляли друг друга борьбой в той сложнейшей ситуации, которая сложилась в России в 1998 году.

Лично я считаю, что база капитала в России должна быть расширена. Мы много спорили на эту тему с Чубайсом. Я полагал, что необходимо расширить группу богатых людей. Если первоначально было десять так называемых олигархов, связанных с «семьей», со временем их должно стать пятьсот, а потом и тысяча, и не связанных с «семьей». Во всех странах, ставших на путь капиталистического развития, капитал внутри общества распределен неравномерно. Во всякой стране есть весьма небольшие группы людей, которые контролируют экономику. И хотя сейчас появляются компании, которым выгодно привлечение дешевых денег, и в них оказываются миллионы и миллионы акционеров, контроль над основными потоками сохраняют ограниченные группы. Так обстоит дело во Франции, в Америке, в меньшей степени в Германии, в большей степени в Италии. За этой группой следуют другие многочисленные – то, что называется «средним классом». Именно стабильность среднего класса определяет стабильность общества в целом. Но у нас это произойдет еще не скоро, когда владельцами становятся миллионы. Такой концентрации, какая случилась в России, нет ни в одной стране мира, быть может, только в странах Востока и Африки.

Капитал – это и интеллект, и деньги, и здания, и земля. Когда мы начали создавать рыночную экономику и у нас появились собственники того, что создали, или того, что купили, или того, что украли. Первоначальное накопление капитала – всегда очень сложный и противоречивый процесс. Еще Форд сказал, что ему трудно объяснить происхождение только первых двух миллионов. Важно только одно – происходит при этом социальный взрыв или нет. В России его не было. Значит – результат положительный.

Став собственниками, мы стали одновременно управляющими своими компаниями. Мы никому не могли это передоверить. Во-первых, законодательная база, защищающая

собственность, была слабой. Во-вторых, никто не был готов иметь над собой хозяина. Компанию могли просто разграбить или неэффективно ею управлять, что в любом случае привело бы к ее гибели. А вот что касается государства, то мы почему-то думаем, что управление им можно передоверить другим.

Ельцин, как управляющий страной, не посягал на капитал, но он его и не поддержал в той мере, в которой это было нужно, чтобы реформы продвигались быстрее. Да он и не давал никаких обещаний. Это же мы пришли к нему просить, чтобы он стал президентом, а не он пришел к нам с просьбой о помощи. Ельцин был очень нужен капиталу – как единственный гарант, что капитал выживет в нашей стране. Но Ельцин после выборов фактически прожил без опоры на капитал весь второй срок.

Капитал должен защищать себя сам, поэтому очень важно, чтобы те люди, которые считают себя предпринимателями – капиталистами, если угодно, – сами пошли на этот период во власть, потому что они точно знают, какие законы нужны для экономического развития страны. Если совсем вульгарно, то так: власть нанимается на работу капиталом. Форма найма называется выборами. Без крупных капиталистов ни одно демократическое государство не обходилось. Власть в демократическом государстве всегда опирается на крупный капитал, чутко реагирует на его настроения. Но и капитал понимает ответственность перед обществом. В России этого пока не произошло, если не считать отдельных случаев.

Зачем все это мне надо? Прежде всего это нужно мне лично – для того чтобы те преобразования, которые происходят в России, продолжались. Я давно построил бизнес с позиций решения долгосрочных задач, среди которых самой главной является задача сохранения того курса, который был взят Россией в апреле 1985-го и продолжен с лета 1991 года. И это, безусловно, главный движущий мотив.

Главная задача состоит в том, чтобы сохранить вектор преобразований. А вектор очень ясный – изменение формы собственности. В России происходит революция, в ходе которой преобразуется одна форма собственности в другую. Это борьба за мои собственные, личные интересы. При этом я абсолютно убежден, что эти личные интересы интегрируются в общественные, совпадают с интересами общества. Вместе с тем мне хотелось бы подчеркнуть: я очень осторожно отношусь к слову «стабильность». У стабильности две стороны. Есть стабильность для тех, чья жизнь изменилась к лучшему, – это хорошо. А стабильность для тех, чья жизнь стала за это время хуже, – это плохо. Поэтому я и говорю не о стабильности как таковой, а о векторе преобразований.

Ельцин, Дьяченко, Юмашев

«Шестидесятники» были и поэтами, и художниками, и математиками, они были творческими людьми, которые не могли по-другому объяснять, кроме как логично, последовательно, основываясь на исторических аналогиях. Одновременно так случилось, что некоторые из них пришли к власти вместе с Ельциным, очень ненадолго, и отошли, потому что, конечно, они в основном были идеалистами. А революция, может быть, в самом начале – только корни ее – идеалистические, а потом это жесткая, непримиримая борьба.

Революция в России могла произойти только сверху. Поэтому появление Ельцина из

среды партийных лидеров для меня не было неожиданностью – что борец с коммунизмом, с коммунистами – из их среды. В этом как раз ничего удивительного нет. Ниоткуда больше он взяться-то и не мог. Я всегда ему симпатизировал, считал, что он сыграл огромную роль в моей жизни.

Я считаю Ельцина великим реформатором России. Могу сказать даже больше, я считаю его самым великим реформатором России. Ельцин – выдающийся человек. Не могу понять, как бывший обкомовский работник, убежденный коммунист стал таким жестким и последовательным приверженцем демократии. Чего стоит только его отношение к частной собственности! Конечно, рядом был Чубайс, последовательно убеждавший Бориса Николаевича в необходимости трансформации государственной собственности в частную, поскольку по законам рынка она не должна находиться в одних руках, в том числе и государственных. Ельцин это интуитивно понимал, не вникая в экономические дебри.

Ельцин научил меня политике. Я, находясь рядом с ним, понял, что такое политика, а не политиканство, не интрига, не шантаж, а реальная политика. Он меня научил политике с большой буквы, не игре в наперсток, а политике как искусству возможного. Я считаю его своим учителем. Я его очень уважал, я его уважаю несколько не меньше сегодня. Уважал его за его последовательность в жесточайшей борьбе, за то, что он ни разу не отступил от базисных направлений преобразования России в демократическое государство. В России в тот момент я не видел человека, который мог бы эту задачу решить.

В России тот может заниматься политикой, кто может измерить состояние общества и предложить решения, которые общество в состоянии принять. Не то что «я хочу, мне так хочется, я вас нагну, я вас сломаю». Можно один раз, два. Действительно, сломается, и уже всё. Так вот, именно этим качеством не обладают ведущие российские политики. Абсолютно несостоятельные люди в этом плане. Им, безусловно, обладал в огромной степени Ельцин. Я из своего опыта могу сказать, что Ельцин прислушивался к советам специалистов, но решения всегда принимал абсолютно самостоятельно, был известен своей непредсказуемостью (хорошо или плохо – другой вопрос). Но решения, которые принимал Борис Николаевич, – это решения, которые вызревали в нем, конечно, под действием и внешней среды в том числе.

Ельцин – человек, который помог России, как никто другой в ее истории, продвинуться в направлении свобод, а по существу, продвинуться в преобразовании раба в свободного человека. Нам в советских школах навязывали идею, что крепостное право отменили потому, что хотели сбросить ненавистных помещиков, крепостные крестьяне хотели свободы, независимости. А как я узнал чуть позже, когда стал самостоятельно интересоваться историей, все было с точностью до наоборот: крепостные не хотели и бунтовали против того, что их лишали хозяина. Они привыкли, что он знает как, что и когда. Поэтому это был самый сложный этап – понимание того, что быть свободным и независимым лучше, чем в рабстве. И через этот этап Ельцин нас провел, мы за ним прошли, мы этот этап преодолели навсегда.

Когда в 1994 году ситуация стала сильно напрягаться (1991-м – путч, 1993-м – путч, выборы близко), я понял свою политическую ответственность. Перед собой, перед семьей, понял, что деньгами вопрос укрепления развития власти мы не решим, поэтому я попытался получить влияние в СМИ. С этого началась моя политическая жизнь. В этот круг я попал благодаря двум людям. Благодаря Юмашеву и Коржакову. С Юмашевым меня познакомил Петя Авен. Вообще все знакомства, которые мне Авен вольно или

невольно организовывал, были очень качественные. Авен познакомил нас при очень смешных обстоятельствах. Три раза мы назначали встречу, и три раза я на встречу опаздывал или не приходил. Я вообще ничего тогда о Юмашеве не знал. И когда уже Валя сказал: «Все, больше не хочу», то я спохватился, понял, что теряю неизвестного мне человека, с которым еще не познакомился и перед которым мне уже неловко. Я приложил усилия, и встреча состоялась.

Авен познакомил меня с Юмашевым на предмет поддержки Ельцина, которого я тогда лично не знал, на предмет написания книги. Меня эта идея заинтересовала. С президентом я познакомился. Выпуск книги Ельцина был профинансирован «ЛогоВАЗом» и «АвтоВАЗом» – несколько сотен тысяч долларов. Мы создавали не преференцию президенту, а коммерческий проект. Книга вышла. Мы вложили деньги и полностью их вернули.

На президентских выборах 1996 года позиция моя была однозначна: поддержка президента Ельцина, та поддержка, которая позволила ему добиться победы 3 июля. В чем выражалась эта поддержка? Ну, в деньгах колоссальных, которые были потрачены на президентскую кампанию. И главное, что могли обеспечить мы, новый российский бизнес, была интеллектуальная поддержка. Мы смогли собрать в единое целое лучшие мозги в России для того, чтобы Россия могла продвигаться естественным, правильным путем.

Конечно, Ельцин – сложная фигура, конечно, история рассудит. С моей точки зрения, он фигура положительная. Но огромная ошибка президента, что он не создал в реформаторском крыле ничего достойного для продолжения этой идеи. Ельцин решил главную проблему для России – проблему перехода от одного общественного строя к другому общественному строю. Больше ни одной проблемы Борис Николаевич не решил. Борис Николаевич не имел никакого стратегического плана, ни политического, ни экономического. Да, в общем, честно сказать, на него и не претендовал. Брал людей на подряд. Гайдара, Чубайса, Черномырдина. Люди не справились. Борис Николаевич у нас не такой уж был знаток человеческих душ. Кадровая политика была отвратительная.

Как известно, речь невольно фиксирует устоявшиеся в сознании представления. В 1991 году народ России свободным волеизъявлением с неподдельным энтузиазмом впервые в своей истории избрал президента Ельцина. Именно Борис Ельцин отстоял право быть избранным, а не назначенным. В 1994 году ближайшее окружение президента стало иногда робко и, безусловно, по собственной воле называть его «царем». Борис Николаевич поощрял такие разговоры, во всяком случае, не смущался, когда его величали царем. Сам он как-то назвал себя Борисом Первым. Самый «молодой реформатор» Борис Немцов сказал, что если Ельцин – царь, то он (Немцов) – монархист. Выдавливаться из себя по капле раба – задача непростая даже для президента России.

Я с Ельциным встречался, но не так часто, как об этом писали. Мне кажется, я достаточно хорошо понимал его как человека, в то же время многое, несмотря на это понимание, осталось для меня без ответа. Он был, по моему разумению, типичный русский царь со всеми следствиями из этого качества. Он был бесстрашен, но старательно вытаптывал пространство вокруг себя, не оставив около себя ни одного сильного человека. Никого разумного близко не подпустил. Я не хочу сказать, что он растоптал, но он вытоптал вокруг себя поляну и никакого реформатора, который последовательно многие годы стоял бы рядом с ним и мог бы продолжать его дело, – никого не было. Он просто считал, что все должны получать благо или блага из его, царя, рук, не допуская

мысли о том, что еще кто-то может сделать благо для России. Я не хочу сказать, что Ельцин боялся сильного человека рядом с собой. Он вообще не понимал, что кто-то с ним может конкурировать.

Поэтому к 1999 году мы подошли с очень печальным результатом. Власть металась в поисках преемника: Черномырдин, Кириенко, Примаков, Степашин – это было, по существу, метание президента, который осознал свою ошибку в этом плане. Ельцин настолько ощущал себя царем, что он либо останавливал свой взгляд на ком-то, либо не замечал. Тех, с кем Ельцин общался, он выбирал сам. Надо знать Бориса Николаевича, чтобы понимать, сколь бесплодны были попытки оказать на него давление. Конечно, очень многое зависело от того, что и как говорить. Наконец, выбор преемника произошел, президентом стал последний премьер Путин.

Я хочу развеять несколько мифов – по поводу угрозы, которой Ельцин боялся. Ельцин был абсолютно смелым человеком. И есть яркий пример, который это демонстрирует, – когда он накануне президентских выборов 1996 года стал освобождаться от самых своих, так скажем, близких: сначала уволил Грачева, а в интервале между первым и вторым турами президентских выборов, когда результат был совершенно неочевиден, отправил в отставку Коржакова с Бар*~~sensored~~*вым и тем самым оказался без поддержки кого-либо из силовиков. Сосковец не был силовой опорой, поэтому я его не называю. А вот эти люди были его силовой опорой, на кого он мог рассчитывать в случае мятежа, грубо говоря. Была угроза и импичмента, и неповиновения.

Ельцин был абсолютно последовательным, служил идее, служил России, а не себе. Это он научил миллионы россиян быть свободными. Он это совершенно четко сформулировал в своей прощальной речи 31 декабря 1999 года: «Я сделал Россию свободной». Но в Кремле никогда не было стратегии – ни внешнеполитической, ни внутривластной. Либеральные реформы – это инструмент для того, чтобы народ жил лучше, однако это не технология и не самоцель. Ельцин аналитической стратегией не обладал. И те люди, которые его окружали, к сожалению, не смогли эту стратегию создать. Хотя Ельцин обозначил приоритеты и в этом смысле был последователен.

Ельцин не определил места России в изменившемся мире, не идентифицировал внутренние проблемы. Все, что нужно было делать, Ельцин делал на абсолютно интуитивном уровне. Он интуитивно ощущал, что либеральное государство лучше тоталитарного, хотя часто был противоречив в своих действиях. Одно из проявлений этой интуиции – его совершенно патологическое стремление к свободе прессы. Как над Ельциным, пресса не издевалась ни над кем: он и вечно пьяный, и неуклюжий, и недалекий. Борис Николаевич все стерпел. Когда некоторые люди пытались заткнуть НТВ и Коржаков уже практически проводил решение, что сейчас на НТВ будут санкции и так далее, Ельцин собрал журналистов и сказал: «Никому не позволю затыкать журналистам рот! И прежде всего – журналистам НТВ». Это были слова Ельцина, и я свидетель этих слов. Он сказал, что будет укреплять свободу слова, и дал еще больше точек опоры в этой свободе.

Ельцин служил идее освобождения России от рабства и добился колоссальных результатов на этом пути. В том, что он интуитивно понимал, что поступает правильно, что он пытается освободить Россию от многовекового рабства, у меня никаких сомнений нет. Когда я писал Манифест российского либерализма, я написал посвящение Ельцину: «Великому реформатору Ельцину Борису Николаевичу, который сделал, но не объяснил, посвящаю». Но Ельцин допустил ряд грубейших принципиальных ошибок. Ельцин не

допускал исторических ошибок, но он допустил целый ряд ошибок стратегических. Самая крупная в этом ряду – война в Чечне. Как можно было, меняя одну общественную формацию на другую, ввязаться еще в войну? И где – на Кавказе? Это же нужно умудриться такое сделать.

Другая ошибка – Ельцин не заботился о преемственности власти. То есть он задумался об этом под давлением внешних обстоятельств впервые только в 1998 году, когда после снятия Черномырдина и назначения премьером Кириенко началась чехарда, которая была прямым следствием стратегической ошибки Бориса Николаевича. Ельцин очень долго не думал о том, что будет после него. А когда задумался – попал в цейтнот: Кириенко – Примаков – Степашин – Путин... Все это в период чуть больше года. Поэтому кандидатура Путина выбиралась уже в цейтноте.

Ельцин должен был бы давно озаботиться о преемственности, а он не озаботился, стал думать об этом в последний момент и попал в сложную ситуацию. Поэтому так получилось, что был выбор на самом деле не между Лужковым, Примаковым и Путиным, а между Примаковым и Путиным.

Но самая главная ошибка – он не смог добиться покаяния всех нас за то, что происходило в трагические семьдесят с лишним лет, за то, что были убиты десятки миллионов наших граждан и, по существу, власть в государстве принадлежала бандитам. А мы, вся нация, в этом косвенно участвовали. Ельцин не подвигнул всю нацию на покаяние – на что сподобились немцы. Они смогли найти в себе внутреннюю силу как нация и отречься от нацизма и покаяться, и каются до сих пор, до сих пор выплачивают репарации. А Ельцин думал на эту тему, но понял, что русский народ в тот момент не в состоянии вот так покаяться. И я думаю, что его оценка была более-менее корректной, хотя нужно было все-таки настоять на своем, устроить настоящий суд над коммунистами, а не тот фуфловый, который состоялся. И конечно, ввести люстрацию на профессию всех, кто служил в органах КГБ. И тогда бы не было никакого Путина-гэбэшника.

Если бы Ельцин завалил КГБ, наверное, не было бы и войны в Чечне. Здесь у меня нет рационального объяснения, хотя Ельцин ставил перед собой такую цель. Но Борис Николаевич, к сожалению, после каждой победы сильно расслаблялся. Расслабился в 1991 году, расслабился в 1993-м, когда можно было реально решить эту проблему. Ведь дальше было уже сложнее.

Полагаю, что основную роль в сохранении КГБ-ФСБ сыграл Коржаков. До прихода к Ельцину Коржаков служил в личной охране Юрия Андропова, всесильного председателя КГБ, а потом и генсека ЦК КПСС. Такой человек не мог случайно появиться рядом с Ельциным. Это был не искренний порыв майора или подполковника КГБ Коржакова (я уж там не знаю, в каком звании он тогда был) охранять демократа Ельцина. Александр Васильевич внедрился в ближний круг президента по заданию КГБ. Это было задание, с которым он в общем-то неплохо справился. Коржаков не мог не быть подставой под Ельцина. И он был безусловной подставой под первого демократического президента России. Ельцин в течение очень долгого времени был единственным гарантом преобразований в России. Не станет Ельцина, и всё закончится.

Александр Васильевич, в буквальном смысле ставший членом президентской семьи, крестным отцом ельцинского внука, ввел у нас в ход термин «семья» как мафия... Именно он целенаправленно разрушал Ельцина физически. Морально Бориса Николаевича разрушить было нельзя. Другое дело, что он не смог до конца разрушить Ельцина. Поэтому я считаю, что реакция Коржакова на меня – адекватная реакция врага. Благодаря

моим усилиям и еще нескольких людей Ельцин подписал указ об отстранении Коржакова.

Кто мало-мальски был знаком с президентом, понимал, как он был одинок. И это, конечно, понимал Гусинский, который очень много времени провел в команде президента. Президент был одинок даже в собственной семье, как мне кажется. Президент – это всегда одиночество. И мифотворчество – это попытка борьбы с ним, с президентом. Поскольку прямая борьба невозможна, потому что этот человек себя не запятнал чем-то таким, что для общества было бы знаком, кроме, конечно, чеченской войны, которая была ошибкой, создается мифическое «окружение», мифическая «семья», уже не такая безупречная, как сам президент. И пытаются его косвенно опорочить через это окружение.

Что касается взаимоотношения с властью и прежде всего с президентом и членами его семьи, с которыми я был знаком, то отношения мои с ними всегда были только деловые, никаких вообще тем, кроме деловых, мы не обсуждали. Я могу по пальцам пересчитать, сколько раз я общался с президентом Ельциным. Не больше десяти, несмотря на то что я был замсекретаря Совета безопасности, исполнительный секретарь СНГ, то есть находился всегда на официальных должностях. Десять раз встретиться с президентом России – это очень много. За исключением того, что я его видел в президентском клубе, в который я был принят, все встречи с ним носили абсолютно деловой характер.

Никогда наши отношения не были связаны никакими материальными обязательствами или условиями, никогда я не платил деньги, никогда я не дарил никаких драгоценностей, никогда не совершал ничего такого, что могло бы компрометировать президентскую семью или меня. Все остальное, все разговоры – это абсолютная спекуляция, абсолютная провокация. Спекуляция, которая превратилась в провокацию. Я думаю, что этот вопрос будет возникать вновь и вновь, потому что провокацией этой занимаются серьезные люди. Есть просто предатели, типа Коржакова. Не в первый раз в России это происходит, и с Ельциным не впервые, и со мной тоже не в первый раз.

Я чаще встречался с его дочерью, с Юмашевым, который тоже входил в ближайшее окружение президента. С Татьяной Борисовной я познакомился в начале предвыборной кампании президента. Татьяна Борисовна – точный генетический слепок со своего отца: по менталитету, по реакции, по тому, что она цельная натура и не кривит душой. Это нелегко, поскольку она живет в суперсложном мире. Татьяна Борисовна – последовательный человек, живущий в согласии с самой собой. Она – порядочна перед собой. И этим она мне импонирует, потому что я стремлюсь к тому же: жить ответственно перед самим собой. Выше этого для меня ничего нет.

К Татьяне Дьяченко я отношусь как к человеку, на котором огромный, тяжелейший груз проблем. Вот так случилось в ее жизни. Я не хочу говорить, счастлива она или нет, но жизнь у нее очень сложная, как я ее вижу. Мы встречались достаточно редко – раз в два-три месяца. С нею у меня были нормальные отношения, но она никогда не являлась гарантом того, что я останусь на свободе. Защитой себе мог быть только я сам. А Татьяна Борисовна, к слову, очень часто смущалась, что пресса без конца связывает наши имена. На это я отвечал, что никогда не стремился показать, будто Борис Николаевич обязан мне больше, чем я ему. Я не считал, что обладал хоть каким-нибудь влиянием на Ельцина и его домашних. Да, у меня были хорошие, добрые отношения с Татьяной Дьяченко. Думаю, и Татьяне Борисовне интересно было мое мнение по тому или иному вопросу. Но можно ли изложение своих взглядов рассматривать как влияние на собеседника? Не думаю. Разумеется, я никогда не вторгался в жизнь чужой семьи с советами и рекомендациями. Эти люди реально озабочены судьбой России, а не собственной судьбой

в России.

Слово «семья» появилось с целью дискредитировать Ельцина как человека, который передал власть и капитал очень ограниченной группе людей, непосредственно приближенных к нему. Находясь внутри «семьи», могу утверждать, что сам Ельцин никаких экономических выгод от этого не получал. Зная его образ жизни, зная, с чем он остался после отречения, как живут две его дочери, весьма не бедные, я все-таки могу утверждать, что Ельцин не был коррумпирован. Он старался, чтобы вся его семья жила как добропорядочная семья президента, не вызывая упреков. Насколько это удавалось, другое дело. Время было такое, что люди, узнав о твоей кредитной карточке, считали, что ты воруюешь деньги. Однако реальность такова, что очень ограниченная группа людей получила контроль над огромными капиталами.

С Юмашевым и с большинством из нашего как бы общего окружения я уже не общаюсь по самым разным причинам. Юмашева я не считаю серым, я считаю его умным человеком, я бы даже сказал, мудрым, очень чувствительным к конкретной ситуации. Юмашев абсолютно блестящий придворный игрок. Он не видит перспективы, он не стратег – это его недостатки. Поэтому Ельцин, к которому был близок Юмашев, во многом тыкался. Ельцин нуждался в таком человеке, как Юмашев, он его органично дополнял. Юмашев делал то, что Ельцин делать не умел. Этот союз, на мой взгляд, был естественным союзом. Книги Ельцина, как известно, писал Юмашев. Но я разочаровался в Юмашеве-хроникере, биографе. Все книги об интригах, а Ельцин – человек другого масштаба. Ельцин – это не интриган. Ельцин – это История с заглавной буквы. Именно по результату, именно по тому, что ему удалось сделать, совершить, то, что сделал Ельцин, необратимо, потому что необратим менталитет миллионов людей, ставших независимыми.

Чубайс, Немцов, Явлинский

Нам с Чубайсом удалось вместе пройти очень тяжелое испытание летом 1996 года, нанести на президентских выборах сокрушительное поражение коммунистам и одновременно отсечь от Бориса Ельцина «коричневых», каковыми я считаю группу Коржакова, Бар*~~sensored~~*ва и Сосковца. Но один этап сменился другим. Вместо борьбы нового со старым началось выяснение отношений нового с новым, и это не могло не сказаться на курсе реформ. Такова объективная реальность, и глупо об этом сожалеть. Наше выяснение отношений скатилось в личностную плоскость, но это только второй план, который важен гораздо меньше, чем вопрос убеждений. Цели у нас общие, а вот методы их достижения...

Это совсем не означает, что не было периодов, когда позиции многих людей совпадали. Но тогда был как бы широкий спектр для совпадения позиций, потому что было отчетливо ясно, что мы должны вместе перешагнуть через коммунизм. И там было значительно большее пространство для общих позиций. Понятно, когда поле стало сужаться, когда игра и развитие событий стали многоальтернативными, то и появились различия в точках зрения.

Чубайс – блестящий менеджер, человек, который выполняет волю других людей. Чубайс не в состоянии правильно формулировать цель. В этом смысле он неадекватен времени сегодняшнему, потому что он оказался в той позиции, когда ему нужно было

одновременно формулировать цели и достигать их. А в России завершился революционный этап преобразований и начался эволюционный этап преобразований. Понятно, что в один период требуется один менталитет для того, чтобы это совершить, и совершенно другой менталитет руководителя, другие руководители требуются в другой период.

Я сам относился к Чубайсу с большой симпатией, чего уж тут скрывать. На фоне того болота, которое было, Чубайс казался символом преобразований, движения вперед. И очень многие постарались, чтобы именно он стал этим символом. В том числе и «семибанкирщина». Ведь это было единодушное решение, чтобы именно в него вложить силы, его сделать символом. Ведь мы не случайно пришли именно к Чубайсу. Еще и потому, что Чубайс не запятнал себя. На тот момент он не был связан никакими специальными отношениями с какой-то финансово-промышленной группой, группой бизнесменов.

Чубайс – человек жесткий, я бы сказал даже, жестокий. Но внутренняя моральная этика у него на очень высоком уровне. Я считаю Анатолия Борисовича исключительно решительным, исключительно последовательным человеком. В то трудное время, в которое мы живем, нельзя не делать ошибок, и ошибки делает и Анатолий Борисович. И реакция общества на то, что делает Чубайс, мне тоже понятна – реакция негативная. Хотя, еще раз говорю, я уверен, что то, что делает, по существу, Анатолий Борисович, исключительно важно, значимо и полезно для общества в целом.

Я еще раз хочу повторить, что цели, которые декларирует Чубайс, и цели, которые как бы декларирует продвинутая часть бизнес-сообщества, – одинаковые. Цели, глобальные, не вызывают сомнения, потому что цели эти, глобальные, совпадают, цели не различаются. Пути достижения этих целей различаются. У Чубайса позиция идейная. И сегодня, конечно, не существует никакой основы для нашей совместной работы.

Чубайс хорошо исполняет задания, которые дает ему хозяин. В свое время он был нанят на работу теми, кого потом стали называть «семибанкирщиной». Он был наемным служащим с очень хорошей зарплатой. И он адекватно этой зарплате справился с задачами, которые перед ним поставили эти конкретные люди. А задача была простая – нам нужно было выиграть президентские выборы. Простая по постановке и сложная в реализации. Ни одной идеи во время этой кампании не исходило от Чубайса. Он не генератор идей, но блестящий их аналитик и реализатор. Очень часто наши предложения вызывали у него возражения, но потом он смирялся или подхватывал их. Во всяком случае, он их исполнял, и на очень высоком уровне.

Да, он выполнил задачу, которая была перед ним поставлена. Как наемный работник за очень хорошую зарплату. Я несколько не сомневаюсь, что им двигали не только меркантильные соображения. Все, кто принимал участие в предвыборной кампании, были связаны еще и идейно. Было бы вульгарно утверждать, что Чубайс работал только за деньги, но, как оказалось в дальнейшем, деньги играли тоже существенную роль. Я ведь не говорю, что Чубайс абсолютно нетворческий человек. Он творчески подходит к исполнению.

Возьму на себя смелость сказать: я знаю, что такое творчество. Оно требует полной самоотдачи, тем более если человек получил карт-бланш на осуществление идеи исторического масштаба. Роль в этом Чубайса я лично для себя несколько не умаляю. Мы прошли революционную стадию развития с 1985 до 1997 года. Был этап политической

трансформации – замена генов диктата генами свободы. Этап экономической трансформации – переход от централизованных цен и сосредоточения собственности в руках государства к свободным ценам и диверсифицированной собственности. И огромную часть этой экономической трансформации приняли на себя Чубайс и, конечно, вся команда Гайдара. Но ведь и в этом не было никакого творчества. Это базовые условия рыночной экономики. Здесь нет никакого открытия. И этот путь неминуемо нужно было пройти.

А вот дальше начинается творчество, потому что возникает необходимость выработать достаточные условия, которые специфичны для каждой страны: налоговый кодекс, таможенное законодательство, система социальной защиты людей, система борьбы с преступностью. Они уникальны для каждой страны. А вот в этом Чубайс оказался несостоятелен, как и вся команда, включая Гайдара. Мы же оттолкнули от себя даже тех, кто, по существу, был основателем перестройки, политической и экономической трансформации. Я имею в виду интеллигенцию, которая, собственно, и явилась гробовщиком прежнего режима. Очень многие из них разочаровались и не готовы были поддерживать нынешнюю власть. Именно их мы разворачивали в ходе предвыборной кампании – тех, о ком все забыли, никто не позаботился.

Я думаю, что Анатолий Борисович – чрезвычайно разумный человек. Очень талантливый человек. При этом иногда его талант очень полезен для России, а иногда вреден. Мое личное отношение к нему определяется исключительно тем, что он делает для России. У меня с ним нет никаких личных отношений, кроме того, что касается дел, связанных с государственным устройством. Самое яркое его человеческое качество – упрямство.

Немцов и Чубайс, когда они вошли во власть, решили, что они – как власть – имели полное право не прислушиваться к тому, о чем думает средний, мелкий, крупный бизнес. Именно об этом я старательно пытался напомнить и Чубайсу, и Немцову. И мне кажется, то, что они так старательно избегали понимания значимости мнения предпринимателей, являлось очень серьезной стратегической ошибкой. При этом я замечу, что речь не шла о диктате бизнеса власти. Речь шла о том, что власть должна прислушиваться к тому, что думает бизнес и как он видит стратегическое развитие экономики в России.

У Бориса... у г-на Немцова чисто «генетические» проблемы. Он – Борис Ефимович (не ставим – Борис Абрамович), а хочет быть Борисом Николаевичем.

Президентами не становятся, президентами рождаются. Сегодня предпринимательство – это тот самый класс, который является основой власти для проведения реформ. Все дело в том, что в рыночной экономике государство всячески должно поощрять выскочек. Ровно противоположная картина была в прежней системе, когда все должны были быть равны. Поэтому именно предприниматели сегодня те, кто раньше других увидел горизонты новой жизни. И поэтому именно к ним в первую очередь власть должна прислушиваться.

Что касается Явлинского, я, конечно, во многом, в огромной степени разделяю те взгляды, которые он очень последовательно в течение долгого времени высказывает как политик. Но никаких шансов реально стать президентом на выборах 2000 года Явлинский конечно же не имел. Не говоря уже о Чубайсе. Кстати, в этом смысле он значительно адекватнее Явлинского. Он хорошо это понимал и поэтому сам не выдвигал свою кандидатуру.

У меня вообще сложное отношение к Явлинскому. Все ссылки на мое противостояние Явлинскому не имеют под собой реальной почвы. Явлинский считал, что может быть

избран президентом России, а я считал, что не может. И вот это различие, то есть отсутствие моей поддержки, было прочитано и Явлинским, и небольшой частью общества как мое противостояние идеям Явлинского. Я в огромной степени разделяю идеи «Яблока». Явлинский апеллирует к наиболее интеллектуальной части общества. И если говорить о моей близости, близости моей позиции к любой политической партии, то, конечно, это позиция самого Явлинского и позиция «Яблока».

Амбиции часто бывают выше ума. Явлинский – тому пример. Ум у него есть, а адекватности нет. Я много раз подчеркивал, что Явлинский сыграл огромную роль в строительстве демократического крыла политической жизни в России. Но сегодня у меня ощущение, что он устал. Плюс амбиции, которые для него абсолютно приоритетны, выше любых других чувств и резонов. Наиболее уничижительной чертой Явлинского я считаю то, что он никогда ничего не ставил для себя выше, чем получить власть. Помню, как в 1996 году в Давосе я пытался с ним договориться, чтобы он снял свою кандидатуру в пользу Ельцина. Безуспешно. Он мне сказал: «А почему вы не поставите на меня? Я могу быть избран». Он не понимал, что выбор между ним и Зюгановым в 1996-м был однозначный, без вариантов и не в его пользу.

Политик и власть

Однажды Андрея Дмитриевича Сахарова спросили: «В чем смысл жизни?» Он ответил: «Смысл жизни в экспансии». Это сверхгениальная мысль. Экспансия – это в классическом смысле уменьшение хаоса, увеличение порядка в мире, как говорят в физике – уменьшение энтропии, увеличение порядка во внешнем мире за счет увеличения его в мире внутреннем. А по существу – это изменение мира по своему разумению. Есть экспансия внешняя, а есть внутренняя, т. е. возможность контролировать себя и направлять себя. Вторая значительно серьезнее и сложнее. Начнем с полового инстинкта, который ведет к биологической экспансии. Следующая точка – экспансия идеологическая. Когда я хочу утвердить свою точку зрения, свои ценности. Все это – проявления внешней экспансии. А еще есть проявление внутренней экспансии, то есть жизнь в согласии с собой, с Богом и так далее. Так вот, я хочу жить в ладу с собой, со своей совестью.

Большинство ассоциирует экспансию с агрессией, с расширением себя и разрушением других. Так вот, экспансия – смысл жизни не только для меня. Практически для всех людей смысл жизни составляет экспансия, т. е. изменение мира по своему разумению. Одни делают это сознательно, другие – неосознанно, но я как раз считаю, что это значительно лучше, чем бессмысленность существования.

Как большинство обычных советских людей, я считал, что себя можно реализовать в науке. Я, конечно, не задумывался о том, чтобы пойти в большую политику при советской власти. Это было очень номенклатурно, это было очень расово, и было много-много всяких других причин. У меня не было «больших» родителей. У меня была «неправильная» национальность для Советского Союза. И даже когда я решил пойти в бизнес, то абсолютно не думал заниматься политикой. А потом, когда я почувствовал, с одной стороны, недостаточность усилий только реформаторов, прежде всего Ельцина и команды, которую он собрал, чтобы продвигать реформы дальше, а с другой стороны, у меня появились интересы в бизнесе, которые нельзя было отстаивать никакими другими методами, кроме как политическими, я принял совершенно сознательное решение

заниматься политикой. Но самое главное, что мне это стало интересно. А я всегда занимаюсь только тем, что мне интересно.

Начиная с конца 1995 года я практически перестал заниматься бизнесом, четко определив свои приоритеты в пользу политики. Я передал практически всё управление бизнесом своим партнерам. Почти всё свое время – 90 процентов его, а то и больше, я посвящаю политике. Я считаю, что отстаиваю интересы прежде всего капитала, капитала в широком смысле. Олигархи все люди очень рациональные. Если появился среди них вот такой, который один в состоянии серьезно отстаивать их интересы, то, пока у него сил хватает, зачем им самим участвовать? Я же решал задачу, которую нужно было решить. Это мой собственный выбор. Поэтому я и на переднем крае этой борьбы, серьезной борьбы, не на жизнь, а на смерть. Поэтому-то все основные шишки на меня. Если бы меня не было или когда меня не станет, а по-прежнему останутся проблемы, я уверен, появится другой или другие, которые будут точно так же отстаивать свои интересы.

Политику в России делает не народ, а тысяча человек. Потому что деньги – это основной инструмент влияния на политику. Деньги существенно на нее влияют. Но я бы только не говорил так вульгарно – деньги. На самом деле капитал существенно влияет на политику. В этом смысле роль капитала в России все больше и больше возрастает. Другое дело, что, к сожалению, это все превратилось в спекуляцию, причем достаточно глупую, поскольку, конечно, в России не существует никакой олигархии, и, более того, капитал в России еще очень слаб, и власть государства несоизмерима с властью капитала в России. Власть капитала в России несоизмерима с властью капитала, например, в Америке или во Франции. Конечно, там она выше. И это нормальная ситуация. Другое дело, что ненормально, когда капитал пытается диктовать что-либо власти. Вот это ненормально! Но до этой ситуации в России еще очень далеко, и я думаю, что никогда такая ситуация в России не возникнет.

Бизнес во всех странах мира имеет колоссальное влияние на власть. И в огромном числе стран предопределяет – что есть власть. Это реалии, которые возникли уже и в России, так как бизнес активно участвует в выборах – легально или подпольно, но участвует. И то, что бизнес идет во власть, я расцениваю как положительную естественную тенденцию и считаю, что это поможет продвижению России по пути реформирования. Неформальный способ общения власти с капиталом существовал и не мог не существовать. В этом нет ничего зазорного. Такое общение абсолютно необходимо. Речь как раз идет о том, чтобы легитимизировать это общение, чтобы оно было не под столом, не на закрытом совещании, а чтобы это было открыто для общества. Это совершенно естественный процесс, естественное общение, которое существует во всех странах.

Я занялся политикой не только потому, что это было необходимо из-за бизнеса. А потому, что меня сильно волновало то, что происходит в стране. Я внутренне чувствовал ответственность за то, что происходит в России. Персональную ответственность. Она не была связана ни с какими внешними привходящими причинами. Я просто почувствовал, мне представилось, что я понимаю что-то лучше других и могу мотивировать, почему это так.

У меня нет ни политического, ни исторического, ни юридического образования. Все мои познания и эмоции на ниве общественно-политического устройства государства я или почерпнул из прочитанного, или почувствовал. Это было в конце 1994 – начале 1995 года, с того момента, как вышел указ президента об акционировании ОРТ. Приобретение 49 процентов акций ОРТ оказалось поворотным событием в моей жизни. Я никогда не

утверждал, что телевидение – мой бизнес. Для меня было важно, чтобы ТВ – мощнейший рычаг политического влияния – не достался коммунистам. И когда ОРТ перестало быть государственным, именно оно возглавило штаб борьбы Ельцина за то, чтобы не допустить победы коммунистов на выборах в 1996 году.

Я понимал, что делаю это не для бизнеса, что делаю это исключительно как политик. Я проанализировал то, что происходило в предыдущие годы. Мне показалось, что я понимаю, что будет происходить дальше, и к счастью или к сожалению, но это представление о дальнейшем ходе российской истории оказалось абсолютно точным, и я воодушевился этим. Я совершенно уверен в том, что даже то, что происходит сегодня, было для меня достаточно предсказуемым. Я не точно представлял масштабы, но точно представлял векторы событий. Начиная с 1994 года я ни разу не ошибался в принципиальных проблемах или в принципиальном векторе развития этих проблем. Я считаю, что могу достаточно хорошо ощущать происходящее, делать аргументированные выводы и предсказывать на основе этого развитие событий.

Мои политические прогнозы практически всегда оправдываются. Я даже не знаю случаев, когда бы они не оправдывались. Не думаю, что я утратил это ощущение и сегодня, несмотря на то что я уже не живу в России. Главное для политика не знание, а ощущение. Очень трудно ощущать, находясь не в среде, но тем не менее я не чувствую на сегодняшний день неадекватности своего восприятия. Более того, я чувствую, что в России многие, кто погружен в эту среду, очень неадекватно ее воспринимают.

Меня устраивает роль независимого, самостоятельного человека, которую я уже давно для себя выбрал. Главная цель моей жизни – оставаться самим собой. И никакие другие роли, в том числе президента, я на себя никогда не примерял. Ничего личного для меня в политике не существует. У меня никогда не было политических амбиций, не было стремления быть во власти. Но у меня было стремление изменять страну так, как я считал правильным. Вот это и есть то, что я называю серьезной внешней экспансией. Я знаю, что власть доставляет сильные эмоции, но я научился получать эмоции другим способом. На это я потратил почти всю свою жизнь: посвятил свою жизнь тому, чтобы построить Россию такой, какой она мне представляется оптимально. Я понимал, что нужно России, и в силу своих возможностей это понимание пытался реализовать. Мне казалось, что очень успешно. Но я смог достичь своих целей (а цель состояла в том, чтобы улучшить страну так, как я себе представлял) только благодаря тому, что президентом России в тот момент был Ельцин.

В тот переходный период было очень важно, чтобы люди разбирались в экономике, чтобы во власть приходили люди с новым пониманием пути России и были готовы взять на себя ответственность за власть. Я говорил это еще в 1996 году, в преддверии президентских выборов. Я говорил, что бизнес должен осознать свою политическую ответственность. И победили не реформаторы отдельно, и не бизнес отдельно, а все вместе – две силы, которые смогли одолеть коммунистов. И я считал и считаю, что наступил период, когда бизнес должен сам пойти во власть. Никто за нас работу по трансформации огромной страны из одной в другую не проделает. Эту работу никому нельзя делегировать. Тут есть четкая аналогия – точно так же, когда мы стали выстраивать бизнес в России, стали организовывать свои компании, мы никому не могли передать управление. Потому что понимали, что этот кто-то разворует компанию, потому что он не имеет ответственности, которую собственность накладывает на нас.

Я не занимаюсь политиканством. Я не занимаюсь интригой. Разводка окружения – это

не политика. Политика – это понимание глобальных процессов в обществе и умение как бы играть на опережение этих процессов – или умение их немножко разворачивать, если ты считаешь, что так быть не должно. Я стараюсь понять стратегические приоритеты России и пытаюсь реализовать эти приоритеты. Идеология – это убеждения, а политика – это искусство возможного, искусство компромиссов. Мы сегодня после капиталистической революции понимаем, что без денег политика не существует. Нет ни одной партийной политики, которая существует только тем, что дышит воздухом, нужны еще и деньги. Ни одна крупная компания, ни один крупный бизнес в России не будет финансировать по-настоящему оппозиционную партию, потому что боится потерять свой бизнес. Это объективная реальность. Таким образом, не имеет возможности появиться в России оппозиционная партия, потому что никто открыто с такими деньгами против власти не поднимет голову.

Еще в 1994 году я понял, что от политики никуда не уйти. Капитал – неотъемлемая часть политики в любой стране мира. Более того, капитал нанимает на работу власть и формирует в стране политическое влияние. Поняв это, я приложил в 1995 году немало усилий, чтобы Центральное телевидение было акционировано. Мне было ясно: предстоит серьезная борьба за власть (что и получилось годом позже) и нужно быть во всеоружии. Благодаря ОРТ я приобрел огромное влияние и стал вызывать бешеную ненависть. Первая волна ненависти ко мне возникла, когда поняли, что я контролирую ОРТ. Это не нравилось никому: ни коммунистам, ни фашистам, ни патриотам, ни реформаторам. Но я также понимал, что это будет важнейшим политическим инструментом на выборах 1996 года. Это был мой переход в политику. И там я был свободен: я мог фантазировать, придумывать разные конструкции. Поэтому политика мне нравится больше всего, хотя она принесла мне массу страданий.

Я поддерживал на парламентских выборах блок «Единство» и на президентских выборах президента Путина. Главная поддержка осуществлялась с помощью ОРТ. ОРТ никогда не было в состоянии финансироваться только за счет рекламы. Источники финансирования ОРТ – это другие виды прибыльного бизнеса. Так вот, прибыль эти компании, безусловно, получали, и часть этой прибыли использовалась на поддержку ОРТ, т. е. осуществлялось прямое финансирование ОРТ за счет денег, которые зарабатывали фирмы, связанные с «Аэрофлотом». А на кого работало ОРТ в период предвыборной кампании парламентской, в период предвыборной кампании президента, не стоит объяснять – всем хорошо известно: на парламентских выборах поддерживали «Единство», на президентских выборах поддерживали президента. Я уж не говорю о том, что на самой начальной стадии создания блока «Единство» (инициация создания этого блока принадлежала мне и ряду людей, с которыми я работал) тоже понадобились средства.

Я абсолютно не задумывался, что будет, когда придет новый президент. Я имею в виду, что будет со мной лично. Меня интересует, что будет со страной, если, например, президентом будет Лужков или Примаков. Все это очень вероятно. Вот на эту тему я задумывался очень серьезно, считая, что все эти исходы не удовлетворительны.

Я не вижу со своей стороны никакой ни политической, ни человеческой ошибки, потому что не считаю свое положение неприятным. Главное – совесть моя чиста, и угрызений я не испытываю. Что касается политики, то у меня есть сожаление, что многое не удалось дожать, что вышло не так, как я считал нужным. Я ведь был членом команды, но при этом всегда оставался максималистом, потому что ситуация была и есть достаточно

экстремальная. Я сторонник жестких и решительных действий, а не полумер. Слабые люди всегда пытаются найти объяснения тому, что сами сделать не в состоянии, в коварстве противника. Основное мое влияние, конечно, публичное. Я приглашаю любого политика к любой открытой дискуссии в любой момент. Но большинство политиков предпочитает именно закулисное сражение. А меня они обвиняют в использовании тех пороков, которые в них самих таятся.

Я не встретил ни одного человека, который бы мне сказал: «Борис Абрамович, мы тебя не любим». Я такого человека в жизни своей не встретил. В этом вся проблема. Мне рассказывают: тебя не любит Зюганов, тебя не любят коммунисты, тебя не любит Путин. Но Путин лично мне никогда не говорил, что он меня не любит. Зюганов лично мне никогда не сказал, что меня не любит. Все это виртуально. Ни один человек, который сидел со мной за столом, который со мной беседовал, никогда мне не сказал, что он меня не любит. Наоборот, выражал всяческое уважение.

Если же полагаться на газетные публикации, то придется признать, что мой образ предельно демонизирован. Если судить по средствам массовой информации, я ответствен за все плохое, что происходит в стране. При этом крайне редко кто-либо пытается понять, чем же на самом деле я занят. То, что меня изображают монстром, конечно, не может радовать, но, с другой стороны, это не составляет для меня и большой проблемы. Я могу позволить себе такую роскошь, как наплевательское отношение к собственному имиджу. Да и трудно плетью обух перешибить. Что бы я ни делал, это будет трактоваться однозначно. От Березовского не ждут ничего хорошего. Приходится признать: мои оппоненты используют любые методы, пускают в ход все средства, чтобы сделать из меня черта с рогами.

Самое главное, что должен понимать политик, – это соответствие обещаний и дел. Но говорить правду крайне сложно: она очень часто бывает горькой, и нужно иметь достаточно возможностей, чтобы аргументировать ее. Ведь мы лжем тогда, когда не хватает аргументов убедить кого-либо в том, что мы поступаем правильно. Поэтому я уверен, что сила политика определяется тем, насколько он может быть правдив и открыт. Особенно я в этом убедился во время переговоров с чеченским руководством. Мы начали с того, что договорились: мы говорим друг другу правду – черное и белое, других цветов нет, все другие цвета перечеркнуты войной. И это дало результаты.

Правильно поставленный вопрос содержит половину решения. Равно как и неправильный вопрос делает невозможным правильный ответ. Я не считаю, что занимаюсь теневой политикой. Я открыто всегда декларирую свою позицию. И я не считаю, что делаю что-то закрытое, более того, сначала я декларирую, а потом действую – уж куда более открыто. Политик все-таки даже в сложной ситуации не имеет права на абсолютное раболепство, что, по существу, на самом деле просто доказывает его уязвимость. У меня тоже была непростая ситуация, и очень непростой у меня выбор был. У меня были самые наилучшие отношения с нашим сегодняшним президентом, и это был мой выбор, поскольку я понимал, что путь, который избрал президент, для меня означает следующее: либо я буду последним в ряду повешенных, но буду обязательно повешен, либо я буду первым в ряду повешенных, но с высокой вероятностью неповешенным быть вообще, потому что удастся переломить ситуацию. Я выбрал второй путь и могу сказать, что сегодня точно не сожалею об этом, хотя это очень сложный путь. Я никогда раньше не был на пути противостояния официальной власти. Это очень тяжелый путь.

То, что произошло со мной, – закономерность. Закономерность в том, что Россия не терпит мнения, отличного от мнения власти, которое громко произносится. Я оказался в сложной ситуации. Эта ситуация называется предательством. Я не был готов к предательству со стороны своих близких товарищей. А когда это предательство людей, которые находятся у власти, и не просто находятся, а рулят, – это не простая история, как их переиграть. Понадобилось время, чтобы понять эту ситуацию.

Элита и народ

Политический вектор движения в России исторически определялся не народом. Исторически этот вектор движения определялся элитой, нравится это кому-то или не нравится. Иллюзия, что народ выбирает. И эта иллюзия особенно сильна в России. Традиционно в России вопрос о власти решается элитой. Точно так же, как в большинстве других стран мира, например в Америке. Когда Америка выбирает такого президента, как Буш, понятно, что это не может быть выбор народа в чистом виде. На самом деле народу выбор навязан. Если говорить точно, этот выбор навязывается капиталом. Капитал нанимает на работу власть. Форма найма называется выборами. Люди, которые владеют огромными ресурсами, – это как раз те люди, которые могут мыслить стратегически. И я уверен, что, кроме этих людей, никто политическую конструкцию для России построить не может, потому что эти люди больше всего озабочены сохранением того, что они имеют сегодня здесь, в России; потому что какие бы ни были разговоры о вывозе, что русские капиталисты все увезли на Запад, – это абсолютная чушь.

В каждой стране существует три значимые политические силы: народ; политические партии, которые должны выражать интересы этого самого народа; и группы влияний, или элиты. Так сложилось, что в современной России наибольшее политическое влияние имеет не народ, не политические партии, а элиты. Именно они формируют мнение народа и определяют поведение партий. Это отличается от Запада только объемом влияния, потому что элиты на Западе тоже имеют огромное влияние. Народ там, правда, тоже имеет влияние, и большое, а в России – маленькое. Его не слышно. Поэтому с такой легкостью в 1996 году за шесть месяцев кардинально меняется политический расклад. Ельцин имеет до выборов рейтинг 5 процентов, а через шесть месяцев побеждает на выборах Зюганова, который имел до выборов 25 процентов. Потому что народ безмолвствует.

Да, в 1996 году основная часть народа была готова поддержать Зюганова, а не Ельцина. Этому воспрепятствовала новая, появившаяся в России элита. Я в данном случае говорю о реформаторах и об олигархах. Точно так же, как в 1999 году наш народ фактически уже воспринял и Примакова, и Лужкова как новых руководителей страны. И через три месяца этот же самый народ проголосовал за никому не известного Путина, о чем сегодня не любят вспоминать наши политики. Вернее, наши политики не любят сегодня вспоминать, когда их же цитируют, как они относились к Путину. И правые, и левые не воспринимали его никак. И уж тем более народ, который его просто не знал.

Элиты – это тоже народ. Они просто раньше других чувствуют опасность. Или чувствуют неточность. Или чувствуют ошибки. Не народ, а только элиты решают, какой будет следующая власть. А интеллигенция среди этих элит занимает самое последнее место по своему влиянию на политические процессы в обществе. Конъюнктурный человек

по определению не может быть интеллигентным. Это совершенно разные вещи. Почти полярные вещи, потому что интеллигентность – это внутреннее состояние. И оно не может оправдать дешевую конъюнктуру. Интеллигенция не играет той важной роли в строительстве нового общества, которую она исторически могла бы сыграть. Не интеллигенция сегодня определяет, каким образом будет устроена власть.

Сегодня, на мой взгляд, наступает новый, необычайно важный для России этап, и если российский капитал в лице лучших его представителей устранился от решения его проблем, то Россию ожидает серьезная беда в виде появления на политической сцене новой силы под названием «русский нацизм». Олигархи – рациональный народ. Но российские олигархи еще и пугливый народец. Когда Путин пытался выдвинуть из России и Гусинского, и меня, многими это воспринималось как борьба за средства массовой информации, как политическая борьба. Однако совершенно очевидно, что нынешняя власть не остановится ни перед чем, чтобы получить полный контроль не только над политическим и информационным пространством, но и над экономическим.

Недавно встречался с человеком, много лет прожившим в Японии, и он рассказал любопытную вещь. Оказывается, главный вопрос, который японские родители формулируют перед ребенком с первого дня его воспитания, – это что есть правильно и неправильно. У нас же все совсем иначе: что такое хорошо и что такое плохо. У японцев истина лежит в области логики и рационального поведения, а у нас находится в плоскости эмоций. Российские политики тем и отличаются от зарубежных коллег, что в силу воспитания пребывают в глубоком заблуждении, будто только они знают, что такое хорошо и, следовательно, как должны жить русские люди. Настоящий политик не имеет права выдавать желаемое за действительное и рассказывать народу то, что он хочет услышать.

Россия – страна парадоксов

Россия – страна парадоксов. Чем более нелюбим правитель в России, тем точнее он действует в интересах страны. И наоборот, если любят правителя, это означает, что этот человек действует вопреки интересам России. Дело в том, что он оказывается в плену не иллюзий, а в плену толпы. Когда говорят: «Мы с народом», это смертельно. Вот как только «с народом», это значит против народа, по существу. И напротив, когда предпринимают действия, шаги, которые не нравятся большинству людей, это и есть, как правило, самые точные шаги на благо народа.

Тому примеров очень много. Ну, начиная с самого классического. Был любимым всем народом Сталин. Я очень хорошо помню, мне было тогда шесть лет, день 5 марта, когда скончался Иосиф Виссарионович. И мой отец, который два года не мог найти работу (мы жили буквально впроголодь), плакал в этот день. Я точно знаю, что народ любил Сталина. И я точно сегодня знаю, что Сталин принес колоссальный вред России. Колоссальный вред не только России, но России прежде всего.

Другой пример, противоположный: Ельцин. Да, он возник на волне протеста людей против прежней жизни, протеста и любви. Но благодаря тому что он делал именно то, что нужно России, он стал нелюбимым, часто ненавидимым. Это как раз и было свидетельством того, что он действовал совершенно правильно. Он предпринимал правильные шаги, чтобы изменить лицо России. Я видел, что Борисом Николаевичем

руководят авторитет и воля, что он сумма этих двух составляющих, и у меня не возникало никаких высококарьерных поползновений. Никаких мотивов в моих действиях, кроме попытки понять, каким путем должна двигаться Россия, нет. Ближайшее окружение Ельцина понимало, что Примаков разворачивает Россию вспять. Но они не верили, что этому можно воспрепятствовать. Я же пытался убедить это окружение, что изменить ситуацию можно. Я был тем человеком, который убеждал в этом ближайшее окружение Ельцина.

Основная идея моего политического присутствия состояла в том, чтобы выиграть не власть, а выиграть страну. И страна выиграна. После 1996 года возврат в коммунизм невозможен. Хребет мы им сломали тогда основательно. Возврат может быть в имперскую идеологию, которая может базироваться на русском нацизме. Но не к коммунизму. Коммунизм – это законченная тема, исчерпанная.

Россия – страна с рыночной экономикой. Россия доказала, что демократия ей по плечу. За относительно короткий срок у нас появились миллионы независимых, самостоятельных людей, ответственных за свою и своей семьи жизни. Россия обречена быть либеральной страной. Хотя многие думают иначе.

Либералы в России не сформулировали никогда ясно свою идеологическую концепцию. Но из этого совсем не следует, что в России невозможна реализация либеральной модели государства. Более того, эта модель не просто возможна, но будет реализована именно такая модель строительства России, потому что только либеральная модель позволит России стать эффективной, причем не просто эффективной, но эффективнее, чем другие страны, с которыми она вынуждена конкурировать на экономическом и на политическом пространствах. Другое дело, что этот путь долгий, длинный, не в один день, не в один год. Но этот путь Россия начала.

Конечно, у демократии есть изъяны, особенно в нашей стране. Мне очень нравится образное высказывание о демократии покойного Александра Лебеда. Он любил говорить: «В бедной стране большинство не может быть дальновидным. Большинство живет сегодняшним днем. Нищие хотят съесть всё – и сразу». Возможно, это главный изъян российской демократии. Однако обязанности гражданина Российской Федерации я понимаю таким образом: необходимо поддерживать те реформы, которые были начаты в 1990-х годах Ельциным, они и есть суть того, в чем нуждается Россия. Я последовательно с 1995 года являлся сторонником этих реформ. От этой позиции я не отступил и тогда, когда стал замсекретаря Совета безопасности, и тем более тогда, когда стал исполнительным секретарем Содружества Независимых Государств, я пытался реформы, которые начались в России, поддерживать во всех странах бывшего Союза.

С 1991 по 1996 год Россия прошла сложный период своего развития. Россия заменила централизованную, плановую экономику на рыночную. Россия создала фундаментальные основы для рыночной экономики. Россия заменила централизованную, практически тоталитарную политическую систему на либеральную политическую систему. Россия создала фундаментальные основы этой политической системы. Все дело в том, что эти фундаментальные основы абсолютно одинаковы для всех стран с либеральной политической системой, либеральной рыночной экономикой. И именно замена одних фундаментальных условий на другие и означает революцию.

Мы сейчас говорим о фундаментальных, базовых признаках. Здесь как раз и начинается самое главное. Одних необходимых условий совершенно недостаточно для того, чтобы либеральная политическая и экономическая система были успешными. Необходимо еще

реализовать достаточные признаки. Достаточные признаки абсолютно различны для разных стран. Они определяются культурой страны, историей, географией и многими другими факторами, прежде всего менталитетом нации. Достаточные признаки, например, в экономике – это налоговый кодекс, таможенное законодательство, система социальной защиты населения. Это и система борьбы с преступностью. Она никогда не будет в России такой же, как в Америке, никогда не будет в Америке такой же, как в Индии. Это специфично для каждой из стран.

Точно так же и в политической системе. Никогда система выборов в России не будет такой же, как в США, а в Соединенных Штатах – такой, как во Франции. Никогда не будет соотношение власти центра и регионов в России такое же, как в Италии или Японии. Этот процесс подбора очень тонкой настройки механизма либеральной экономики и либеральной политической системы есть уже процесс эволюционный. Так вот, проблема состоит в том, что те люди, которые в состоянии делать революцию, абсолютно не в состоянии проходить тонкий сложный эволюционный процесс. Я имею в виду тех, кого называют реформаторами. Их величайшая заслуга в том, что они осуществили это революционное преобразование. Их абсолютная вина, что следующий эволюционный этап, который мы должны были начать в середине 1997 года, так и не был начат, а продолжалась революционная попытка дальнейшего преобразования России.

Должен заметить, что, постоянно размышляя над русской историей, я пришел к выводу, что нам за долгие годы и даже века так и не удалось создать того, что я называю «единой политической нацией». То есть народа, не расчленяемого властью по национальному признаку. Слабая и невидимая власть всегда действует по принципу «разделяй и властвуй». И самый простой способ разделить – разделить по национальному признаку. Это остается главным препятствием для интеграции экономической, национальной, пространственной, интеграции элит в такой многонациональной стране, как Россия.

Всегда можно определить одним словом чужую страну. США – это свобода. Англия – консерватизм. Франция – шарм. Италия – Рим. Германия – порядок. Россия – это максимализм. Посмотрите на нашу историю, даже самую ближайшую. Если плановая экономика, так она уж до конца плановая. Если рыночная экономика, так уж до предела. И так во всем. Я вспоминаю слова Квасневского, президента Польши. Как-то при встрече он мне говорит: «Послушай, почему поляки и русские – славяне, а такие разные. Мы, поляки, бьемся до первой капли крови, а русские – до последней!» Абсолютно точно. И что ужасает, что перед русским нацизмом немецкий покажется цветочками. Если мы в него скатимся, это будет до самого предела. Весь мир содрогнется!

Истоки неонацизма в России – естественны. Люди остались без каких-либо ясно сформулированных идей. Поэтому здесь только два пути: Россия станет нацистской страной или либеральной страной. Ничего другого между этими двумя возможностями России не предоставлено, потому что Россия уже не вернется в коммунизм. И я не считаю, что власть не видит этих националистических тенденций. Власть все видит и сознательно потворствует этому. Нельзя этого не замечать, поскольку все на виду. Не так давно во многих странах, и в Европе, уже проходили это с известными последствиями. Но власть в России плохо образованна. У нее в принципе нет образования и знания. И поэтому для общества опасность возрастает еще больше, так как, с одной стороны, власть не понимает окончательных последствий такого развития, с другой – она поддерживает это напряжение в обществе, из которого надеется извлечь выгоду, и в конечном счете пострадает сама.

И здесь нет необходимости оглядываться далеко назад, в 1930-е годы Германии. Это слишком далеко для понимания наших современных политиков. Достаточно вспомнить, что не были сделаны выводы из истории первой чеченской войны. Власть навязала вторую чеченскую войну и с прежним упорством продолжала ее вести и ценой тысяч жизней расплачивалась за непонимание того, что война не имела никаких шансов на успех. Россия разрушает сама себя. И это ярчайший пример необразованности власти.

Я считаю совершенно неправильным запугивать Запад, что мы станем такими страшными. А важно говорить другое, важно попытаться сравнить эти два решения. Сегодня стало очевидно, что самостоятельно Россия не преодолет путь в демократию типа западной. Может быть, России правда не нужна демократия типа западной – другой вопрос, но пока никто лучшей не изобрел.

Прежнее поколение не было ответственным за себя. Они эту ответственность переложили на государство, абстрактное государство. Государство нас защитит, государство нам даст кусок хлеба, государство нам даст работу, государство нам даст бутылку водки, государство позаботится о наших детях в детском саду и т. д. Это общество безответственных людей. Это психология безответственных людей. Совершенно иное сейчас. Появилась огромная масса людей, которые надеются только на себя. Другое дело, что это другая крайность, но Россия – такая уж страна крайностей. И после системы полной безответственности, во времена абстрактного государства, которое должно было заботиться о людях, мы вдруг оказались совершенно в другой системе, когда вообще никакой заботы о людях государство не проявляет. И каждый вынужден пробиваться самостоятельно.

Конечно, ужасно, это трагедия. Но именно трагедия заставила многих людей принципиально изменить образ жизни и научиться отвечать за себя, за свои силы. Это основа новой психологии, более прогрессивной, чем иная. Конечно же это психология свободного человека, поэтому ситуация в России тяжелая, но не безнадежная. Я глубоко убежден, что у нас колоссальный потенциал, который мы в состоянии использовать для того, чтобы не просто сохранить Россию как федеративное государство, но для того, чтобы Россия реально занимала то континентальное место, которое она по географическим признакам имеет в мире.

Россия должна отказаться от идеи многополюсного мира, поскольку многополюсный мир воспринимался как мир противостоящих друг другу сил. Если Россия продекларировала, что она хочет стать либеральной демократической страной, она не имеет ни малейшего шанса противостоять тем, кто уже является таковым. А вся идея многополюсного мира как раз и строилась на идее противостояния двух систем. И если мы сказали, что мы теперь хотим стать частью вот той, более эффективной либеральной системы, мы должны отказаться от идеи многополюсного мира. Это главное, вокруг чего должна выстраиваться внешняя политика России. Мы должны перестать делать выбор между Западом и Востоком. Мы должны делать выбор между демократическими институтами и авторитарными институтами и стараться, чтобы Россия стала частью всех демократических либеральных институтов, которые есть в мире, – не важно, где они расположены, на Востоке или на Западе. Исходя из этого, не очень сложно построить внешнюю политику России.

Россия веками не могла сделать выбор между Востоком и Западом. При этом шла речь о выборе между базовыми ценностями. Современная цивилизация создана прежде всего Западом. Россия опять оказалась в сложнейшей ситуации, потому что веками не могла

определился. Недаром символом России является двуглавый орел, у которого, по существу, раздвоено сознание, что зафиксировано в национальном гербе. Мы видим, что политики отказываются делать выбор, который так необходим. Это самое худшее, что можно сделать сейчас для России. А разумный выбор состоит в том, чтобы поддержать весомо, однозначно Запад, и прежде всего Америку.

Политика страны – прямое продолжение самосознания нации. Сейчас русские глубоко неуверенная в себе нация. Они не нашли способа компенсировать эту неуверенность, как это сделали немцы. Если угодно, немцы – это цивилизованные русские. Русские и немцы очень близки. Ни одна западная нация не смогла укорениться в России так, как немцы. Основная проблема русских, связанная с неумением сформулировать внешнеполитическую и внутривнутриполитическую стратегию, – это глубокая неуверенность в себе.

Мы надеялись, что демократическая система приведет к более свободному, творческому, независимому сознанию, которое обеспечит расцвет. Путь был избран правильный, но было сделано столько ошибок, что основная часть людей потеряла интерес к происходящему. И если раньше сознание было верноподданническим, то теперь оно перестало быть каким бы то ни было. Его даже трудно описать. Потому что сегодня даже нет надежды на то, что тебя используют как раба.

Мы много накуролесили, все, кто живет в России. Несмотря на все реформы, несмотря на необходимость жесткого воздействия на общество, есть то, что необходимо сохранить. Я имею в виду культурную среду, поскольку, как писал Лев Гумелев, это то, что создается дольше всего и разрушается проще всего: хрупкая оболочка, определяющая самосознание нации. Я же не вижу никакой стратегии государства, вообще никакой. У власти нет исторической перспективы, исторического сознания. Развал, начатый разрушением Союза, не закончился. Разваливается Россия, и никто не предлагает никакого плана по восстановлению нашего исторического пространства.

Сегодня нужно понять, что Россия – это уменьшенная модель Советского Союза. За 300 лет империи мы не сумели создать единый «политический народ» – то, что удалось американцам благодаря тем людям, которые основали это государство, – Линкольну, Вашингтону, Франклину. Они четко отделили личную роль от государственной. Россия же так и не смогла взять национальный барьер. При царе – вероисповедание, черта оседлости, наместники и так далее. При советской власти – черта оседлости уже для всех без исключения в виде прописки. Графа «национальность» в паспорте, русские вторые секретари в республиках... За триста лет ни один политический лидер России не осознал всей глубины этой проблемы.

Когда сегодня говорят, что Советский Союз распался из-за Ельцина или Горбачева, я задаю один-единственный вопрос: «Какие они такие гениальные, что развалили его ровно по национальным границам? А почему именно так развалилось?» А развалилось так, потому что был узбек, был туркмен, был украинец, был старший брат – русский. Только через реконструкцию Российской Федерации можно избежать продолжения катастрофы. Мы прозевали, пропустили исторический этап, когда могли создать единую политическую нацию.

Такая великая нация, как Россия, не может жить без национальной идеи. И поэтому начался абсолютно бессмысленный поиск национальной идеи. Бессмысленный, поскольку найти ее невозможно, ее можно только обрести, а это совершенно разные вещи. Что такое собственно национальная идея? Можно по-разному ее пытаться определять. Но в

принципе это что-то главное, что определяет нацию, нацию в широком смысле.

Национальная идея американцев, что это? Это не идея англичан и не идея испанцев или немцев, которые живут в Америке. Это идея, которая объединяет тех, кто приехал в Америку и стал строить единое государство.

Точно так же национальная идея для России – это что-то такое, что сегодня главное для нас. Есть такой профессор А. Ракитов, так вот он совершенно утилитарно говорит, что национальная идея для России – это, грубо говоря, чистый сортир. Если мы добьемся, что в России общественные сортиры станут такими же, как в Германии, вот тогда это будет серьезное национальное достижение. Он говорит также, что нет вопроса в том, будет ли Россия заселяться китайцами. Конечно будет. Вопрос в том, станут ли китайцы русскими по своей культуре, или, наоборот, мы будем ассимилироваться в китайскую культуру. Если китайцы ассимилируются и, например, в армии Российского государства будет служить много китайцев, то в этом ничего страшного нет. Это все к вопросу о национальной идее: насколько она может быть привлекательна для всех, кто живет в этой стране. И вот масса людей бросилась изобретать эту идею.

Главное, что должно составлять основу национальной идеи сегодняшней России – обретение веры. Обретение веры – это следование тем принципам, которые изложены для одних в Ветхом Завете, для других – в Новом Завете, для третьих – в Коране. Следующее – просвещение. Если эти две главные составляющие, важные для любой личности, реализуются, то есть еще два абсолютно важных условия – хотеть и уметь работать. Причем работать не ради того, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Так же как и просвещение – просвещение не ради того, чтобы потом заработать себе на кусок хлеба, а просвещение ради того, чтобы правильно понимать себя и правильно понимать себя среди других. Точно так же, как труд – не как общественная необходимость, как нас учили, а как возможность, первый шаг к достижению свободы. Шаг, который называется независимостью. В данном случае конкретно независимость от других. Независимость является первым шагом к свободе, к тому, чтобы потом еще научиться ограничивать свои действия. Три основные составляющие национальной идеи, которой так не хватает в России: вера, просвещение и труд. Вот и вся национальная идея.

Россия проходила естественный путь развития до Октябрьского переворота 1917 года, со всеми особенностями полуевропейской-полуазиатской страны, и была, безусловно, на правильном пути. А потом этот естественный ход событий был прерван. Правда, Россия была на правильном пути, но со своей традицией в отставании от других, от западных стран. Хотя в этом нет ничего страшного, через сто, ну через двести лет мы бы это компенсировали, тем более что время постоянно сжимается. И в XX веке оно текло уже совершенно иначе, чем в XIX. А в XXI иначе, чем в XX, все быстрее. И в этом смысле Россия и сегодня имеет огромный шанс стать нормальной страной. Но нормальной, надо точно понимать, – это не уровень благосостояния, а уровень менталитета нации как основы, которая потом как раз и дает и благосостояние необходимое, и счастье, и всё прочее.

За короткие десять лет Россия стала совершенно другой страной. Из страны с тоталитарным политическим режимом, централизованной экономикой и рабским менталитетом она превратилась в страну с рыночной экономикой, страну с либеральной политической системой и страну, в которой миллионы людей стали мыслить совершенно иначе. Они поняли, что о них никто не заботится: ни царь, ни генеральный секретарь, ни президент. Они вынуждены сами взять на себя ответственность за свою жизнь и жизнь

своих семей. Главная проблема – трансформация менталитета человека вольного в менталитет человека свободного, т. е. трансформация менталитета человека без ограничений в человека с ограничениями.

В 1993 году Ельцин сказал: «Возьмите суверенитета столько, сколько переварите». Я в тот момент очень сомневался в правильности его решения – выбирать губернаторов на местах, но потом это решение оказалось правильным. К 1998 году власть была распределена и по горизонтали: законодательная, исполнительная, судебная, – и по вертикали: федеральная власть во многом уступила регионам, регионы, в свою очередь, – органам местного самоуправления. В России были заложены основы нового либерального государства. Подчеркиваю: основы.

Главное – это то, что миллионы людей, оказавшись без всякой помощи государства, выжили в этой ситуации и решили жить самостоятельной жизнью, забыв про социализм.

На самом деле в России к 1998 году произошла реальная революция. Основным смыслом революции состоит в перераспределении собственности, а главный критерий ее успеха – появилась ли в результате большая кровь или не появилась. Революция 1917 года завершилась колоссальной кровью, гражданской войной. А в 1990-х годах, несмотря на огромную трагедию, которую пережила вся нация, гражданской войны удалось избежать.

Я вижу причину именно такого развития событий в том, что в 1917 году отнимали у конкретного человека, а в 1990-х годах отнимали у государства. Это, кстати, явилось причиной огромной коррупции, потому что чиновник с зарплатой сто долларов в месяц росчерком пера определял, куда пойдет собственность стоимостью десять миллионов долларов: направо или налево. И она с помощью взятки шла налево. Ничего особенного я в этом не вижу, так было во всем мире.

Для того чтобы новая политическая и экономическая система оказалась эффективной, нужно было пройти долгий эволюционный путь, т. е., создав фундаментальные основы новой экономической и политической системы, нужно было подобрать достаточные, присущие только для России признаки, которые сделают систему эффективной. Однако всё значительно сложнее. Российская государственность в том виде, в котором она существует сегодня, себя изжила.

России как демократического либерального государства никогда не существовало на этой огромной территории, не существовало как единого государства. Не было такого опыта. Оно существовало всегда как жесткая, унитарная централизованная власть с централизованной экономикой, и никак иначе. Те центробежные процессы, которые породила либеральная революция, не затронули самого главного – не затронули конструкции самого государства. Ельцин сделал очень правильные шаги, первые шаги на пути реконструирования. А новая власть России в этой составляющей пошла вспять. Опять выстраивается вертикаль власти.

Только кардинальные принципы перераспределения власти могут сохранить Россию как единое государство, а принцип очень простой – не центр делегирует функции субъектам, а субъекты делегируют функции центру. Кардинально другая конструкция государства. Только эта гибкость конструкции может позволить сохранить Россию как единое государство. Россия эффективно существовать как федеративное государство далее не в состоянии. Россия должна переходить к конфедеративной модели. Передел пространства только начинается: огромное количество напряжения по всей бывшей территории Советского Союза – Грузия, Украина, Азербайджан, Армения – везде потенциальные

конфликты, серьезнейшие конфликты, и у России – абсолютное влияние в этом регионе. На 90 процентов сегодня ситуация в независимых государствах определяется ситуацией в России. Россия – абсолютный политический, интеллектуальный и экономический лидер всего этого пространства.

Я считаю глубочайшей ошибкой Запада попытку дезинтегрировать это пространство. Это неправильно. Без России это пространство будет ввергнуто в катастрофическую бойню, и никакие Балканы не смогут сравниться по масштабам с теми проблемами, которые могут возникнуть.

Я хотел бы только одного: чтобы уровень жизни в России соответствовал ее потенциалу – интеллектуальному, материальному, географическому. Я не пытаюсь преувеличивать возможности России. Россия всегда будет мощнейшим геополитическим фактором. В мире нет аналогов того потенциала, который имеет наша страна. Однако Россия должна жить по законам, а не по понятиям. Россия не имеет шанса выйти из кризиса, если она не начнет жить по закону. Нынешняя российская экономика эффективней плановой, но значительно менее эффективна, чем реально свободные экономики таких стран, как США, Великобритания, Франция, Германия. У России есть все предпосылки, чтобы быть абсолютно конкурентоспособной страной, но она не может реализовать свои преимущества в рамках существующего в России режима.

Современная власть опять следует традициям той власти, которая была в России на протяжении почти всего XX века. Власть в эти годы никому не позволяла отличаться от так называемого «среднего» человека, пытаюсь, вместо предоставления равных возможностей людям, уравнивать всех. И это вступало в абсолютное противоречие с тем, что называется «свобода человека». Свободный человек никогда не похож на другого свободного человека.

Я не думаю, что на Западе не понимают, что происходит со свободами в России. Другое дело, что современный Запад очень рационален. Запад мыслит очень короткими категориями – сроком правления того или иного президента. Кроме того, Запад делает принципиальную ошибку, измеряя общий потенциал России исключительно экономическим потенциалом, который у России, конечно, невысок. И современные кризисные ситуации в мире проявляют эту ошибку. Ошибочно считать, что сегодня роль России в мире меньше, чем когда-то роль Советского Союза. Другое дело, что эта роль была в основном отрицательна, и очень многое предстоит сделать, чтобы эта роль перед всем миром наполнилась положительным смыслом.

Но я хочу, чтобы Россия стала свободной. Это для меня означает, что гражданин выше власти, что закон – выше власти и, что самое главное, любой человек России имеет возможности для максимальной самореализации. Десять ельцинских лет убедили меня в том, что граждане России готовы к тому, чтобы стать свободными. Они просто не готовы сражаться за это право каждый день. Путь превращения раба в свободного человека состоит из двух этапов. Первый этап – понимание того, что независимым и свободным быть лучше, чем подчиненным, когда начальник решает за тебя все твои бытовые проблемы. Второй этап – борьба за это каждый день. Я хочу привести слова Гёте: «И только тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Достичь понимания того, что свободным быть лучше, чем рабом, еще не говорит о том, что ты можешь быть свободным. Ты должен сражаться за это буквально каждый день.

Гусинский

Есть одна простая истина, которая в корне противоречит пословице: «Дураки учатся на собственном примере, а умные на примере дураков». Я считаю, что дураки вообще не обучаемы, а умные обучаются только на собственном примере. Я вначале, когда были выяснения отношений с НТВ, считал, что это не является ущемлением свободы слова, поскольку НТВ выступало с позиций неконструктивной оппозиции, не предлагая власти никаких конструктивных решений, неаргументированно ее критикуя. Поэтому действия властей мне казались достаточно разумными. Человек так устроен, что, пока сам не наступит на грабли, опыт других ему нипочем. Сегодня я могу совершенно однозначно сказать, что эта сконструированная властью последовательная цепь событий – НТВ, ОРТ, Доренко – звенья одной цепи, которую я квалифицирую как безусловное ущемление свободы слова в России, не просто ущемление, а, по существу, запрет на свободу слова в России.

Власть действует очень жестко, не обращая никакого внимания на реакцию оппонентов. И по существу, власть готова к новому шагу, который обычно следует за шагом по ограничению или запрету свободы слова, – другие акты власти, направленные на ущемление прав граждан: могут быть и репрессии в самых различных формах, может быть и изменение Конституции – все что угодно. Площадка расчищена.

У меня с Гусинским разные жизненные приоритеты. У меня политические приоритеты абсолютно доминируют над экономическими, а у Гусинского – наоборот. И в этом наше главное различие: я не извлекаю из политики прибыли. Это не упрек и не комплимент, просто разные пути. Гусинский всегда честно говорил, что он занимается бизнесом, а не политикой, а я честно говорил, что занимаюсь политикой, а не бизнесом. И поэтому бизнесмен, конечно, не готов сидеть в тюрьме, а политик – он всегда должен быть готов сидеть в тюрьме, если он настоящий политик. От Гусинского я отличаюсь тем, что не пытался следовать за событиями. Я всегда пытался их формировать.

Мы всегда были реальными конкурентами, потому что никого больше такого масштаба на рынке просто не существовало. Тем не менее у нас были совершенно нормальные отношения с Гусинским и с этой группой. Мое личное отношение к Гусинскому как к человеку на эмоциональном уровне уже не изменится. Оно сугубо негативное. Но если сейчас возникнут новые обстоятельства и я пойму, что выгодно это сделать, ничто меня не остановит снять трубку первым и позвонить. Без проблем.

Наши олигархи в своем подавляющем большинстве зайчики, пугливые зайчики. Они вроде бы и добились многого, но осознать свою политическую ответственность перед обществом так и не смогли. В редких случаях богатые люди России находили силы объединяться. Были импульсы. Это происходило в суперкритических ситуациях. В новейшей истории России это произошло в 1996 году, когда возникла опасность реставрации коммунизма. В 1999 году этого не случилось, потому что тогда выбор происходил не между коммунистами и либералами, а между близкими по своей идеологии силами.

Многое из того, что делал Гусинский, мне казалось ошибочным и даже вредным. И многое – правильным и очень полезным с точки зрения именно стратегических интересов России. И я, не испытывая личных симпатий к нему, пытался его лично поддержать, потому что НТВ – что бы кто ни говорил – в огромной части это Гусинский. Могу сказать, что наиболее стойкими из журналистского цеха оказались репортеры НТВ, да и вообще

всего «Медиа-Моста». Никогда не было двойственности в их позиции. Гусинский делал компанию с нуля – это факт. И без Гусинского НТВ – не НТВ. Без Гусинского – это уже другая компания, точно так же, как Си-эн-эн без Тернера уже не Си-эн-эн. Или «Ньюс корпорейшн» – без Мердока. Роль личностей... Ведь мы живем в другом уже веке, когда именно интеллект является главной ценностью – не технология, не минеральные ресурсы, а интеллект. Это, кстати, не я придумал, но я с этим соглашаюсь.

К Гусинскому не относится определение «зайчик». У него сильная воля. Я приезжал к нему в испанскую тюрьму за день до суда, где должен был решаться вопрос об экстрадиции. Естественно, каждый нервничает в такой ситуации. Мы разговаривали через пуленепробиваемое стекло – тюрьма все-таки. Но Гусинский был абсолютно спокоен. Мое личное отношение к тому, что происходило с Гусинским, было резко отрицательное, вне зависимости от того, виноват Гусинский был по существу предъявляемых ему обвинений или нет. Любой человек, который занимался бизнесом в России, прямо или косвенно нарушал российские законы, прежде всего в силу их несовершенства и в силу того, что законы много раз изменялись за это короткое время.

Я попал в аналогичную ситуацию, когда власть на меня давила так же, как и на него, и поэтому мы должны были посоветоваться и решить, что делать дальше. Гусинский дословно сказал мне следующее: «Ты имеешь дело с бандитами, и если тебя вызывают в Генпрокуратуру, то с тобой что-то сделают – посадят, убьют, в конце концов. У них нет правил». Власть сегодня абсолютно беспредельна. Кстати, мы так и не придумали, что делать.

Так что Гусинский не зайчик. Он не пугливый, но он тоже не понимал своей политической ответственности. Остальные просто пугливы, реально пугливые люди. Они настолько боятся, что их бизнес может быть разрушен, что не понимают: он будет разрушен в любом случае, если политическая ситуация обернется неправильно для бизнеса. Они просто не просчитывают следующий шаг или не хотят считать. Или считают, что все, что можно, возьмем, а потом – хоть трава не расти. Я действительно в этом смысле отличаюсь от них. Я брал на себя ту ответственность, которую они или боялись, или не хотели брать.

Лужков и Примаков

Служковым я мог установить блестящие отношения, но совершенно сознательно отстаивал свою политическую позицию, полагая, что Юрий Михайлович – зло для страны. Ровно то же могу сказать и о Примакове. В конце концов, у нас много общих знакомых по Академии наук, он академик, я член-корреспондент, найти общий язык с Евгением Максимовичем мне было бы проще, чем, например, Гусинскому. Ведь Примаков воспринимает Владимира Александровича как таксиста, не более того. И Лужков для Евгения Максимовича всего лишь преуспевший лавочник, человек в кепке. Поверьте, мне хорошо знаком менталитет представителей советской элиты, привыкших смотреть на окружающих сверху вниз. Словом, я осознанно не стал договариваться с Евгением Максимовичем. Был момент, когда я единственный выступал против Примакова. Тогда все вокруг только и восклицали: ах, какой классный у нас новый вождь – мудрый, прозорливый!

Я не участвую в разработке кремлевских сценариев. Я самостоятельно всё делаю. В

данном вот случае развеиваю мифы о том, кто такой Лужков. Он представлял в течение долгого времени человеком безупречным, построившим уникальную экономику уникального города. Я могу сказать, что эта экономика действительно уникальна: она уникально криминальна. Она направлена исключительно на то, чтобы высасывать соки из страны, сводить их в один город, чтобы потом этими ресурсами распоряжался очень ограниченный круг людей. Я очень поддерживал назначение премьером Примакова, который решил очень важную задачу – он реально стабилизировал политическую ситуацию в России. В тот момент это было самое главное. И эту задачу лично Примаков решил своим авторитетом. Политическая ситуация в России была крайне сложная. И в момент назначения Примакова премьер-министром он был очень положительной фигурой. Очень важно, что именно он смог стабилизировать политическую ситуацию. Казалось, что он разумно воспользуется этим. Но предположения не просто не оправдались. Они как бы в самой драматической форме переиначились, ровно до противоположности. Именно Примаков стал на самый порочный, самый трагический для России путь. Начались непонятные вроде бы вещи – такое странное правительство, которое должно решить сложнейшую задачу – экономическую. Но чем дальше развивались события, тем больше и больше я понимал, что это правительство не ставит своей задачей решение экономических проблем. Оно просто хорошо понимало, что не существует простых решений, есть только долгосрочные, поэтому самым удобным решением в экономической области является получение кредитов у МВФ.

Но главное – не это. Главное – борьба за власть. И здесь абсолютно четко проявились пять направлений борьбы: Дума, губернаторы, окружение президента, спецслужбы и средства массовой информации. Вот те направления, по которым уверенно продвигалось правительство. Шел реальный перехват, попытка реального перехвата власти по всем этим пяти направлениям.

Одно направление было абсолютно успешно – это Дума. Тогда становился понятен состав правительства. Примакову удалось снять дикое напряжение в обществе – противостояние Думы и исполнительной власти. Эта проблема была решена ценой того, что экономика, конечно, никуда не могла продвигаться, не могла развиваться. Я считал путь, по которому вело это правительство, опасным. Но я не мог сказать, что реально понимал альтернативу, – слишком далеко зашел процесс развала государства в целом. Я не решился так просто сказать: нужно заменить. Но была колоссальная проблема и колоссальная опасность в этом правительстве.

В России наступили другие времена. Россия теперь живет другой жизнью. Евгений Максимович этой жизни абсолютно не понимал и, не понимая, не приемлет. Но он умный человек в том мире, в котором существует. Он жил в системе, которая не учитывала сегодняшний реальный мир России, поэтому он делал трагические для России ошибки, одну за другой. Одна из них привела к моему с ним противостоянию – позиция по НАТО. Помню, пришел Примаков, который был тогда министром иностранных дел (я был замсекретаря Совета безопасности), и сказал, что подписание договора Россия – НАТО и вообще позиция России по отношению к расширению НАТО на Восток абсолютно неверная. По существу, с точки зрения той морали, в которой живет Примаков, она действительно была неверная. Я Примакову сказал: «Евгений Максимович, нельзя возражать против расширения НАТО на Восток и подписывать с НАТО договор. Это – лицемерие, это двойной стандарт. Стратегически в политике это рано или поздно проявится как ошибка». Что и произошло.

С Ираком тоже была ошибка. И нельзя в политике замахнуться и не ударить. Один раз это проходит, второй раз в это уже никто не поверит. Россия много раз за последнее время, в том числе из-за того, что неверно оценивал ситуацию министр иностранных дел Примаков, оказывалась в униженном положении. Нас унизили в Ираке, а мы могли не попадать в такое положение. Мы могли занять совершенно взвешенную позицию. И еще больше нас унизили в Косове. И опять-таки Россия имела возможность выглядеть не просто достойно, а стать лидером в разрешении подобных ссор и конфликтов. Но Россия заняла ровно противоположную разумной позиции. Примаков поехал якобы разрешать этот кризис. Он встретился с Милошевичем, но не встретился с лидером албанцев. Почему? Какое право имел человек, желающий уладить конфликт, так односторонне в него вмешиваться? То есть вместо улаживания конфликта произошло вмешательство в конфликт.

Примаков хотел строить империю, причем империю в худшем ее понимании – основанную на насилии, а не на интеллекте. Мы знаем, какова цена строительства империй подобного сорта вообще и в России в частности. И если с этих позиций оценивать действия Примакова, то они становятся понятными. С первого дня он стал бороться за СМИ, за влияние на губернаторов, президента, спецслужбы... Последние ожили, реанимировались. Это не Примаков сражался и не слабые интеллектуально коммунисты, а остатки российских спецслужб в худшем их проявлении.

Абрамович и Ходорковский

Никакого участия в процессе нынешнего объединения «Сибнефти» и ЮКОСа я не принимал, не вел переговоров ни с Абрамовичем, ни с Ходорковским. Более того: ни с тем ни с другим не общался уже несколько лет. Вопрос об объединении стоял давно. Однажды оно было начато, но не доведено до конца – объединенная компания уже и имя получила: ЮКСИ. Объединение было выгодно и «Сибнефти», и ЮКОСу. Вот в том процессе я принимал самое активное участие. Но тогда мои партнеры Абрамович и Швидлер выступили против объединения, и оно не состоялось. Сегодня свою долю – приблизительно половину пакета – я продал Абрамовичу, и он со мной рассчитался.

С Абрамовичем меня познакомил Петр Авен. Петя играет особую роль в этом смысле в моей жизни. Роман намного младше меня. Он, конечно, человек совершенно неординарных способностей. Я имею в виду понимание жизни. Ему это как-то очень удается. Может быть, потому, что у него было достаточно сложное детство. Он полностью сделал себя сам. Рома – человек глубокий, очень правильный и самодостаточный.

Я считаю себя совершенно самостоятельным человеком и не борюсь за место нигде – ни в компании, ни в политике. Я пытаюсь утвердиться своим пониманием по тем или иным проблемам. Если кто-то делает это лучше меня, я отхожу, без чувства ревности, без сопротивления. Я знаю, что есть пространство, где Роман очень силен, – в личном общении с людьми. Я знаю, где он слабее меня, – он хуже понимает пока политическую стратегию. Но и не претендует, что понимает. Он молодой и обучаемый. Хотя он недостаточно образованный человек, но обучаемый. Умный и, что особенно важно, точно оценивает свои возможности.

Я знаю, что он в очень хороших отношениях с Юмашевым, Волошиным. Я не знаю, какие у него отношения с Татьяной Дьяченко. И я уверен, что в силу своего реального

таланта он может убеждать в той или иной точке зрения. Как он это реально использует, не знаю, не был свидетелем. Роман, надо сказать, очень скрытный человек – в отличие от меня. А вообще я даже испытываю удовлетворение, что среди нового поколения появляются люди, которые смогут продолжить наше дело.

Что же касается Ходорковского, то мой личный опыт знакомства с ним не свидетельствует, что Миша – хороший политик, особенно для России. Миша – технолог очень хороший, он обладает феноменальной технологичностью. Он умеет строить большие, сложные и при этом реальные технологические системы. Он правильный человек на позиции премьер-министра, тут у меня никаких сомнений нет. Из всех, кого я знаю, он лучший. В то же время он никогда не менял ситуацию, а лишь встраивался в нее. Типичный пример – выборы 1996 года. Не секрет, что Ходорковский заигрывал с коммунистами, поддерживал коммунистов, пока не было принято общее решение бизнес-сообщества поддержать только Ельцина. Не он один. Собственно, многие олигархи поддерживали – и Виноградов заигрывал, и Гусинский... Они считали, что приход Зюганова неотвратим. Потребовалось много усилий, чтобы переубедить их, чтобы Ходорковский, как и все остальные, поставил только на Ельцина. Встроился в ситуацию. Одним из первых, но все же лишь встроился.

Особенность наших олигархов вообще состоит в том, что они не умеют создавать процесс, они боятся создавать процесс, они встраиваются в процесс. Так было и в 1996-м, и в 1999-м. А где Ходорковский был в 1999 году? В 1999-м он и вовсе отошел в сторону и занял наблюдательную позицию: уже не верил собственной интуиции, не знал, на кого поставить: на Примакова – Лужкова, которых поддерживал Гусинский, или на Путина. Ходорковский отсиживался и выжидал, кто победит – Примаков или Путин. И он точно так же побежал бы к Примакову, как он побежал к Путину.

Но наступил момент, когда он понял, что власть не реализует, а, наоборот, препятствует достижению тех экономических целей, которые преследует компания. И замахнулся на политику. И получил по носу. Ведь отношение к Ираку – это чистая политика. Ходорковский говорил, что надо поддержать американцев. Я лично с этим был не согласен, но это другой вопрос. Но он обозначил ясную точку, где интересы сегодняшней власти расходятся с интересами крупного бизнеса. А ЮКОС был авангардом российского бизнеса.

Миша теперь политик, потому что такой бизнес не может не влиять на принятие политических решений. Капитал не может не заниматься политикой. Этого, кстати сказать, Путин, когда стал президентом, совершенно не понимал. Он говорил о равноудаленности олигархов, вместо того чтобы говорить об их равноприближенности. И я не вижу ничего невозможного в том, чтобы богатый человек был избран президентом России. От этого России может стать только лучше. Я уверен, что почти каждый российский олигарх хотел бы стать президентом. Все они очень целеустремленные и амбициозные люди. Поэтому мне смешно, когда у них спрашивают: «Зачем вам столько денег?» – не понимая, что деньги для них – это не путь к приобретению материальных благ. Деньги – это власть. Власть опять же не в вульгарном понимании. Например, Ходорковский большие средства тратил на благотворительность, на образовательные программы. Он завоевывал таким образом молодое поколение: понятно, что люди, выучившиеся на его стипендии, поддержали бы его.

Могу предположить, что сплетни о президентских перспективах Ходорковского распускали его «доброжелатели», возможно, конкуренты по бизнесу: все знают, как

болезненно Путин реагирует на любые слухи о соперниках. Происходящее абсолютно логично. Ходорковского неминуемо добьют. Эта акция была призвана не просто напугать. Главной целью является перераспределение собственности. В данном случае не государственной, а частной. Она попадет под контроль людей в погонах.

Абрамович дальновиднее других. Сейчас много говорят о покупке Абрамовичем футбольного клуба «Челси». Пытаются отыскать разные мотивы. Но когда придут за ним, все скажут: «Пришли за тем самым, который купил лондонский «Челси». И я думаю, что для Абрамовича это приобретение – скорее способ защиты, нежели бизнес или развлечение. Вместе с тем Ходорковский показал, что умеет играть вдолгую, так что посмотрим. Я не знаю, какие мысли у Ходорковского.

Шуты

В России всегда были шуты, и шутов страна в общем-то любит. Они одеваются в разные одежды. Есть шут, который не скрывает этого, – Жириновский. Серьезный политический шут. При этом я не говорю, что шутовство порок. Не порок, а институт компенсации пороков. То, что говорит шут, никто не скажет. То, что позволено ему, не позволено никому другому. И конечно же то, что написал в своей книге Коржаков о Борисе Николаевиче, да и обо мне, отвратительно. Этот человек был личным охранником Андропова. Этого человека десять раз просветили насквозь. Я наблюдал, как Ельцина старались спойть, превратить в ноль. Но огромная часть общества хочет знать, как живет президент. И поскольку красивые картинки никто не рисует, появляется шут, который рисует эти картинки. При этом хочу заметить, что не считаю генерала Коржакова серым человеком. Он если и шут, то яркий.

Я немного знаком с прокурором Владимиром Ильичом Колесниковым. Про таких говорят: врун, болтун и хохотун. Болтун, потому что ни одно его утверждение никогда не бывает правдой, хотя есть совершенно четкие критерии того, что является доказуемым или подлежит доказательству. Вместо того чтобы трепаться – «хотел бы обратиться к правоохранительным органам Великобритании с просьбой активизировать работу по выдаче», – выписали бы ордер на мою экстрадицию. Ведь столько раз грозились. И по делу «Аэрофлота», и по обвинению в финансировании чеченских боевиков, и за создание военизированного формирования. Но так ни разу ордер и не прислали. Здесь уже просто не верят этим заявлениям. Всё, что происходит, – это фарс. Всё уже в фарс превратилось. А сам Колесников – в шута. А как бороться с фарсом? С фарсом можно бороться только фарсом.

Путин – наш президент!

У меня есть личный опыт общения с Путиным. Я его знаю давно, но не близко. Мы познакомились в 1990–1991 годах в Петербурге. Меня с ним познакомил Петр Авен, который в моей жизни всегда знакомил меня с важными для меня людьми, в том числе с Собчаком и с Путиным, который тогда был его замом. Мы приехали с делегацией, которую принимал Собчак. Путин был на этой встрече. Потом мы много встречались в Питере, поскольку «ЛогоВАЗ» строил там станции техобслуживания. Мне приходилось, и я с удовольствием это делал, общаться с питерскими властями.

Путин занимал такую позицию в Санкт-Петербурге, которая как бы и предполагала нарушения закона, потому что была революционная эпоха и все время менялась экономическая ситуация, – нужно было по-новому организовывать экономику, а законодательство было еще не подготовлено к этому. Но я не знаю Путина как коррумпированного чиновника. Путин полностью исключал всяческие разговоры о взятках и тем не менее помогал. Он редкий, абсолютно честный чиновник. Мало кто из чиновников смог остаться честным – слишком много было соблазнов. Он на меня произвел приятное впечатление, никак не выделялся среди других.

Я впервые реально обратил внимание на Путина как на серьезного человека, когда Собчак проиграл выборы в Питере Яковлеву, когда Путину Яковлев предложил остаться на той же позиции, а Путин отказался. Не так много людей, которые так самостоятельно себя чувствуют. Путин – самостоятельный человек. Он сам отказался от предложения губернатора Яковлева войти в его команду после поражения Собчака, он сам отказался от приказа Примакова шпионить за Явлинским, он самостоятельно принял решение противостоять Примакову, а не лечь под него.

Когда Путин переехал в Москву, мы стали встречаться чаще. У меня никогда не было с ним близких, товарищеских отношений. Но когда для меня были самые худшие времена, когда Примаков пытался меня посадить, когда люди разбежались, когда я приходил в театры и люди веером рассыпались в разные стороны, то Путин, когда у меня было семейное торжество, просто пришел на день рождения моей жены 22 февраля 1999 года. Я его не приглашал, собственно, как и не пригласил других своих друзей, которые работали во власти. Я ему сказал, что специально не приглашал, а он никогда раньше ни на каком дне рождения не был – ни моем, ни моей жены. Он пришел и сказал: «Мне абсолютно все равно, что обо мне подумает Примаков. Я считаю, что это правильно именно сейчас». А он был тогда директором ФСБ. И это, конечно, тоже в большой степени определило мое отношение к нему. У меня нет сомнений, что Путин имеет моральные обязательства перед теми людьми, которых он считает своими товарищами или друзьями. Он человек очень совестливый, это то, что я видел. Он человек искренний.

Я активно поддерживал Путина и одной из главных задач считал необходимость преемственности власти. Преемственность я определял очень просто – сохранение всего того, что было достигнуто за годы реформ, и продвижение вперед, а не использование тех ошибок, которые были допущены за время революции – революции без ошибок не бывает. При этом я имел в виду не преемственность Ельцину, а продолжение курса реформ. Я опасался, что новая власть, допустим в лице Лужкова или Примакова, могла быть основана на отрицании предыдущей. Поэтому тот выбор, который для меня был очевиден, – это Путин.

В принципе любой из премьер-министров мог бы стать реальным кандидатом – Черномырдин, Кириенко, Примаков и Степашин.

Черномырдин – безусловный реформатор. Этот человек – совершенно из советского прошлого, но он понимал, что нужно двигаться по пути реформ, искать какие-то рыночные механизмы. Но за пять лет премьерства он исчерпал свой личный ресурс реформатора, потому что за годы власти накопил такой груз обязательств перед всеми, что эффективные решения уже принимать было нельзя. Коммунистам надо было платить, Жириновскому надо было платить, со всеми надо было советоваться. Тогда возник Кириенко. Я участвовал среди других олигархов в процессе обсуждения его назначения, и я лично был против назначения Кириенко. В моем понимании премьер должен быть

реформатором и иметь волю. Это человек, который должен сам принимать решения, а не бегать советоваться ко всем сразу. Кириенко – реформатор, но он абсолютно лицемерный и нежесткий, он сразу стал юлить.

В свое время я сказал Кириенко: «Что ты мечешься? Вот ты доверяешь Чубайсу, к нему и бегай. Не бегай к нам ко всем сразу». Я, когда кандидатура Черномырдина два раза не прошла в Думе, предложил кандидатуру Игоря Малашенко. Тот сказал: «Ты понимаешь, если я стану премьером, то начну разбираться с тобой?» Я ответил: «Если это будет в цивилизованных рамках – пожалуйста». Мне было достаточно, чтобы человек был реформатором и волевым.

Я пытался Кириенко сказать, что у него есть альтернатива: либо быть самостоятельным, либо прибиться, например, к Чубайсу и слушать его во всем. А так одни сказали одно, другие – другое, поделил на количество мнений и вычислил курс, а в следующий раз – другой курс, а еще через раз – третий курс. Это и явилось причиной того, что Кириенко перестал существовать как политическая фигура. Он принял 17 августа 1998 года ошибочное и несамостоятельное решение.

Следующим был Примаков. Теперь уже понятно, что всё случившееся 17 августа было грубейшей ошибкой. Оказалось, что никакого финансового краха реально не существует, потому что Примаков ровным счетом ничего не сделал в экономике, но все стабилизировалось. Но назначение Примакова тогда было единственно возможным. Экономический кризис совпал с политическим, и нужна была фигура, которая бы консолидировала хотя бы власть. Примаков очень точно это понимал, но лично меня не устраивало то, что он пытался консолидировать власть слева. Примаков – не реформатор, но человек, безусловно, волевой, серьезный политик, абсолютно гэбэшный в худшем смысле и поэтому опасный. Фигуры более опасной для продолжения реформ в России за все это время во власти не было.

Потом появился Степашин. Казалось, что как силовой министр он что-то сможет сделать, но он стал играть со всеми. Ельцин понимал прекрасно, что тот премьер-министр, который на время выборов останется премьер-министром, тот человек, который останется в кресле премьер-министра, – и станет президентом. Степашин – человек либеральных взглядов, но Степашин не проявил той воли и той смелости, которую проявил Путин. Путин многим рисковал, вступая в очень жесткую борьбу против Примакова и Лужкова, а они казались безусловными лидерами в этой гонке. А вот Степашин, напротив, испугался, стал бегать между Кремлем, Примаковым – Лужковым и другими политическими силами, в отличие от Путина, который занял очень жесткую позицию, и это одна из причин того, почему он добился победы.

Я не прилагал усилий к тому, чтобы он стал премьером. Но в обсуждениях с людьми, с которыми я давно знаком, – с Волошиным, с Юмашевым – я говорил о своих соображениях, о критериях, т. е. что нужна воля и нужно абсолютно точное понимание, что человек будет продолжать то, что было начато, а не пытаться все ошибки, которые есть, привести к общему знаменателю и сказать, что все неверно. В целом-то верно. Ошибок много, но Путин – реформатор, сто процентов. Он, конечно, человек ближе к реалиям, чем предыдущее поколение, просто в силу своей молодости. Я считал очень важным, чтобы в России пришел президент нового поколения. Не эти геронтократы, динозавры типа Евгения Максимовича, а молодые люди. И в этом смысле Путин в лучшую сторону отличался от другого выбора.

Задачи, которые решал Ельцин, и задачи, которые должен решать Путин, кардинально

различны. Одно является следствием другого, но задачи совершенно разные. Ельцин решал историческую задачу и решил ее: заменил одно политическое и экономическое устройство государства на другое, потому что было понятно, что старое неэффективно в XX веке. Он просто-напросто обладал исторической интуицией, не являясь стратегом вообще. Чечня – лучшая демонстрация. Ну, какой стратег мог влипнуть в такое! Или масса других ошибок. У Путина совершенно другая задача: быть стратегом. Путин должен выработать стратегию эволюции России. Революция закончена, точка поставлена, а теперь будет долгий эволюционный процесс. Для этого нужна стратегия. Является ли Путин стратегом, покажет время.

Я считал, что у Путина есть два качества, которые позволяют ему стать лидером в России. Это то, что он понимал и пытался реализовывать либеральные ценности в России. И второе – то, что он человек волевой. Путин проявил себя, когда он руководил ФСБ. Ведь тогда уже было реальное противостояние между ним и Примаковым. Тот добивался у Ельцина отставки Путина с поста ФСБ. И уже тогда в администрации президента обратили на него внимание как на человека, который никуда не рвется, но держит твердо позицию. Путин никак не обозначал себя, он сам не пытался вырвать эту власть. Он просто принял предложение, которое ему сделал Ельцин.

Есть некоторые критерии, очень важные, что отличают Путина, например, от Примакова, от Лужкова: это то, как Путин относился к СМИ, которые далеко не всё одобряли из того, что он делает. Никак! Это и есть единственно правильное отношение к СМИ политиков в демократическом государстве. Путин по своему характеру «пофигист». Это и хорошо, и плохо. Хорошо в том смысле, что он самостоятельный и не будет покупаться на обстоятельства. А плохо, потому что возникает вопрос: а будет ли он чувствовать ответственность? Но последние события показывают, что там, где у него возникают обязательства, как он их понимает, он чувствует свою ответственность. Чечня – яркий пример, хотя я во многом не согласен с тем, что он делает в Чечне.

Есть заявление Путина абсолютно важное. Путин сказал, что он не будет заниматься переделом собственности. Это тоже признак либерального взгляда, особенно в сегодняшней России, потому что очень многие недовольны тем, как произошел передел собственности. И тем не менее Путин совершенно правильно понимает, что любой передел – это кровь. Я уверен, что это именно так, что он привлекает своим заявлением всех олигархов. Не люблю этот термин, хотя он широко используется. Но что важнее, Путин привлекает не только олигархов, но всех, кому есть что терять. Путин – это и есть тот человек, который должен быть поддержан обществом, в том числе и олигархами.

Но я возвращаюсь к проекту «Путин». Все принципиальные решения в период правления президента Ельцина принимал он сам. Его личными решениями было подавить путч 1993 года, приватизировать большинство принадлежащих государству компаний, начать войну в Чечне и так далее. Ельцин – человек, который очень хорошо понимал свое место, свою роль. Он не боялся ответственности. Другое дело, что у него была масса советчиков. Идея сделать наследником Ельцина Владимира Путина родилась, я думаю, у Юмашева. Но Ельцин не воспринял бы это предложение ни от кого, кроме того, кто должен был ему это сказать. Предлагал ему Волошин.

Одним из тех, кто рекомендовал ему Путина в качестве преемника, был я. Многим в ближайшем окружении Ельцина это показалось невозможным: в течение нескольких месяцев сделать из никому не известного человека президента. Те, кто сегодня славят Путина, говорили мне: «Кто? Путин?! Кто это такой? Да никогда он не станет

президентом!..» Но я уже тогда хорошо понял некоторые законы российской политической власти и особенности национального менталитета.

Мне было совершенно ясно, что следующим президентом России станет премьер-министр. Так уж устроено наше верноподданническое сознание. Вот был Черномырдин. Ельцин под давлением своего окружения решил его поменять на Кириенко. Я не был «автором» Кириенко. Я считал, что Кириенко – это ошибка. Но я соглашался: действительно, нужен новый премьер. Так появился Кириенко. И что произошло? Никому не известный Кириенко получает рейтинг «номер один». Со всех точек зрения парадокс. Нелюбимый, даже ненавидимый Ельцин посадил премьера, и все сказали: «О, какой классный!»

Власть в России значит всё, кресло значит всё. Убрал Ельцин Кириенко, посадил Примакова, более известного человека, но с рейтингом «один процент». За два месяца немислимый взлет, громадный рейтинг: «Отец родной, и другого не хотим». Опять посадил всё тот же самый нелюбимый и ненавидимый.

Убрал Примакова, посадил Степашина. Не очень известного человека, слабого. И снова рейтинг невероятный. Убрал Степашина, посадил Путина – та же самая история. Поэтому для меня было очевидно – кто станет премьером, тот будет президентом.

Однако было потеряно много времени. Борис Николаевич любил только исторические победы. Одерживал их, а потом засыпал. Вот и теперь, накануне выборов, Борис Николаевич все еще не проснулся, хотя над ним уже нависал импичмент. В его окружении царила растерянность, а тут еще возникла мощная конкурирующая сила. Лужков – Примаков прибавляли с каждым днем силу, уже имели организационную структуру, уже проводили селекторные совещания по стране. Я понимал – чтобы достичь результата, нужно немедленно создавать новую структуру, окол властную. Не важно, как она называется. Самое главное, чтобы никакой идеологии. Никого она сейчас не волнует. Только лица, только воля. Чтобы все видели – появилась воля. Мне возражали, сказали, что это невозможно. Это был август 1999 года. И был лишь один человек, не хочу называть его фамилию, он был не во власти, который сказал: «Хорошо, вот вы все говорите «нет», но если мы ничего не предлагаем взамен, а он ничего не просит, дайте «добро» на создание такой структуры». Я же просил только одного – чтобы во власть пришел человек, который мог решить проблему технологически, просил, чтобы Игоря Шабдурасулова назначили заместителем Волошина. Страшное было сопротивление, и со стороны Волошина. Волошин абсолютно государственный человек. Он действует исключительно в соответствии со своим статусом и со своими функциональными обязанностями. Ни разу с того момента, как он стал работать в Кремле, никакие вопросы со мной по своей инициативе он не обсуждал. Я проявлял инициативу со своей стороны, в частности в вопросах, касающихся Чечни. Вопросы государственного устройства мы с ним не обсуждали.

Моя идея создать окол властную структуру была лишь демонстрацией силы. Не сама сила, а ее демонстрация. Народ же оказался еще слабее и принял демонстрацию за самую силу. Сразу же вышло заявление тридцати шести губернаторов, которые сказали: «Да, да, мы хотим альтернативу, хотим новизну!» Что-то еще невнятное. Многие подписали это заявление, даже не понимая, что подписывают. А потом опять стали клясться в преданности Лужкову и Примакову. Но уже было поздно, уже был запущен механизм. Был дан сигнал обществу, что власть проснулась, «царь проснулся» и теперь будет снова дубиной размахивать.

Дальше все было элементарно просто. Губернаторы получили выбор: половина к Лужкову и Примакову, половина сюда, в Кремль. После выборов в Думу все, как бешеные, бросились отчитываться, что, дескать, с самого начала были верны Кремлю. А на выборах президента уже почти поголовно мчались и рапортовали: «Мы, Владимир Владимирович, уже в первом туре вам обеспечили победу». Но это уже другая история, неинтересная с точки зрения политтехнологии.

Путин сегодня реальный политик, поэтому нужно вообще очень аккуратно относиться к тем словам, которые произносятся. Как нормальный политик, он действует прагматично. Он сказал, что олигархи должны быть дистанцированы от власти ровно так же, как все остальные. Нормально, правильно абсолютно. Только нереализуемо. А слова правильные – для избирателя. Вопрос совершенно другой. У нас нет политических институтов, гарантирующих невозможность возврата к диктатуре. Мои близкие задавали мне вопрос: «Борис, не боишься, что, придя к власти, Путин первым замочит именно тебя?» Честно отвечаю: страха нет, но допускаю, что все так и произойдет. Если Путин сочтет, что с его президентской точки зрения целесообразно посадить Березовского на нары, он непременно это сделает. А почему нет? Путин, став президентом, не имеет права на эмоции, и если он сочтет, что ему выгодно меня посадить, – он посадит. Он посадит – лично он. А он лично – потому что не существует никаких инструментов, ограничивающих любого гражданина от произвола власти. Если ему покажется выгодным меня посадить, если ему покажется это рациональным, если он нормальный политик, он должен посадить. Обязан. Я думаю, что он будет испытывать какие-то личные чувства, но я не думаю, что это его остановит. Путин говорил: «Ты же сам меня просил быть президентом».

Мы периодически виделись, не более того. Иногда созванивались. Раз в месяц. Инициатор встреч всегда был я. Он никогда не отказывал в разговоре. Поскольку я уже на себе испытал, что значат попытки изжить меня из России, то могу с полной определенностью сказать, при ком точно я здесь жить бы не смог, вернее, кто бы со мной здесь жить не смог, кто бы меня не потерпел. Ну среди политических лидеров это Зюганов, это Примаков, с высочайшей вероятностью – Лужков. А вот все остальные, я думаю, не пытались бы меня вытеснить из России, не пытались бы меня посадить по политическим соображениям. Путин – это тот человек, при котором я не просто мог бы жить в России, но еще и быть полезным. Помощь, если она, с точки зрения Путина, будет целесообразна, я, безусловно, ему окажу. Мне быть полезным доставляет удовольствие. Это возможность самореализовываться.

Если бы сегодня проходили выборы и если бы Путин был среди кандидатов – я поддерживал бы по-прежнему Путина. Я и сегодня считаю, что Путин несравним с Примаковым, несравним с Лужковым, несравним с Зюгановым и даже с Явлинским.

Пакет законопроектов

Ксожалению, почти все мы большую часть своей жизни прожили в условиях тоталитарного режима. Самое губительное последствие этого – порождение у людей рабской психологии. Рабство – это когда ты думаешь, что о тебе постоянно кто-то должен заботиться: помещик, вождь народа, генеральный секретарь, президент – это не важно. Но за последние годы миллионы людей в силу новых, иногда жестоких и трагических

обстоятельств научились не надеяться ни на чью помощь, не рассчитывать на милость начальника или государства. Произошло изменение менталитета огромной массы людей.

Путин за это короткое время совершил три стратегические ошибки. Первая – это Чечня. Влезли в долгую кровопролитную борьбу с неизвестным результатом. Я говорил об этом с президентом. Переговоры надо вести не с лояльными чеченцами – что с ними договаривать? Они лояльны. А с наиболее агрессивными чеченцами. Вторая ошибка – взаимоотношения с элитами. Третья ошибка, и самая главная, даже важнее, чем Чечня, – пакет законопроектов.

Я был против создания семи федеральных округов, против разрушения Совета Федерации. Я узнал об этих законопроектах из СМИ. Моя реакция была незамедлительна: я заявил, что это – разрушение России, потому что создается семь потенциально независимых государств. У Кремля нет никакой власти противостоять этому. Принятие этих законов наносит разрушительный удар по изменившемуся сознанию миллионов людей – самому главному достижению последних лет. У нас был долгий разговор, и я сказал, что встану в открытую оппозицию.

У меня нет сомнений в том, что действия президента были продиктованы абсолютно искренними намерениями создать сильное государство, в котором люди чувствовали бы себя комфортно и жили в достатке. Вопрос в том, чем могут обернуться эти его благородные намерения. То, что я увидел в указе президента, в законопроектах, о которых идет речь, заставило меня усомниться в том, что Путин был готов твердо следовать демократическим принципам. Но тогда президент должен был открыто объяснить обществу: то, что происходит сейчас, – это лишь некий промежуточный этап на пути к демократии. Я не увидел достаточных аргументов для столь принципиальных изменений государственного устройства России.

Главный вопрос, который стоит перед властью, перед обществом, не то, в каком направлении пойдет Россия, а то, каким путем. Один вариант – это создавать в России авторитарную власть и либерализовать экономику. Мне кажется, это эклектика: нельзя совмещать либерализованную экономику с авторитарной политической системой, рано или поздно это взорвется. И многовековой опыт развития Европы и США показывает, что наиболее эффективной оказывается система, когда координируется либеральное политическое и либеральное экономическое развитие.

С разрушением Совета Федерации в России по горизонтали будет только одна ветвь власти – исполнительная, потому что Дума не является законодательной властью. Она послушно исполняет то, что предлагает исполнительная власть. А то, что предлагает Путин как законопроекты, разрушает принцип разделения властей по вертикали. То есть создается новая вертикаль авторитарной власти. Таким образом, и горизонталь власти, и вертикаль узурпируются в одних руках. Путин или не Путин, хороший президент или плохой, уже абсолютно не будет иметь никакого значения. Создан жесткий тоталитарный, противоречащий интересам народа режим.

Пакет законопроектов, который Путин предложил, и указ президента о создании семи федеральных округов в корне меняли структуру Российского государства и систему власти в России. Совершенно очевидно, что такой вопрос, вопрос о переустройстве государства, вопрос об изменении системы власти в России, не должен был решаться в спешке. Так решать вопрос о переустройстве Российского государства недопустимо, тем более что указ президента о создании семи федеральных округов и закон о разгоне Совета Федерации – это нарушение Конституции России.

Перед государством стоит одна-единственная проблема: сделать людей самостоятельными. Все указы, все законы, которые предложил Путин, направлены на то, чтобы людей опять поработать. Дали небольшую свободу – опять будем нагибать. Нужно укреплять государственную власть, федеральную. Но не путем создания новых законов, а путем исполнения тех законов, которые уже есть. Они вполне достаточны для того, чтобы губернаторы не нарушали федеральные законы, чтобы законодательные собрания республик или регионов не издавали законы, противоречащие федеральным. Все это прописано, не нужно ничего придумывать.

На самом деле Путин демонстрировал слабость – слабость, что он не в состоянии реализовать исполнение тех законов, которые уже существуют. Он боялся, что через месяц он уже не смог бы провести эти законы, он не верил, что Россия готова стать либеральной, свободной страной, что люди готовы сами взять на себя ответственность за свою жизнь. Он считал, что о людях по-прежнему должен заботиться президент или другие начальники. В то же время он говорил: «Я верю в необходимость того, чтобы Россия стала демократической. Но мы должны ее туда затолкать».

Я хочу, чтобы наш президент, чтобы люди, которые его окружают, открыли свое лицо. Отсюда некоторые мои кажущиеся импульсивными действия. Я действительно веду себя вызывающе. И я делаю это совершенно сознательно, хочу, чтобы власть как можно быстрее открыла свое лицо не только для меня.

После трагедии с «Курском» моя позиция вызвала бешенство президента. Это была поворотная точка в наших с ним взаимоотношениях. Не забуду мой последний разговор с Путиным в Кремле. Он тогда открыто высказал мне претензии по поводу того, как Первый канал освещал трагедию подлодки «Курск», сказал, что действия ОРТ – это подлость по отношению к нему. Как пример приводился сюжет с выступлениями женщин, родственниц погибших моряков, просивших продолжать спасательные работы. Один из помощников президента мне тогда сказал, что это *censored*тки: «Вы сняли купленных *censored*ток для того, чтобы дискредитировать президента».

Путин прямо заявил: «Хочу сам управлять ОРТ». Хочешь – управляй. После разговора, бледный и торжественный, Путин вышел из кабинета, в котором остались мы с главой президентской администрации Волошиным. Я сказал: «Ну что, Александр Стальевич, черных полковников привели к власти?» Волошин ответил: «Нет, я так не думаю...» Ошибся Александр Стальевич...

Руцкой одним из первых откликнулся на эту трагедию и полетел в Видяево. Путин был просто взбешен этим его шагом, сказал, что абсолютно его не устраивает, что делает Руцкой, что он типа вперед бабки в пекло... Поэтому он Руцкого уничтожил. Меня вообще удивила ярость, с которой президент это говорил, и самое главное – повод. Руцкой действовал чисто по-человечески. Ведь подводная лодка «Курск» находится на попечении Курской области. Тут Руцкой действовал и как генерал, и как человек абсолютно правильно. В отличие от президента, кстати, который не действовал ни как главнокомандующий, ни как человек.

Говорят, что у Ельцина было слишком много власти. Но Путин берет себе еще больше. Он не способен ею пользоваться, потому что рычаги власти должны быть диверсифицированы, распределены. Надо дать больше свободы регионам. Нужно не разрушать, не централизовать власть, а усиливать суды, следить за тем, чтобы работали существующие законы.

Я не сомневаюсь в том, что Путин хочет жить в демократической стране, видеть Россию сильной и ее граждан процветающими. Но выбранный им маршрут для достижения этих целей абсолютно ошибочен. Россия будет продолжать свой медленный распад, жизнь людей ухудшится, их свободы будут абсолютно незащищены. Примеры таких конструкций в мире известны – Португалия, Испания, Чили. Это, безусловно, рыночная экономика, но она неэффективна. Известно, что и Португалия, и Испания входили в число беднейших стран в Европе, хотя экономика у них была такого же типа, как, скажем, в Германии. И понятно, почему они были такими бедными – потому что их рынки монополизировались государственными чиновниками или теми, кто имел доступ к чиновникам. Такая экономика менее эффективна, чем открытая, рыночная.

Что необходимо делать в данных условиях? Есть два параллельных пути. Во-первых, попытаться убедить президента в том, что он совершает ошибку. Те, кто считает себя ответственными политиками в России, должны открыто и честно заявить о своей точке зрения. В России это сделать достаточно сложно, потому что каждый, кто в последние десять лет жил активной жизнью, – особенно предприниматели и политики – рискуют, что против них будут заведены уголовные дела. В точно такой же ситуации находятся и те, кто сидит в Кремле. Если люди в Кремле думают, что они могут завести против кого-то уголовные дела и остаться в стороне, они глубоко ошибаются. Всякого, кто не проспал последние десять лет, можно посадить за решетку. Поэтому очень важно объяснить президенту и его окружению – без страха, – что он находится на ложном пути.

Необходимо создать некоторые ограничения политической власти. Ситуацию, образовавшуюся в ходе парламентских выборов 1999 года, в то время описывали как столкновение двух основных сил: команды Лужкова и Примакова и команды Кремля. Коммунисты уже в счет не шли. Победитель получал огромную степень политической свободы. Если бы победили Лужков и Примаков, большинство в Думе получило бы «Отечество – Вся Россия», а не «Единство». К сожалению, Путин делает все то же самое, что делал бы Лужков, окажись он в Кремле, или Примаков. Я просто думаю, что они делали бы это грамотнее, потому что они – искушенные политики. Но их цели отличались бы от целей Путина.

Я хочу повторить, что Путин имеет в виду демократические задачи, он думает о демократии в России. К сожалению, ему просто не хватает политического опыта, и без этого образования он не может понять, как достичь своих целей. Он считает, что можно построить демократию авторитарными средствами. Я тоже когда-то говорил, что мы хотим демократии, но в данный момент переживаем такой период, когда невозможно добиться демократии демократическими методами. К сожалению, то, что происходит сейчас, доказывает, что это – ошибка, от которой я сам пострадал. Как только ты отступаешь от демократических принципов при переходе к демократии, ты разрушаешь демократию. Огромное политическое пространство, которым в данный момент обладает режим, должно быть ограничено.

Вторая задача сегодня – помимо открытого объяснения президенту и его окружению, что происходящее сейчас является губительным для России, – состоит в создании нормальной, конструктивной оппозиции. Режим уже создал предпосылки для этого. Он оказал настолько сильное давление на элиты и общество в целом, что даже те, кто раньше был на ножах, сейчас объединяются вокруг общего дела. По сути, Путин объединил вокруг идеи не помогать ему, а препятствовать в первую очередь людям из политической и деловой элиты, крупного бизнеса, крупных предпринимателей. Возможно, крупный

бизнес не пойдет в первые ряды, но он поставит своих представителей.

При Ельцине существовала такая оппозиция: коммунисты. Они были плохой, неконструктивной оппозицией. Неконструктивная оппозиция пытается разрушить государственную власть, но лучше такая оппозиция, чем совсем никакой. Власть разрушает, абсолютная власть – разрушает абсолютно. Так вот, отсутствие оппозиции абсолютно разрушает власть. Можно просто трансформировать тот же тезис: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно, и мы видим, как в России возрождается авторитарное, а по существу, тоталитарное государство. Власть аморальна. Абсолютная власть аморальна абсолютно. Но для реальной помощи власти, власти не как института подавления своих граждан, а как института, помогающего управлять, отслеживающего интересы общества, необходимо существование двух сил, которые попеременно сменяют друг друга. И поэтому создание в России оппозиции, конструктивной оппозиции – абсолютная потребность политического момента. Суть оппозиции – принципиальная оппозиция власти вообще. Задача тех, кто хочет видеть Россию нормальной страной, не дать власти безграничных пределов, т. е. ограничить власть.

Глубочайшее заблуждение считать, что оппозиционность противоречит либерализму. Наоборот, она предполагает возможность высказывать любое мнение. А это основа демократического государства. Народ же, к величайшему сожалению, политически еще очень безответствен. Не сформировалось точного понимания, что та или иная политическая идеология может приносить ему те или иные выгоды. А то, что выбор народа не определяет политику, было ясно еще в 1996 году, когда народ в основном поддерживал коммунистов, а проголосовал за Ельцина. В 1999 году народ поддерживал Примакова и Лужкова, а проголосовал за Путина, которого еще никто не знал. Поэтому то, что народ сегодня поддерживает Путина, абсолютно ничего не значит и не говорит о силе власти.

Места для легальной оппозиции не бывает только тогда, когда воцаряется тоталитарный режим. Я не считаю, что в России это уже произошло. Власть идет к построению тоталитарного общества, но еще не выстроена та ее вертикаль, о которой мечтает Путин. Не выстроена полностью и «вертикаль» средств массовой информации, а самое главное – «вертикаль» контроля над бизнесом. Пока Путин не поставил под контроль финансовые потоки или назначение и снятие любого олигарха, наше государство нельзя назвать тоталитарным.

Я тут посмотрел сериал «Бригада», который мне понравился куда больше «Олигарха»: гораздо более точный анализ психологии переходной эпохи. Так вот, в «Бригаде» меня поразило сходство ментальных векторов «братвы» и олигархов. Безруков говорит в полемике с кем-то из представителей власти: «Мы и есть государство!» Он, по сути, повторяет то, что говорили в 1990-х олигархи! То же самое желание быть независимым и самому отвечать за то, какой будет моя страна. Мне кажется, успех «Бригады» и подобных «бандитских» фильмов как раз и объясняется желанием публики посмотреть на свободных по-настоящему людей, которые раз и навсегда сказали: «Мы теперь сами!»

Разница между олигархами и «братками» та же, что между людьми свободными, имеющими систему внутренних ограничений, и вольными, этой системы не имеющими. Поэтому «браткам» предстоит пройти долгий путь, чтобы стать не только независимыми, но и свободными. Главное – дать возможность все большему числу людей обрести независимость, а затем и свободу, создать им условия для самореализации. Это то, что

делал Ельцин. Мы почти завершали этот тяжелейший путь в конце 1990-х годов, но он был прерван приходом к власти Путина. Теперь нам предстоит еще одна если не революция, то квазиреволюция – чтобы вернуться в нормальное русло развития.

Чечня – составная часть России

Должен сказать, что вложения в политическую стабилизацию – самые выгодные. У меня был личный интерес предпринимателя, заинтересованного в том, например, чтобы российские ценные бумаги на бирже не падали в цене. Ведь дестабилизация обстановки в Чечне, а значит, и в России снижала стоимость акций российских компаний, в том числе и тех, к созданию которых я имел отношение. Поэтому интересы государства всегда совпадают с интересами большого бизнеса, если речь идет о нормальном государстве.

Россия пережила революцию 1990-х годов, и требовалось кардинальное изменение государственного устройства, чтобы она могла существовать как демократическая либеральная страна. Именно такое устройство страны прописано было в ее Конституции. Это вступило в жесткое противоречие с желанием национальных республик, желанием регионов получить бóльшую самостоятельность. В свое время Ельцин эту проблему решил абсолютно правильно, сформулировав тезис: «Возьмите суверенитета столько, сколько сможете переварить». Очень важно, что не «съесть», а «переварить». Съесть можно много, но можно это не переварить. И действительно, президент Ельцин понимал, что нужно передавать функции из центра в регионы, в республики. Более того, Ельцин проверил это на своем собственном печальном опыте в Чечне.

Я не нахожу, что Чечня – это регион с таким огромным запасом финансовых возможностей, что там столкнулись чьи-то финансовые интересы. Основной интерес, который там есть, – это интерес спецслужб и некоторых групп военных, для которых война стала просто уже образом жизни, в том числе и бизнесом. Войну очень легко начать и очень сложно закончить. И здесь я согласен с Ахмедом Закаевым, который однажды сказал: «Прерогатива начинать войну в Чечне и заканчивать войну в Чечне всегда принадлежала России». Поэтому дело, конечно, не в чеченцах, а в руководстве России, погрязшем в этой войне и думающем, что из войны будут дивиденды. Я же считаю, что эта война разваливает Россию.

Чечня взялась не вчера и не десять лет назад. Проблема Кавказа для России многовековая. Так что и здесь огромный опыт накоплен. Выводов много из этого опыта, но один – очевидный: ничего силой решить нельзя. Чеченцы среди остальных народов, населяющих Россию, имеют наиболее резкий национальный характер, и в силу этих специфически чеченских особенностей они были первыми, кто сдетонировал взрыв. Когда я, будучи заместителем секретаря Совета безопасности, вел переговоры с чеченцами, я заявлял: «Мы исходим из положения, что Чечня – составная часть России. Вы же считаете, что она уже не в России. Давайте думать, чего мы достигнем в рамках этих двух, казалось бы, исключаящих друг друга представлений». Оказалось, что можно было достигнуть многого. Нужно было погасить этот конкретный конфликт, чтобы затем приступить к решению более общих, связанных с дезинтеграцией проблем. Ибо я по-прежнему считаю, что постсоветские территории могут быть объединены в единое экономическое и оборонное пространство.

Мне представлялось, что Чечня – черная дыра, угрожающая России, ставящая под

сомнение ее целостность. И занимался я ею под руководством Ивана Петровича Рыбкина абсолютно рационально. И было это потрясающе интересно, поскольку впервые я понял, что политика – это не грязное дело, а ровно наоборот – сверхчистое. Почему мы лжем в жизни, и в политике в том числе? Потому что у нас не хватает аргументов обосновать свою позицию. Лжет слабый. С чеченцами я ни в чем не лукавил, не было двойного стандарта. Поэтому работа мне доставила потрясающее удовлетворение. Очень важно было, чтобы в Чечне ситуация стабилизировалась настолько, чтобы можно было через российскую территорию транзитом пропускать каспийскую нефть. И эта тяжелейшая задача, которая казалась невыполнимой, была в общем решена.

Я хотел бы коснуться Хасавюртовского договора, против которого в то время я возражал категорически. После подписания я пришел к Лебедю и предъявил ему аргументы, почему этого не следовало делать. Лебедь же не стал предъявлять ответные аргументы, а просто сказал мне: «Ты там не был, а я там был».

Когда я стал замсекретаря Совета безопасности, поначалу задумал ревизию Хасавюрта. Но, когда я глубже вник в проблему, когда обнаружил, что у нас нет сил управлять этой ситуацией, когда я полгода просидел в Чечне, встречаясь с этими людьми, то после долгого анализа понял, что Лебедь был прав. Мы должны были отступить, чтобы собраться с силами и на новом этапе по-новому решать проблему.

К сожалению, политические достижения этой «передышки» не были подкреплены экономическими мерами. Правительство не пошло на восстановление экономики Чечни, чтобы, контролируя экономику, контролировать и Чечню. И через эту контролируемую экономику вернуть Чечню в Россию. Ибо экономические узы сегодня – самое сильное, что связывает между собой страны и народы. Для стабильной ситуации в Чечне нужно было приблизительно 300–400 миллионов долларов в год. Сегодня мы реально расходуем около миллиарда. Столько стоят все эти границы, защита окружающих территорий. Так, может быть, лучше перераспределить эти деньги в пользу мира, а не постоянно тлеющей войны?

Моя точка зрения с 1996 года не изменилась: Чечня должна быть в составе Российской Федерации. Россия просто должна изменить государственное устройство, которое не соответствует либеральной, демократической стране. Если не Чечня, то завтра будет Башкортостан, Татарстан или Ингушетия... Государство устроено неправильно, и оно разваливается, как в свое время Советский Союз, – это надо понять. Чечня должна оставаться в составе Российской Федерации в рамках простых и широких ограничений: единое экономическое и оборонное пространство. Сами чеченцы с этим согласны, и так надо с ними выстраивать отношения. Нельзя воевать против народа. Ведь, по существу, в Чечне происходит реальная гражданская война, которая расползается, распространяется на другие регионы России.

Россия потерпела поражение во второй чеченской войне. Сегодня европейское сообщество отделило террористов в Чечне от сепаратистов – это следствие абсолютно глупой, непродуманной политики, которую проводит российское руководство. С самого начала было очевидно, что исток конфликта в Чечне – это попытка чеченцев получить свою независимость. Но если Россия примет позицию, что Чечня независима, – это будет первый шаг к распаду России. Я считаю недопустимым отделение Чечни от России. Эту позицию я всегда заявлял открыто – и во время переговоров с чеченцами, и после того, как, по существу, мирный процесс был сорван и началась акция в Дагестане.

Дагестанское вторжение является операцией, реализовавшей замысел российских спецслужб. Я твердо знаю, что Масхадов был против этого похода, но Басаев и Хаттаб не

контролировались Масхадовым и действовали самостоятельно.

Я не слагаю вину с чеченского руководства. Оно несет полную ответственность за эту военную операцию. Но в неменьшей степени за нее несет ответственность и руководство России, которое спровоцировало это в Дагестане. Таково мое мнение, основанное на фактах.

Я узнал об этом от Удугова. В 1999 году он приехал и сообщил, что в Дагестане осенью произойдут серьезные события. После моих прямых вопросов мне достаточно недвусмысленно объяснили, что предполагается вторжение Басаева. Я абсолютно четко сформулировал свою позицию. Я сказал Удугову, что это самоубийство для чеченцев. Если начнется война в Дагестане, это будет поражение и для чеченцев, и для России, потому что остановиться будет невозможно.

Премьер-министром только-только стал Степашин. Я тут же связался со Степашиным, поехал к нему и рассказал об этом плане. Тогда я не отреагировал на то, с каким спокойствием Степашин это воспринял. Он мне сказал: «Не волнуйся, мы всё знаем, всё контролируется». И это при том, что в течение двух лет в Буйнакске, в Чабанмахи ваххабиты рыли окопы, создавали опорные пункты. Как об этом могла не знать ФСБ? Уже позже я пришел к выводу, что все это было одной большой провокацией. И интервенция Басаева, и война в Дагестане, и взрывы.

Как оценивать действия ФСБ? Конечно, русское самосознание было поражено в Чечне в первую войну. Есть два способа преодолеть это поражение. Либо ждать, когда народятся два новых поколения и травма зарубцуется, либо реванш. Другого человечество не придумало. Мы знаем историю современной Германии, знаем, что понадобилось два поколения, чтобы немцы освободились от комплекса пораженцев. Они с этим справились. Россия пошла другим путем. Она решила не ждать. Решила взять реванш. Была устроена эта провокация. Но даже после начала войны еще оставался шанс локализовать ее трагические последствия.

У меня был на эту тему серьезнейший разговор с Путиным. Мы дошли до Терека в конце 1999 года. Я никогда не прекращал встреч с чеченцами, в том числе с теми, кого в России называют «боевики». Я не прекращал связи и с теми, кто был легитимен с точки зрения российского законодательства. Это Масхадов, это Закаев, еще целый ряд людей. В тот момент, когда мы вышли на Терек, они были готовы к миру на наших условиях. Я сказал: «Путин, послушай, победа – это не флаг над Грозным. Победа – это уже преодоленный на сегодняшний день русскими «комплекс пораженцев», это ощущение чеченцев, что они проиграли. Теперь давай заключать мир. Без штурма Грозного». Но, видимо, что-то сидит внутри Путина очень ограниченное и злобное. Вот эта мелочность, тщеславие, непонимание, что за это тщеславие придется расплачиваться тысячами и тысячами конкретных жизней.

Может быть, Путин не остановил чеченскую войну потому, что мечтал принять в покоренном Грозном «парад победы». Это полковничий комплекс неполноценности, не преодоленный в период президентства. Такими действиями президент перешел все грани дозволенного, т. е. он не перешел одну грань – не отдавал приказа убивать конкретного человека, но обязательно будет вынужден этот приказ отдать.

Сегодня президент с огромным для себя трудом осознал необходимость ведения политического диалога. Одни называли это «ультиматумом». Другие называли «сдачей позиций», «вторым Хасавюртом». Но суть не в этом. Суть в том, что президентом было принято решение, единственно возможное решение. И одновременно это решение

высветило ошибочность предыдущих шагов президента. Ошибочность его заявления о каких-то «зайцах», которые бегают по холмам и не знают, куда спрятаться, ошибочность его заявления, что нужно «мочить в сортире». Это не сработало. А сработало только то, что и могло сработать, потому что только что был печальный опыт предыдущего президента, который публично покаялся за то, что стал виновником гибели тысяч людей: и гражданских, и военных.

Путин только начал этот путь. Президент принял такое решение не потому, что он сам ментально согласился с неправильностью своей предыдущей точки зрения, а потому, что он понял, что военные вводили его в заблуждение. Они не обладают никакой силой в Чечне. Они абсолютно не в состоянии сломать ту часть чеченского народа, которая приняла однозначное решение пойти до конца. Из всех поражений, которые потерпела Россия, самое значимое – это поражение в Чечне и в целом на Кавказе. И не существует никакой возможности военным способом переломить эту ситуацию.

Эти глупые людишки из ФСБ

Среди тех, кто меня невлюбил, была особая каста, которая называется КГБ. Менталитет у этих спецслужб генетически бандитский. Государство, которое существовало прежде (Советский Союз), в своей основе было криминальным государством. Люди, которые служили в КГБ, в других спецслужбах, они ни на секунду не задумывались, что совершают противоправные действия. Они считали, что их действия совершенно законны, поскольку освящены государством. Этот бандитизм спецслужбы осуществляли от имени государства, сажали невинных, убивали невинных от имени государства.

Когда эта государственная крыша исчезла, они стали свой бандитский менталитет реализовывать по-другому, сбившись в какие-то группы, либо самостоятельные, либо поддерживая вполне гражданских бандитов. Мощная «крыша» государства проломилась, но люди остались работать прежние. Менталитет остался прежний: можно безвинного человека посадить, можно безвинного человека осудить. Этот менталитет никуда не исчез. Только исчез сдерживающий фактор, которым являлось государство и коммунистическая партия.

Самыми крупными мафиози, самыми крупными преступными группировками стали сами спецслужбы. Тут никаких сомнений нет. Или же они были включены в обслуживание преступных интересов тех или иных группировок. Это тоже совершенно очевидно. Они остались как бы сами по себе, на вольных хлебах, с прежним бандитским менталитетом. И эти люди конечно же подталкивают Путина к более решительным шагам и представляют для него большую опасность, потому что я не думаю, что он сегодня готов на этот последний шаг. Они Путина рассматривают как промежуточное звено в окончательном построении государства черных не полковников, а черных генералов. Сегодня реально поднимает голову худшая часть российских спецслужб, которая устраивала слежки, гонения, провокации против всех граждан Советского Союза, против всех граждан России. Нужно навсегда разрушить эту бандитскую организацию, называемую КГБ, которая безнаказанно убивает под прикрытием государства.

Спецслужбы имеют большой опыт шельмования, поэтому, когда я ссылаюсь на то, что это работа спецслужб, мне говорят: «О, опять! Березовский совсем сошел с ума, везде спецслужбы». И тем не менее я утверждаю, что давление на меня через СМИ,

массированное давление, началось в 1996 году, когда после выборов Ельцина спецслужбы поняли, что их главные враги уже больше не реформаторы, а те люди, которых в России называют олигархами. То есть люди, у которых есть деньги и которые будут до конца отстаивать свои капиталы. И поскольку я был одним из немногих в то время олигархов и, может быть, самым политически ориентированным, то эта кампания в основном замкнулась на меня.

Хотя, если проанализировать СМИ, российские СМИ прежде всего, то кампания против меня началась с того момента, как я стал контролировать ОПТ. Это, конечно, вызвало огромные эмоции, настоящее бешенство у коммунистов, у спецслужб, потом у реформаторов. Но тем не менее все это стало носить качественно другой характер с конца 1996 года. Реперная точка – это публикация в журнале Forbes, которая, конечно, была сделана с подачи спецслужб. Я не имею в виду, что Forbes идет на поводу у спецслужб, но он выступил против меня с подачи спецслужб, конкретно Коржакова.

Начиная с 1996 года, когда при моем активном участии Коржаков и Бар*~~censored~~*в лишились своих постов, спецслужбы бросили на борьбу со мной колоссальный ресурс. Угрожают, но это на меня давно не действует. Тем более я хорошо знаю: если затевают что-то серьезное – никогда не предупреждают. Что со мной можно сделать? Убить? Пытались, но безуспешно. Остается либо еще раз попытаться, либо дискредитировать, что они и делают.

Я убежден, что Влада Листьева убрали спецслужбы из-за того, что я не подчинился им. А меня попытались обвинить в гибели Листьева. Одним выстрелом хотели поразить двоих. ФСБ придумывает, что я украл полстраны и что я убийца. Мой учитель академик Вадим Трапезников научил меня главному: уметь ждать. У Генпрокуратуры сдают нервы, и она бежит по всему миру: Англия, Швейцария, Франция, не говоря уже о суеде в России. Все уголовные дела против меня – фарс.

Мне кажется, люди в спецслужбах сделали мой психологический портрет, знают хорошо мои слабые стороны. И тем не менее профессионалы там, похоже, перевелись. Меня и в Англии эти глупые людишки из ФСБ не оставляют в покое, пишут «подметные письма» с угрозами, что меня убьют, обратные адреса оставляют с названиями кладбищ, дескать: «Борис Абрамович, зачем вам нужно все это? Вот кладбище здесь под Лондоном такое красивое, и последнее вам пре дупреждение, а иначе фильм покажем про то, как вы с мальчиками развлекаетесь». И подписи, естественно: «Иван Иванович», «Николай Николаевич». Моей семье угрожают. Такая гэбэшная система.

Я как раз вижу в Путине для себя лично наименьшую угрозу, потому что Путин – человек нерешительный. Путин – человек слабый. Сталин построил эффективное государство, хоть оно было менее эффективным, чем более прогрессивные государства с либеральным устройством. Но какой ценой? Ценой того, что он решил, что будет убивать людей и не будет бояться ставить свою подпись под тем, что он будет убивать людей. В многочисленных архивах стоит подпись «Иосиф Сталин». Бандит? Безусловно, бандит. На уровне государственного бандитизма. И тем не менее он сказал: «Да, я бандит, я буду так поступать». Поэтому и другие так смело стали бандитами, правда, поменьше. Они ставили спокойно подпись, потому что главный бандит поставил.

Путин слаб. Он ни за что не поставит свою подпись под тем, чтобы убить Березовского. Ни за что. А втихаря команду может дать. А тем людям, которым эта команда будет дана, всегда можно сказать: ну да, давал команду убить Березовского, но это была шутка. С

другой стороны, ну, убьют Березовского, что случится? Я занимаю определенную нишу. Занимаю ее, пока жив. Не буду жив, ее другой займет обязательно. Надо понимать, что моя деятельность – это не прихоть Березовского. Это порождено системой нынешней власти.

Путин не понял, что нельзя быть авторитарным наполовину. Либо не угрожай, либо выполняй угрозы. Иначе никто тебя бояться не будет. Вот сидит Березовский в Лондоне – живой. Все начинают спрашивать: почему? Как это может быть сильным режим, который не может уничтожить одного человека? Вместо того чтобы действовать, письма дурацкие мне шлет с угрозами.

Сегодня я считаю спецслужбы своим главным противником и врагом номер один либерального вектора развития России. Но, к сожалению, я пришел к этому выводу не сразу. Когда я это понял, было слишком поздно. У меня ни к кому нет претензий. Это мой путь, я сам его выбрал. У меня нет претензий к Путину, так же как нет претензий к ФСБ, которая тупо выполняет свою задачу, как они считают, разумную. Хотя признаюсь: и сегодня, если бы вновь повторилась альтернатива 1999 года – Примаков или Путин, я снова выбрал бы Путина.

У нас был небогатый выбор – у нас был выбор, по существу, между Примаковым и Путиным, между плохим и очень плохим. Выбор был ограничен. Впечатление у меня было, что мы выбирали между хорошим Путиным и плохим Примаковым, а оказалось, что мы выбирали между плохим Путиным и очень плохим Примаковым. И по сей день я считаю, что Путин – выбор лучше, чем Примаков. Конечно же Примаков делал бы то же самое, что и Путин, но делал бы это очень аккуратно. Он бы не делал этих диких, глупых, видимых всему миру нелепых шагов, которые делает Путин. Например, разрушение НТВ, захват НТВ. Примаков тоже бы подчинил себе НТВ – никаких сомнений в этом нет. Но это никогда не выглядело бы как вторжение. Это было бы сделано аккуратно скальпелем. А Путин показал: его инструмент дубина. И этим Примаков отличается от Путина или Путин отличается от Примакова.

Я допустил одну системную ошибку. Я считал, что главная сила, противостоящая реформам, – это коммунисты. А это – ФСБ, точнее, КГБ СССР. Эта организация осталась как братство духа, братство по преступлениям. КГБ был стеновым хребтом Советского государства, его составляли люди, которых учили совершать преступления и которым объясняли, что это не преступления. И эти люди никуда не исчезли. Да, КГБ распался на много конкурирующих групп, обслуживающих свои или чужие интересы. Но оказалось, что дезинтеграция была просто формой мимикрии.

В 1996 году, когда я попытался построить конструкцию, которая противостояла бы коммунистам, у меня зародилось сомнение. Это был первый звонок, который, к сожалению, не разбудил меня. Звонок прозвучал 17 марта 1996 года, совсем незадолго до президентских выборов, когда один из близких Ельцину людей разбудил меня рано утром и сказал, что Ельцин, находясь в Завидове, подписал три указа. Один указ о переносе выборов на два года, второй указ – о разгоне компартии, третий указ – о разгоне парламента.

Я был крайне удивлен. Я встретился с этим человеком буквально через час. Я прекрасно понимал, что это катастрофа, что 1993 год повторить в России невозможно. Это означало бы снос Ельцина или превращение его в нелегитимного президента. Я вместе с другими приложил массу усилий, чтобы этого не произошло. Сегодня известно, что главным человеком, переломившим ситуацию, был министр МВД Анатолий Куликов. Он сказал

Ельцину, что не сможет удержать народ. Он не гарантирует, что не будет крови на улицах. Не думаю, впрочем, что это был решающий довод для Ельцина.

У этой зловещей, антиконституционной конструкции были свои архитекторы. В ночь с 16 на 17 марта в Завидове они уговорили Ельцина подписать указы. Вот тогда, собственно, и началось противостояние команды, которую создали олигархи, команде силовой. Закончилось оно поражением силовиков. Чубайс тогда воскликнул: «Вбит последний гвоздь в гроб коммунизма». И вот тогда у меня зародилось сомнение: а правильная ли цель – борьба с Зюгановым? Отсюда ли исходит основная опасность? Что было бы, если бы победил Ельцин, но остались бы Коржаков и Бар*~~censored~~*в? Ельцин переставал бы быть легитимным, опирался бы только на спецслужбы, и они получили бы неограниченный контроль над ним. Дальнейшее развитие совершенно понятно. Но опять же я не придавал этому большого значения, потому что все закончилось успехом: коммунисты были повержены, Коржаков, Бар*~~censored~~*в отстранены.

Уже позднее я понял, что мы прошли буквально по лезвию. Коммунисты повержены в результате выборов. А Коржаков уже в результате административных действий Ельцина. И постепенно я понял, что основной противник реформ и вообще нормального развития России – это не коммунисты, а спецслужбы. Уже после того, как «партия была сделана» и избрали Путина, я стал задумываться над этой историей со взрывами домов. Я вдруг понял, что это была абсолютно такая же конструкция, но другого исполнения, какую пытались в свое время осуществить Коржаков и Бар*~~censored~~*в. Сегодня у нас есть неопровержимые материалы, которые свидетельствуют о том, что взрывы 1999-го производились российскими спецслужбами.

Спецслужбы реально провоцировали конфликт в Чечне и принимали участие в организации этой провокации. Я причисляю Путина к числу людей, которые доподлинно знали о терактах в сентябре 1999 года, а Патрушева – к тем, кто непосредственно их исполнял. И если кто-то считает, что это провокация с моей стороны, я готов встретиться с этими людьми в суде.

Я уверен в причастности российских спецслужб к взрывам зданий в Москве и Волгодонске. Уверен, поскольку то, что произошло в Рязани, – это точная модель того, что происходило в Москве и Волгодонске. Модель, которую не удалось реализовать. Единственное, что я не могу сделать, – это сказать, что Путин отдавал приказ по этим операциям, что Путин лично командовал этими операциями. Вот здесь ничего не могу сказать. У меня нет доказательств того, что Путин замешан в организации терактов. Но я задаюсь вопросом: чтобы организовать теракты в жилых домах, чтобы отдавать такие приказы, нужна воля. Если ФСБ организовала взрывы, кто из руководства мог принять решение?

В 1999 году наряду с официальным штабом действовал неофициальный «параллельный центр», использовавший иные технологии для приведения Путина к власти. Этот штаб действовал параллельно нам. Были люди, которые присутствовали одновременно в обоих штабах. Соединяли обе технологии. Другая технология, другая идея приведения к власти была схожа с той, которую пытались реализовать Коржаков и Бар*~~censored~~*в. Но в отличие от 1996 года, когда спецслужбы в лице Коржакова и Бар*~~censored~~*ва действовали явно и потерпели поражение, в 1999 году я не наблюдал спецслужбы как действующий фактор.

В 1999-м я не придавал тем взрывам политического значения. Мне в голову не могло прийти, что таким путем можно пробивать дорогу к власти. Если можно действовать

демократическими – пусть по российским меркам – способами, если есть Доренко, зачем же бомба? А вот потом, когда у меня появилось время все проанализировать, ознакомиться с некоторыми документами, я стал склоняться к выводу, что дело нечистое.

Расследование взрывов жилых домов доказало: провокацию организовали спецслужбы с одной целью – получить контроль над президентом. Что это была за команда – мне сказать трудно. Я ее не наблюдаю в открытом политическом пространстве. Но она продолжает существовать и действовать.

Знал ли Путин о существовании двух параллельных штабов? Внешне он вообще не присутствовал в выборах. Промолвил какие-то невнятные слова, что поддерживает «Единство». Потом промолвил еще невнятнее, что поддерживает СПС. Но то, что существовала «параллельная технология», начиная с Дагестана, продолженная взрывами в Москве и в Волгодонске, для меня несомненно.

Для доказательства того, что в Рязани были не учения ФСБ, а попытка теракта, нужно привести три факта. Что в заложенных мешках был гексоген, а не сахар. Что использовался настоящий детонатор, а не муляж. И что сотрудники ФСБ закладывали эту смесь. Третье они не отрицают. То, что был гексоген, подтверждено прямыми, в экран, свидетельствами людей, нашедших мешки. То, что детонатор был настоящий, а не муляж, подтверждают снимки устройства, переданные в прессу сотрудниками ФСБ. Что это детонатор, подтверждено специалистами и в России, и за рубежом.

Но есть другое, чистое доказательство, что это была попытка теракта. Взрыв в Волгодонске был 16-го числа. А 13-го числа произошел взрыв на Каширском шоссе в Москве. Так вот, 13-го числа, утром, на заседании Думы Селезнев зачитал экстренное сообщение о взрыве дома в Волгодонске, который еще и не думал взрываться. Волгодонск – это такой маленький городок из сотни тысяч русских городов, о котором мало кто слышал. 17-го числа на заседании Думы, уже после того, как был взорван Волгодонск, слово берет Жириновский (у меня есть видеопленка заседания Госдумы 17 сентября 1999 года): «Геннадий Николаевич, как могло произойти такое, что 13-го числа, за три дня до взрыва в Волгодонске, вы нам рассказываете о том, что взрыв уже произошел? Кто вас снабдил этой информацией?»

Нынешние спецслужбы безграмотны и далеко не так профессиональны, как их советские предшественницы. К тому же спецслужбы – не едины. Внутри спецслужб много групп и группировок, которые обслуживают разные фрагменты нынешней политической власти. И одна из них ошиблась. Или одна заменила другую. Или вышел какой-то иной сбой. Но этот сбой обнаружил истину.

Победа Путина означала победу не идеологии, не варианта развития, а победу спецслужб. А приход к власти спецслужб в любой стране – трагедия. Хуже этого не может быть ничего. И я не хочу сказать, что у меня есть сомнения в правоте того, что я делал. Но у меня накапливаются вопросы по поводу того, что же случилось в результате победы Путина. Насколько это хорошо для России по сравнению с тем, что могло случиться?

Я являлся первым последовательным и твердым противником возрождения в России системы тотального контроля спецслужб. Дальше – все понятно. Дальше было много последовательно организованных провокаций. Есть серьезные силы, которые формируют эту ложь и эти ложные ощущения.

«ЛогоВАЗ» и по сей день жив, несмотря на все попытки его разрушить после того, как я уехал. Это пример компании, которую я создал с нуля. Никто не может сказать, что я что-то приватизировал. Это высокоэффективная современная компания, которая

сформировала в России автомобильный рынок и огромную часть российской экономики. Именно «ЛогоВАЗ» сделал так, чтобы граждане России покупали автомобили, а не получали их по распределению от власти. Я разрушил порочную советскую систему и создал сектор рыночной экономики. Мы построили лучшие в России станции техобслуживания, к нам пришли ведущие компании мира: «Вольво», «Мерседес», «Дженерал моторс», «Хонда», «ДЭУ». И они пришли к нам по одной причине – потому что мы эффективные собственники, мы – эффективные управленцы. Это мировые лидеры. Они не приходят к тому, кто валяется под забором. Они приходят к тому, кто может решить сложную задачу. Мы ее решили. Деньги, как у всех компаний – эффективных и легитимных, – находились в банках, а не по карманам были рассованы. Они лежали в банках, в российских и не в российских, что полностью соответствовало российскому законодательству.

ОРТ – тоже компания, которую мы получили в наследство в ходе приватизации от государства. Это компания, которую мы с нуля не создавали. Было центральное телевидение с огромной сетью, которая тратила 250 миллионов бюджетных денег в год. Эти 250 миллионов разрывались пятьюдесятью акционерными обществами. То есть они, с одной стороны, как теперь говорят, дербанили бюджет, а с другой стороны, они туда вставляли рекламу и за нее получали деньги от рекламодателей, т. е. они в прямом смысле обворовывали ОРТ два раза: один раз со стороны бюджета, другой – благодаря рекламе.

После нашего прихода государство потратило на ОРТ – за все годы – 40 миллионов долларов, вместо того чтобы каждый год тратить 250 миллионов. Повторяю, за все годы, начиная с 1994-го до того момента, как мы уходили (это был 2000 год), государство потратило 40 миллионов. А прибыль получило огромную, оттого что не тратило на это деньги, и оттого, что оно являлось акционером в объеме 51 процент.

Сейчас реклама приносит около миллиарда долларов. Это колоссальные деньги. ОРТ мы превратили из умирающей, дотируемой бюджетной компании в эффективную современную телевизионную компанию. Это факт, зафиксированный на бумаге. Мы, как акционеры, получили минус около 380 миллионов долларов. Это то, что нам не удалось покрыть. Но я никогда не рассматривал ОРТ для себя как бизнес. Я всегда говорил, что ОРТ – инструмент политического влияния, за который я готов платить. Я надеялся, что в конечном счете это действительно станет бизнесом. Что и произошло сейчас, но сейчас я здесь, в Англии, а бизнес там, в России. В конечном счете я не сожалею, потому что я с помощью ОРТ решил принципиальные задачи: выборы 1996 года, выборы 1999 года, выборы 2000 года. А других задач я не ставил.

В «Аэрофлот» мы пришли в 1997 году, и стоимость одной акции «Аэрофлота» в тот момент равнялась восьми долларам. Мы ушли из «Аэрофлота» в 1998 году, и стоимость одной акции равнялась 185 долларам. При этом мы никогда не были владельцами акций «Аэрофлота», т. е. приход нашей команды в «Аэрофлот» повысил капитализацию компании в двадцать раз. Это был наш подарок Российскому государству. Мы, эффективные менеджеры, увеличили капитализацию компании в двадцать раз. В целом капитализация страны росла – это правда. Но она не выросла в двадцать раз. Ну, выросла в полтора-два раза. Но не в двадцать раз. Наш вклад был в «Аэрофлот». Это сделали мы, в том числе – Николай Алексеевич Глушков, который в тюрьме написал докторскую диссертацию.

Что касается «АвтоВАЗа», то вся автомобильная промышленность России оказалась в глубоком кризисе. Не только автомобильная. Единственная компания, которая выжила во

всей этой революции, во всем этом изменении всех экономических механизмов страны, был «АвтоВАЗ», потому что туда пришла команда наших менеджеров – в самом начале перестройки социалистической экономики в рыночную. Лидером реформы на «АвтоВАЗе» тоже был Глушков. Глушков экономику «АвтоВАЗа» сделал рыночной, ровно так же, как рыночной сделал экономику «Аэрофлота». Лично он.

И «АвтоВАЗ», и «Аэрофлот» являлись мощнейшими инструментами экспорта валюты за рубеж для поддержки коммунистических партий за границей, для поддержки спецслужб за границей. Рассказываю теперь об этом механизме, который был разрушен Глушковым, поскольку он настоял на увольнении из «Аэрофлота» сотен сотрудников КГБ. Глушков разрушил систему, которая кормила чекистов.

Когда мы пришли на «АвтоВАЗ», мы обнаружили такую картинку. «АвтоВАЗ» штампует 600 тысяч машин, из которых 300 тысяч уходят на экспорт по цене ниже себестоимости: примерно 1700 долларов за одну штуку. В основном экспорт осуществлялся через Панаму, и продавались они там по цене 5, 7, 9 тысяч долларов с рассрочкой платежа в пять лет. То есть отдаем по цене ниже себестоимости и через пять лет получаем, можно сказать, ноль, потому что за пять лет рассрочки капитал не работает. Одновременно «АвтоВАЗ» покупает комплектующие и агрегаты, покупает за границей, потому что 50 процентов автомобиля «жигули» – это импорт, покупает с предоплатой в 100 процентов, т. е. сразу расплачивается с фирмами, которые являются сателлитами компартий, спецслужб, т. е. был такой мощный механизм вбрасывания валюты за рубеж. Это хорошо известный факт. Этот механизм был разрушен потому, что государство больше не бюджетировало «АвтоВАЗ». Нужно было жить на свои. И Глушков создал экономически новый для «АвтоВАЗа» механизм – рыночный.

«Аэрофлот» тоже был мощным инструментом экспорта валюты за рубеж, поскольку выручка, которая получалась за билеты и перевозки, которые продавались за границей, никогда не возвращалась в Советский Союз, она оставалась за границей для обслуживания интересов спецслужб и компартий. Но поскольку никому не нужно было считать эти деньги, они были распределены по ста пятидесяти различным центрам по сбору денег, было сто пятьдесят различных счетов, через которые сливались средства от разных операций «Аэрофлота» за границей, конечно не контролируемых. А потом из центра шло указание, какой компартии, какому чекисту заплатить. И то, как огрызается сегодня ФСБ, – это следствие глубочайшей обиды и на Глушкова, и на меня, которые просто лишили людей того заработка, который они имели.

Когда разрушилась централизованная система управления государством, эти банки, структуры и деньги, которые были под контролем спецслужб, оказались под контролем частных лиц, которые продолжали жить за границей и контролировать эти счета. Именно поэтому Глушков создал единый расчетный центр в Швейцарии, компанию «Андава» – под контролем швейцарского банка UBS. Все материалы, все деньги, которые поступали туда, проходили под контролем UBS и Центробанка РФ. Это очень хорошо известно и Дубинину, тогда председателю Центробанка, и Шапошникову, в то время генеральному директору «Аэрофлота». Именно поэтому на процессе против Глушкова и Шапошников, и Дубинин выступили с категорическим отрицанием обвинения в адрес Глушкова, что он разворовывал «Аэрофлот».

Всё было абсолютно продуманно и просчитано. Именно поэтому «Аэрофлот» смог кардинально обновить свой парк. Именно в бытность Глушкова заместителем генерального директора компании «Аэрофлот» приобрел новый парк самолетов «Боинг»,

на которых сегодня летают российские граждане, когда отправляются за границу.

Глушков один, а умирающих компаний много. Вот он сначала в одно место пришел – поднял, потом в другое – поднял. Немало сделал для страны. Можно сколько угодно говорить о вражеских банках: «Вы деньги за границей держите». Я отвечу на это очень просто. Было принято принципиальное решение концентрировать все средства за рубежом по одной-единственной причине: потому что нужно было получать кредиты для покупки самолетов, а кредиты под деньги в русских банках никто не давал. В русских банках как положил, так и не взял. А в швейцарских как положил, так и взял. Поэтому и было принято принципиальное решение, как и по «АвтоВАЗу». Потому что «АвтоВАЗ» получил кредиты на миллиард долларов, когда уже не было бюджета ни на зарплату, ни на что. Как взять деньги? Очень просто. Те средства, которые выручают за автомобили, оставлять за границей, а под них получать кредит и кредитовать производство «АвтоВАЗа», что и было сделано.

Такая же схема была повторена с «Аэрофлотом». Деньги оставлялись за границей. Но это же были деньги, подконтрольные государству до единой копейки. Есть UBS, банк с фантастической репутацией. Есть договор между ним, между «Андавой» и Центробанком. Центробанк постоянно получает все выписки из UBS. Вопрос: зарабатывала ли что-нибудь «Андава»? Конечно зарабатывала. Это капиталистическое предприятие в Швейцарии, поэтому зарабатывались деньги. Это воровство? Да конечно же нет! Это заработок, это чистый заработок. И никакого уголовного дела в Швейцарии не существует, потому что эти компании оперировали строго в соответствии с законодательством Швейцарской Конфедерации.

Все дела, связанные с «АвтоВАЗом», возникали ровно в тот момент, когда возникали политические причины по «Аэрофлоту». Дело «Аэрофлота» было возбуждено в 1997 году. В связи с отсутствием состава преступления дело было закрыто. В 1999 году возобновили расследование, в январе, сразу после того, как у меня возник мощный конфликт с г-ном Примаковым, в то время премьер-министром. И тогда Примаков собственноручно написал генеральному прокурору: «Считаю необходимым возобновить уголовное дело, растрочены большие деньги», чего Примаков не имел права делать по закону, потому что существует разделение властей. Премьер-министр не имеет права писать записочку генеральному прокурору.

В январе 1999 года прокуратура возобновила расследование. Но 4 ноября, потому что Путин пришел к власти и Березовский на тот момент, допустим, был хороший, прокуратура закрыла дело в связи с отсутствием доказательств. Летом 2000 года по требованию Генпрокуратуры дело было вновь возобновлено, потому что у Березовского с Путиным отношения уже не сложились и можно было по-новому возобновлять уголовное дело.

Не может быть нормального движения вперед без союза между капиталом и силовыми структурами, между экономикой и силой. У нас сегодня совершенно не так. То есть силовые структуры, особенно на среднем уровне, реально ненавидят предпринимателей, ненавидят бизнес. Это надо преодолеть. Важно, чтобы руководители силовых ведомств не боролись с национальным бизнесом, а защищали его. Если этого перелома в силовых структурах не произойдет, мы опять и окончательно проиграем.

Единственный способ перестройки этой системы – это перестройка сверху, т. е. от начальников и вниз. К сожалению, нам в России не повезло, не появилось начальников, которые реально понимают, что такое либеральные ценности. Я хочу привести ряд

примеров из своей жизни. В 1994 году на меня было покушение. Я обратился, естественно, в правоохранительные органы. Лично президент Ельцин при мне отдал указание министру внутренних дел Ерину (Степашин возглавлял тогда ФСК) о том, что нужно довести дело до конца. Ничего не произошло за все эти годы! За все эти годы только я стал «бандитом», вместо того чтобы искать бандитов, которые организовали этот взрыв.

Теперь по поводу Влада Листьева. Я пытался привлечь внимание к этой истории, поскольку убийцы известны. Эта история, к сожалению, имеет непосредственное отношение к тому, что происходило со мной в 1994 году, когда на меня было совершено покушение. Как и полагается, было следствие, были люди, которые вели следствие, с конкретными фамилиями, и месяца через два эти люди исчезли. Появились они аж в 1995 году, в середине февраля, через шесть месяцев после того, как произошел взрыв. Пришли два сотрудника МВД – майор Кожанов Сергей Львович и сотрудник того же РУВД Коняев Николай. Пришли люди, которые «расследовали» мое дело, сказав, что им в принципе удалось разыскать того, кто знает, как это происходило. Пришли с членом организованной преступной группировки Плехановым Николаем Александровичем и говорят: «Борис Абрамович, вы не хотите, чтобы повторилось то, что было?» Я говорю: «Ну, естественно, не хочу». – «Вот, г-н Плеханов знает, как это происходило, опять имеет «заказ» на вас, и мы готовы вам посодействовать в том, чтобы этого не произошло».

Наученный горьким опытом за эти шесть месяцев, зная о том, как работают наши службы, я, естественно, сказал, что да, мне это интересно. Мне было предложено заплатить 500 тысяч рублей за то, чтобы этого больше не произошло.

Оказалось, что этот человек – вор в законе, такая странная компания. И он предложил мне информацию о том, кто это сделал и кто собирается на меня покушаться еще раз, за определенную сумму денег. Я обратился к своей службе безопасности и попросил все следующие разговоры и процесс передачи денег этому человеку, который состоялся в присутствии сотрудников МВД, зафиксировать на видео– и аудиоаппаратуру. 28 февраля 1995 года я передал под запись 100 тысяч долларов Плеханову в присутствии вот этих самых милиционеров. Видео– и аудиозапись я передал под расписку в ФСБ, абсолютно официально.

На следующий день, 1 марта, я улетел в составе российской делегации вместе с тогдашним премьер-министром Черномырдиным в Лондон. И вечером получил сообщение, что убит Влад Листьев. Я немедленно, чартерным рейсом, в ночь, вернулся в Москву. И в тот же день вечером по специальной телеграмме, поступившей сверху, был произведен обыск в моем офисе.

Я не могу считать (я знаком с теорией вероятности), что это случайные вещи: 28 февраля я передал деньги, 1-го был убит Влад Листьев, 2-го приехали сотрудники РУВД с попыткой организовать мой привод в милицию. Я уверен, что это работа спецслужб. У меня нет никаких сомнений, что между этими обстоятельствами (что ко мне приходили сотрудники милиции, вымогали деньги и вынудили меня передать деньги преступнику) существует прямая зависимость. И если бы я не сделал видео– и аудиозапись, я уверен, что был бы обвинен в убийстве Влада Листьева.

Я по этому поводу написал очень много заявлений, очень много бумаг, в том числе и следователю, который ведет дело Листьева, и многим другим. Обращался и к прежнему

министру внутренних дел Куликову; обращался к прежним руководителям ФСБ, указывая конкретные данные, фамилии, факты, представляя видео– и аудиозапись... Ноль реакции, ноль! Преступники на свободе. Потому что у меня есть вещественные доказательства, что они преступники: они вымогатели, они брали взятку, они пытались организовать, сфабриковать дело на меня по убийству Влада Листьева. За всем этим делом (я имею в виду за делом по убийству Влада Листьева) стоят спецслужбы, и прежде всего г-н Бар*censored*в и г-н Коржаков. Я это утверждение делал неоднократно – никакой реакции. Никакой реакции с их стороны, никакой реакции со стороны правоохранительных органов.

Следующая история – история с ФСБ. Высшее руководство ФСБ дало приказ убить меня в 1997 году. Ко мне обратились восемь сотрудников ФСБ с информацией о том, что на меня готовится покушение Федеральной службой безопасности. Это был второй случай в моей жизни, когда я попросил свою службу безопасности записать разговор с представителем Федеральной службы безопасности в своем офисе, на что я имею полное и законное право, тем более когда речь идет об угрозе жизни. И такая запись была проведена. И я эту запись предоставил следственным органам.

Было возбуждено уголовное дело. Военная прокуратура затем закрыла дело, заявив, что представитель ФСБ намеревался меня убить, но речь шла о шутке. Вместо того чтобы попытаться реально разобраться в том, что происходило, я был обвинен в интриге против ФСБ. Я мог бы привести еще целый ряд эпизодов, участником которых я оказался лично. К сожалению, никакого действия со стороны власти, реального действия, которое может предотвратить преступление, нет. Фактами, которые я огласил, владею давно, говорил о них и Ковалеву, и Путину. Он тоже не реагировал на ту информацию, которую я ему дал и которой безусловно доверяю. Тогда я ему сказал: «Владимир Владимирович, я вынужден занять публичную позицию, потому что это единственный способ расшевелить вашу организацию. Вы стесняетесь наших отношений. Давайте отделим наши деловые отношения от дружеских. Я выступаю с открытым письмом, а вы с открытой реакцией на него. Каждый будет отстаивать свою позицию».

Я действительно принимал участие в создании «Сибнефти», в переходе «АвтоВАЗа» с государственной колеи на коммерческую, в создании «ЛогоВАЗа» и других структур. Я глубочайшим образом убежден, что, когда я непосредственно руководил этими структурами, никаких нарушений закона там не существовало. Если бы что-то существовало с точки зрения правоохранительных органов, то давно было бы выявлено, потому что такого сорта кампании против меня устраивались не раз. Поэтому в этой части я совершенно спокоен. Я самый прозрачный из всех бизнесменов мира. Меня проверяют российская, английская, французская, швейцарская прокуратуры – ни один бизнесмен мира не выдерживал еще такой проверки. И при этом с 1998 года, со времен Евгения Примакова, я так и не числился в осужденных, только в подозреваемых и обвиняемых. И я уверен, что переживу и Примакова, и Путина.

Я никогда не задумывался, почему я не боюсь Путина. На самом деле я ничего не боюсь. Я не боюсь достаточно давно, только не потому, что я такой отвязный или лицемерный, я действительно ничего не боюсь. Я не боюсь того, что кто-то может против меня лично что-то предпринять. Я боюсь только самого себя. Я боюсь потерять себя, потерять свою веру, потерять уверенность в себе. Вот этого я боюсь. А всего, что касается внешнего давления, внешних угроз, я не боюсь.

Если уж Путин стал выстраивать вертикаль власти, затем – вертикаль СМИ, сейчас

вертикаль экономики начал строить, то для того, чтобы все это удержать, в авторитарном государстве есть свои законы. И эти законы очень четко прописаны историей. Поэтому вначале ты даешь команду убивать абстрактно, как в Чечне. А дальше ты должен перешагнуть черту и дать команду убить конкретного человека. Ну, про себя я уже сказал – пытаются, не получается. Пока, по крайней мере.

Власть пытается поменять приоритеты в раскрытии преступлений. Самые главные преступления, которые совершались в России, не экономические, а политические, – это убийство Влада Листьева, это убийство Холодова, это убийство Старовойтовой, это покушения на журналистов, это взрывы в Москве, это взрыв в Волгодонске, это подготовка к взрыву домов в Рязани – все это работа спецслужб. Спецслужбы говорят: нет, господа, нет, россияне, дорогие, это не главное, главное – что украл Аксененко или не украл Аксененко; главное – как Березовский в «Аэрофлоте» работал, когда он ни одного дня там не проработал; главное, что Гусинский надул «Газпром»; главное теперь, что, оказывается, Вяхирев вывел активы из «Газпрома». А Владимир Владимирович чем занимался, интересно, когда он был заместителем мэра города Санкт-Петербурга? Сколько там в это время, в его бытность, было совершено экономических преступлений? Владимир Владимирович не преследуется Генеральной прокуратурой.

Поэтому абсолютно очевидно, что это те приоритеты, которые власть установила сегодня в раскрытии преступлений. И понятно, что народ с большим энтузиазмом борется с коррупционерами, борется с богатыми. Это в традициях нашего народа (должен заметить, не только нашего). Но главные преступления власть укрывает – преступления в Чечне против целого народа, преступления против москвичей, преступления против жителей других городов – вот что власть пытается скрыть.

Как только президент произносит разные слова вроде «переведем из свидетелей в обвиняемые», начинается активность прокуратуры. Президент не имеет права вообще давать юридических оценок. А он дает команды. Это все продолжение разговора о дубине, которой он намерен размахивать. Путин защищает свою позицию с помощью дубинки. Из всего, что говорил Путин, я запомнил «мочить в сортире», «замучаетесь пыль глотать» (это обращаясь к русскому бизнесу – «замучаетесь пыль глотать»), «отрежем так, что больше не вырастет». Вот и вся терминология президента России. Вот и все, что я запомнил, к сожалению, из того, что сказал Путин. Это полубандитский сленг, абсолютно низкого качества по содержанию. А большинство населения – не блатная часть населения. Ей нужна другая аргументация. Блатная ее не устраивает.

Олигархов хотят посадить многие, но только вряд ли это кому-то удастся. Знаю только одно: правоохранные органы, которые сейчас действуют в России, – ФСБ, МВД – являются прямыми наследниками тех правоохранных органов, которые существовали при советской власти. Они генетически воспитаны так, что ненавидят всех, кто занимается предпринимательством. Будет еще не одна попытка бороться с олигархами, с теми, кто занимается бизнесом, но мне кажется, что сейчас силы уже на стороне тех, кто строит новую Россию, а не тех, кто пытается стащить ее назад. В Генпрокуратуре России тоже работает много бесстыжих и недалеких людей, нарушающих закон. Но время, когда власть в России была у людей с голой задницей, прошло.

То, что делает Генеральная прокуратура, – это абсолютно грубый шантаж и устрашение, это запредел. Президент, когда находился в Нью-Йорке, дал указания Генеральной прокуратуре, сказал, что Березовский легко может быть переведен из свидетелей в обвиняемые. Это наподобие того, что делал в свое время Примаков вместе с предыдущим

генеральным прокурором Скуратовым, который спрашивал его разрешения на возбуждение уголовного дела. При этом президент не ограничивается тем, что дает прямое указание Генпрокуратуре, он еще замахивается дубиной и рассказывает, как он будет бить по голове.

Слова президента в интервью газете «Фигаро» накануне его поездки в Париж, где он абсолютно конкретно сказал, что собирается бить по голове дубиной, отвечая на вопрос, где упоминалась моя фамилия, не могут не впечатлять. Когда президент великой страны говорит в таких терминах – это, с одной стороны, необычно, а с другой – конечно, это нельзя не принимать всерьез. И я воспринял это – всерьез.

Поскольку я занимаюсь политикой в России, я готов к тому, чтобы сидеть в тюрьме. Но я, естественно, никогда не приму обвинения в нарушении российского законодательства. Я готов сидеть в тюрьме, когда меня будут привлекать по политической статье, которая сегодня в Уголовном кодексе отсутствует, и когда будут озвучены для всех очевидные признаки именно политического дела.

Я сразу понимаю, умен человек или глуп. Но добрый он или злой, я понять не могу. Я верил в Путина, но он изменился. Когда он возглавлял ФСБ, я часто навещался к нему и видел на его столе в кабинете на Лубянке бюстик Дзержинского. Я посчитал, что он остался от предшественника, и не придавал этому факту особого значения. Позже, когда Путин стал премьер-министром и переехал в Белый дом, вместе с ним переехал и маленький Феликс Эдмундович. Мы беседовали, пили чай в комнате отдыха премьерского кабинета. Я заметил знакомый бюстик на новом письменном столе Путина. Меня тогда кольнуло предчувствие...

После того как Путин, сам выходец из спецслужб, стал президентом, он опять собирает под «крышу» государства тех же самых людей, с тем же самым менталитетом. Поэтому мы видим эти бесконечные суды, никак не воспринимая их как законные. Мы видим, что это беззаконие. Но опять пытаются под это, как было и в советское время, подвести какие-то законодательные нормы.

Спецслужбы стараются подчинить, поставить под свой контроль, в том числе и бизнес в России. Результат будет очевидный: либеральное внешнее лицо, либеральная, например, экономика и жесткая внутренняя авторитарная власть. Я считаю, что экономика тоже будет авторитарной. Что же касается всей возни вокруг меня, могу лишь сказать, что очень неприятно быть мишенью спецслужб. Они сильно активизировались. Это весьма тревожный симптом для всей России. Они будут контролировать ровно столько, сколько смогут проконтролировать. Их экспансия будет распространяться до тех пор, пока их кто-то не остановит или какие-то обстоятельства не остановят. И это совершенно естественно. То есть они возьмут власти столько, сколько смогут забрать.

Я не борюсь с Путиным. Я борюсь с тем, что считаю неверным в действиях президента. Это совершенно разные вещи. И я, естественно, борюсь исключительно легальными способами, используя весь тот ресурс, который у меня есть: финансовый, интеллектуальный. Я никому не давал обещания молчать, если Кремль станет совершать грубые ошибки и действовать беспределно. Я выбрал путь, которым иду все эти годы. Это очень тяжелый путь, потому что бороться с властью огромной страны очень и очень тяжело. Это колоссальная ответственность, и самостоятельная ответственность, и ответственность за свою семью, за своих друзей. Мы имеем дело реально с бандитской властью. В заложники был взят мой ближайший друг Глушков. Был прямой рэкет государства, действовавшего через Абрамовича. Нам предложили выбор между

Бутырской тюрьмой и возвратом государству акций. Мне предложили добровольно просто отдать собственность, иначе мы тебя посадим. Отдай нам, иначе мы тебя посадим. Как это называется? Мне обещали выпустить из тюрьмы Глушкова, абсолютно противоправно сидящего за решеткой, если я продам 49 процентов акций ОРТ, причем по цене значительно ниже той суммы, которую я инвестировал в ОРТ. Я пошел на это, но меня обманули.

Людей убивают, людей сажают без суда и следствия, применяют психотропные средства, чтобы выбить показания. И с моей стороны прощения тем, которые так поступили, не будет. На преследование близких мне людей я смотрю значительно острее, чем на враждебные действия в отношении меня самого.

Я действительно не боюсь, хотя точно понимаю, что умею бояться. Я плавал на яхте со своим сыном, и, когда мы стояли где-то у островов, сын стал прыгать с крыши. И я тоже решил спрыгнуть с крыши. Думал, что это сделаю запросто. Высота не очень большая, шесть-семь метров. Я попытался разбежаться и понял, что мои ноги не идут. Я не могу разбежаться, т. е. я не могу в себе преодолеть этот животный страх. Тогда я понял, как я могу спрыгнуть с этой крыши: подойти и один раз оттолкнуться, потому что разбежаться я точно не смогу. Я так и сделал. Когда мне сообщили, что выписали ордер на мою экстрадицию из Англии, во мне ничего не шелохнулось вообще. Власть неумышленно создала себе серьезного противника.

Ни один олигарх не лег под бандитов. Кто лег, давно или в земле, или нищий. Ни один олигарх не вышел из чекистов и не лег под чекистов, потому что главное, что есть у олигарха, – это свобода. Олигарх – это человек, который сам принимает решения и отвечает за них. Никто не верил, что можно акционировать Центральное телевидение. В рекламе бардак, все ведущие телевизионщики распилили время по часам, вокруг бандиты. Я верил, что можно. Я и все олигархи делали то, во что никто не верил. Понятно, что в ГБ таких людей не было от природы. Кто шел в ГБ, уже принял решение, что им будет управлять чужая воля. Поэтому я утверждаю, что ФСБ пришла к власти и ничего не сможет сделать. Потому что они всегда были слугами. Они не умеют формировать цели и принимать решения. Они умеют исполнять решения. Воли у них нет. Поэтому я и говорю, что эта власть обречена.

Есть объективные процессы в политике. И они протекают стремительно. Все исторические процессы сжаты, так как мы живем в условиях сжатого времени в силу распространения новых информационных технологий. Поэтому у меня нет никаких сомнений, что политический век Путина недолог, режим Путина падет. Есть только один вопрос: он падет вместе с распадом России или все-таки падение этого режима произойдет раньше, чем распадется, развалится Россия? Моя оценка, что режим падет раньше.

Светлое настоящее: Англия

Конечно, я никогда не смирюсь с мыслью, что не вернусь в Россию. Я не борец за светлое будущее. Я борюсь за светлое настоящее. Мое поведение адекватно моему пониманию того, что нужно делать. Задача номер один – вернуться в Россию, и я уверен, что в Россию вернусь. Но это для меня не сверхзадача. Я не планирую возвращаться в Россию до тех пор, пока имею ясное послание от президента, что, если я вернусь в

Россию, меня посадят в тюрьму. Но я уверен, что власть Путина, несмотря на то что по рейтингам, по опросам, она очень крепкая, на самом деле очень слабая, очень неустойчивая.

Я оппонирую власти по существу. Меня вообще не интересует Путин как Путин. Меня не устраивает власть в России, где Путин – президент. И я открыто ей противостою. Как любая оппозиция, я капитализирую ошибки власти. Исполнительная власть в любой стране совершает ошибки, а оппозиция эти ошибки капитализирует. В этом смысле я не делаю ничего необычного. Бессмысленно обсуждать, что Путин вовсе меня и не выгонял, а это я занял позицию, которая привела к тому, что Путин более не мог терпеть меня в стране. Это выбор не Путина, а мой собственный. И то, что я делаю, абсолютно не эмоционально, а рационально. Цель – изменение существующего в России режима. И тогда я вернусь. Да, я хотел бы жить в России, но не хочу жить там ценой договоренности с существующей властью.

В сегодняшней России места несогласным с официальным курсом нет. Вернее, это место – у параша. Я в таких категориях о своем будущем вообще не думаю. Конвой, наручники... По приглашению генерального прокурора, т. е. в тюрьму, я ехать, естественно, в Россию не собираюсь. Но есть множество примеров того, когда люди, искусственно оторванные от России, которым был запрещен въезд в Россию, активно участвовали в ее политической жизни. Более того, эти люди побеждали.

В России не существует справедливого суда. Есть масса доказательств этого факта. Если бы в России был справедливый суд, то там можно было бы абсолютно открыто отстаивать свою точку зрения. Я человек, конечно, отчаянный, но не сумасшедший. Добровольно лезть в клетку я, конечно, не собираюсь, и если российская прокуратура считает, что я виновен, и умеет это доказать – у нее есть потрясающий шанс. Они послали запрос на экстрадицию. Если действительно есть у российской прокуратуры основания утверждать, что я такой ужасный преступник, которого требуется немедленно пригласить в Россию и немедленно посадить в тюрьму, ну что ж, я поеду.

Ни на одну секунду, ни на один день я не прекращал для себя попыток понять, что происходит в России. Более того, не просто понять, а пытаться влиять на то, что происходит в России, хотя, конечно, отсюда, из-за рубежа, делать это значительно сложнее. В этом я отдаю себе отчет. Если бы я не находился под ордером на арест в России, я бы, конечно, оставался там, несмотря на пальбу и стрельбу. Я это демонстрировал много раз. Меня пытались убивать, и не один раз, и я никогда не уезжал из России.

Самопожертвование – это красиво, но часто совершенно нерационально. А я не пытаюсь красоваться ни перед кем, я жестко борюсь за власть в России. И поэтому эффективнее и честнее бороться за нее из Лондона, чем из тюрьмы в Москве. Я не считаю, что буду более эффективен в клетке, чем вне ее. Из этого и буду исходить. Я не знаю ни одного случая экстрадиции из Великобритании при обстоятельствах, подобным моим.

Я живу под Лондоном в месте, которое по лондонским стандартам считается Рублевкой. На дорогу я трачу времени столько же, сколько и в Москве. Я купил дом и живу со своей семьей. У них, в отличие от меня, статус более устойчивый. Они являются резидентами Англии. Не гражданами. И я не прошу английского гражданства и никогда не обращался с этой просьбой. Я хочу оставаться российским гражданином, но я хочу получить защиту английского государства от политических преследований. Я попросил политического убежища в Англии.

Я купил очень большой участок, порядка ста гектаров. Здесь стоимость земли ровно в десять раз меньше, чем на Рублевском шоссе. Большая земля ничего не значит, потому что строить на ней ничего нельзя, кроме того, что уже построено. Никакая взятка не поможет. Так что земля эта только для того, чтобы засыпать и просыпаться с мыслью, что у тебя сто гектаров. А так можно и без этого хорошо просыпаться и засыпать с удовольствием.

Адрес офиса в Лондоне известен всем российским спецслужбам. В офисе есть связь по Интернету со многими моими партнерами. Здесь работает около десяти человек, обслуживают мои интересы. Но никто из сидящих в этом офисе бизнесом не занимается. Секретарь в нашем офисе получает 2–2,5 тысячи фунтов. Если сравнивать с Америкой, то всё в полтора раза дороже. Всё, что в Америке стоит в долларах, здесь – в фунтах. Мне есть с чем сравнить. Я много путешествовал, жил в Америке, Японии, Германии, Франции. Лондон самый дорогой. С Москвой сейчас сравнить не могу. Но я уже сказал о ценах на землю. Это показывает, насколько в целом извращена российская экономика. Есть такой индекс работы европейских городов: насколько квалифицирован персонал, насколько комфортна жизнь, насколько просто со связью. Лондон устойчиво занимает первое место в Европе с коэффициентом 0,93 при абсолютном значении 1, следом за ним – Париж с 0,67. Это индекс тридцати городов. Москва тоже включена. Ее индекс 0,03.

Деньги есть. Проблемы нет, чем кормить детей. Но это непростая штука – эмиграция – и потрясающе интересная. Узнаешь новые измерения мира, потому что измерения мира – это измерение себя. Жить под угрозой экстрадиции в российскую тюрьму – не самое большое удовольствие. Когда я говорю, что мне комфортно в Лондоне, то подразумеваю бытовую сторону. Ностальгия и жизненный бытовой комфорт – это разные вещи. Жизнь все-таки определяется не тем, где комфортно, а там, где душа. А душа часто стремится туда, где совсем некомфортно. Для меня большой дискомфорт, что я не могу быть в Москве. Но дискомфорт этот – из-за того, что кто-то за меня решает, где я могу быть, а где нет. Меня раздражает, что кто-то, кроме меня, имеет право решать, где мне пребывать, что я могу, чего не могу. И еще неприятно, что это все-таки бывшие товарищи. В общем, это предательство такое. Но не в первый раз.

Нет ностальгии совершенно. Может, потому, что постоянно друзья вокруг. Если меня спросят: «Не хватает ли мне России?» – я скажу: «Да, не хватает, конечно, но смотря что под этим понимать». Дело в определениях. Что такое ностальгия? Соскучился по Москве, например. Ностальгия – это такой комплекс, это ощущения, информация... Странно, а нет ностальгии-то, хотя вот ощущений не хватает. По-видимому, я определяю ностальгию как-то иначе: у меня ностальгия не столько по России, сколько по стране, которая называлась «Советский Союз». Например, к Грузии я никогда не смогу относиться как к другой стране, хотя полностью признаю ее право на суверенитет и независимость, более того – полностью поддерживаю ее в этом. Я человек эмоциональный и больше всего скучаю по русской природе. Так сложилась моя жизнь, что с самого детства я много времени проводил на природе, а потом много ездил по Советскому Союзу. Конечно, я скучаю по друзьям, которых мне не хватает, хотя со многими из них я встречаюсь и на Западе.

Я не чувствую себя в информационном вакууме. Есть Интернет, есть много новостей и аналитических статей. Я читаю практически то же самое, что читал в России, иногда даже оперативнее – сегодняшние средства информации позволяют это сделать с той же скоростью, что я это делал в России. Я встречаюсь с очень многими людьми, которые ко

мне приезжают, самыми разными людьми – и с теми, кто разделяет мою позицию, и с теми, кто не разделяет. Это умные люди, которые умеют прогнозировать события, давать правильные оценки.

Очень важная составляющая для того, чтобы делать правильные оценки, – ощущения. Вот ощущения здесь, за границей, конечно, нельзя получить в той мере, в какой ты их получаешь в России. Ты не видишь нюансов, не обращаешь на них внимания, не видишь лиц людей, не видишь, как люди проводят время, реакцию на те или иные вещи – вот это невозможно, находясь здесь. Оценивать процессы, проходящие в России, находясь за границей, значительно сложнее, чем находясь в России.

В Лондоне я не ощущаю себя персонажем ни прежней истории, ни новой. Ощущаю себя просто самим собой. Таким, какой есть, со своими ошибками, со своими решительными шагами. Порой ошибочными, а иногда совершенно правильными, настолько, что и сегодня могу подтвердить: да, я поступал правильно. Так что ничего необычного в своем положении я не вижу. Ведь это нормальная ситуация, когда человек, открыто противостоящий власти, не может жить в своей стране. Что же касается русской истории, то уж совершенно логично, что человек, который эту власть создавал, не может сегодня найти с ней общий язык. Власть всячески топчет того, кто когда-то ее выстраивал, а теперь пытается ей возражать. Я не вижу в этом несправедливости, потому что неприятности, к которым приводили меня мои ошибки, никогда не пытался объяснить за счет дурных черт кого бы то ни было. Все мои проблемы – результат моих собственных ошибок, и отношу я их только к себе самому, никогда не пытаюсь найти виновного.

Я считаю Лондон столицей мира – и финансовой, и культурной, и в огромной степени политической. Но тем не менее это ограничивает мои возможности в контактах с политиками, теми людьми, которые разделяют мои убеждения. Мне не хватает, конечно, культурной русской среды. То есть русской речи, психотипов и общественного сознания, к которому я привык, в котором мне комфортно. Жизнь, как и в Москве, заполнена все двадцать четыре часа в сутки. Дети ходят в школу, жена занимается искусством.

Мне больше всего обидно за детей, которые между собой говорят по-английски или по-французски, а не по-русски. Я английский знаю, но не настолько хорошо. Поэтому в семье мы говорим по-русски, и дети тоже, но между собой они предпочитают другой язык. Тем не менее семья уехала со мной сюда и со мной же вернется.

Англия была последней страной в Европе, которую я узнал. Но при этом хочу заметить, что, видимо, под влиянием Шекспира и Диккенса (хотя я много читал и французов – Дюма, Мопассана) у меня сложилось ощущение, что мне созвучнее и ближе все-таки английский менталитет. Я вообще не представлял, что могу надолго уехать из России. Только раз я уехал из России на два месяца, читал лекции в Германии. Конечно же то, что произошло, для меня было неожиданным. Тем не менее могу сказать, что здесь, в Лондоне, я чувствую себя очень комфортно именно в силу детских книжных впечатлений и сложившейся ментальной готовности. Лондон остается моей главной привязанностью, теперь уже как бы в двойном значении этого слова. Я прожил год на юге Франции, там тоже было хорошо, там потрясающая природа, там у меня роскошный дом, но мне там работать сложно – обстановка расслабляет. В Англии – напротив. К тому же тут я обнаружил феноменальный климат, он мне очень подходит. Горизонта не меньше, чем в России. Единственное, чего мне здесь не хватает, – это снега.

В прошлом веке отдыхать ездили в Париж, а в эмиграцию – в Лондон. Америка – десять часов лёта, очень далеко, и связь трудна, а здесь – жизнь в информационном пространстве

России. В Америку уезжают те, кто не хочет возвращаться.

В Англии мне очень нравится в силу того, что здесь люди реализовали те идеалы, которые я принял для себя. Я не встречал более свободной страны, не вольной, а именно свободной, чем Англия. Такого уровня ответственности за себя и за других я нигде не встречал. Главное, что в Москве нет такого менталитета. Я, с одной стороны, ругаю тот рабский менталитет, который есть в России. Но я тоже его часть. И мне значительно комфортнее общаться с соотечественниками, чем с иностранцами. Но я общаюсь и с русскими, и с англичанами, и со многими теми, кто является и не русским, и не англичанином, приезжают из других стран.

Лондон – город супер-интернациональный, даже в большей степени, чем Нью-Йорк. Мне казалось, уж Нью-Йорк такой космополитичный – ничего подобного! Вот как Москва отличается от всей России, так и Лондон отличается от всей Англии, всей Британии. И здесь на самом деле очень важно, что они незаметно для тебя переделывают тебя на свой лад. Ты вынужден как бы естественным образом принимать их правила игры. И это главное, что выделяет англичан среди других наций: абсолютное чувство самостоятельности, самодостаточности граждан, англичан, шотландцев, ирландцев. Вот то, что выделяет их среди всех других, и одновременно то, что вызывает безусловное уважение.

Здесь не лезут тебе в душу, одновременно не позволяя и тебе ни в чью лезть. Несмотря на всю сложность моего положения, ведь я заноза у российской власти, не было ни одного случая, когда мне тут хотя бы намекнули, что меня не хотят. Я представляю ровно обратную ситуацию: к примеру, вот я – английский гражданин и яростный оппонент Блэра (а я ведь тут веду кампанию против российской власти и не скрываю этого), приехал в Россию, а Путин в хороших отношениях с Блэром, и Блэр говорит: «Володя, там у тебя сидит один, который для меня такая головная боль, пришли-ка его сюда»... Уверен, на следующий же день, в клетке и наручниках, пожелание было бы исполнено. Потому что в России нет никакого правосудия и никакой защиты прав, и не только иностранных граждан, но, что самое главное, и своих собственных. Англия же страна, где в наибольшей степени закон есть закон.

С момента приезда в Лондон я не имел ни одного контакта с представителями английского правительства, не было инициативы ни с одной, ни с другой стороны. Главная причина – я неудобный для Англии эмигрант. Англия, как и я, заинтересована в хороших отношениях с Россией. Официальное общение со мной движется в неправильную сторону. Я обращался только с вопросом об убежище, и никаких предложений ни с их, ни с моей стороны о тайном сотрудничестве не было. Когда я был замсекретаря Совета безопасности, я разговаривал с представителями английских спецслужб на официальных встречах. Они хорошо знают мою позицию касательно России. Я считаю, что живу здесь временно. Когда я жил в России, особенно когда был политиком, у меня была только одна цель – я хочу видеть Россию демократической, сильной. Это моя позиция, которую я отстаиваю. Она мне здесь неудобна. К примеру, я всегда был категорически против интервенции США и Англии в Ираке.

Мне в Англии сейчас интересна система образования. Сегодня мои дети учатся здесь, в Лондоне, в очень престижной школе. Я третий раз женат. Моя вторая семья тоже здесь, в Лондоне, там у меня сын и дочь, которые тоже учатся в очень хорошей школе. Я, наверное, плохой отец, я очень мало времени уделял своим детям, особенно старшим дочерям. Сейчас я стал больше времени уделять детям не потому, что стал хорошим

отцом. У меня появился интерес: как живут дети, какое образование они получают? Я даже хожу на родительское собрание – один раз в две недели. Они устраиваются и в школе, и в домах учеников, по очереди.

Мы принимаем родителей. Обычно это утром, на чай. Они организуют бесконечное количество инициатив и тут же их начинают реализовывать: то собирают вещи для детей Конго, и в этом участвуют все ученики, то создают футбольную команду, потому что отец одного из учеников известный футболист, он создал клуб, и все они выходят в форме этого клуба. Постоянная инициатива не сверху, а снизу, от людей, и это дает положительный импульс на всю жизнь всем людям.

Предметное образование они начинают получать в университете. Это не значит, что в Англии плохое системное обучение, оно просто другое, иначе расставлены приоритеты. Здесь приоритет номер один – формирование личности. В Советском Союзе ты – часть коллектива, песчинка. А здесь тебе говорят: «Ты уникальный, ты единственный, ты неповторимый, и рядом с тобой – тоже уникальный, неповторимый, единственный». Поэтому, когда здесь человек заканчивает школу, он чувствует себя совершенно самостоятельным. Не надеется ни на английскую королеву, ни на премьер-министра, ни на государство. Только на свои силы. Каждый оказывает колоссальное сопротивление попытке установить диктатуру над своей личностью и над обществом в целом. Они этого не терпят. Конечно, масса манипулируема, но приходится прибегать к очень тонким манипуляциям. Это нельзя делать дубиной, как делается в нашей стране. Это можно делать скальпелем. И всегда есть ниша для оппозиции. Никто не пытается сопротивляться тебе на уровне затыкания рта. Такое невозможно в этой системе.

Здесь общество очень структурировано. И поэтому многим кажется, что оно специфическое, совсем не такое, непонятное. Да, оно специфическое. Из этого не следует, что оно непонятное. Здесь ценится традиция, т. е. преемственность, то, что мы в России все время пытаемся втоптать и ломать, и каждая новая власть по-своему все начинает сначала, рушит церкви, потом восстанавливает их, как в рекламе банка «Империал»: бассейн – церковь – бассейн – церковь. Вот здесь все по-другому. Здесь до сих пор существует королевская гвардия, при этом утром останавливается движение, потому что гвардейцы на лошадях пересекают дорогу. Это не позволено делать премьер-министрам, например, а вот гвардейцам королевским позволено. При этом, конечно, нет бессмысленных очередей на два часа, но на пять минут могут прервать движение. И все к этому относятся, что очень важно, с уважением, а поэтому – с пониманием. Меня совершенно потрясла демонстрация в 400 тысяч человек против запрета охоты на лис с помощью собак (а в Чечне убивают десятками тысяч, и выходит жалкая тысяча протестовать против этого).

У нас считается, что либеральная власть – это мягонькая, пластилиновая. Демократическая система несколько не менее жесткая, чем авторитарная в своем властном исполнении. Не нужно много законов, не нужны жесткие законы – просто все законы должны жесточайшим образом исполняться, как в Англии, что отличает Англию от любой другой страны мира. Основной закон – здесь нельзя врать. Один раз соврал – тебя переводят в другую касту. Ты просто прокаженный. Это абсолютная трагедия. Другое дело, что, как компенсация, это заменяется лицемерием, или, как любят говорить англичане, английским юмором. А в России наоборот – ври сколько хочешь. Более того, если не врешь, то вообще плохой человек. А подлость стала категорией морали.

Я не хочу говорить банальные вещи, но, конечно, меня не оставляет мысль, что это

гэбэшная школа президента – умыть руки и стараться быть таким милым и неприметным у себя в стране, зато заметным и торжественным за границей. Президента здесь воспринимают как папуаса. «Гардиан» опубликовала статью, в которой сравнивала визит Путина в Англию с визитом Чаушеску – тому оказывались такие же подхалимские почести. Конечно, Путин для них чужой, непонятный, непредсказуемый, диковатый, не их. Есть огромная страна с колоссальным потенциалом, с ядерными боеголовками, а с этим нужно как-то считаться. И считаться будем так, как нравится главе этого государства. Все формальные атрибуты – и подушечка под локоть, и коробочка с бантиком – все это сделаем. Но будем решать свои конкретные задачи. Англия очень рациональная страна.

В Лондоне я остаюсь русским человеком. Я ощущаю себя, как ощущал себя в России. И в этом смысле ничего не изменилось: я в жизни занимаюсь только тем, что мне интересно. Сегодня мне интересна не только политика. Мне интересно описание, понимание моих ощущений мира и описание этого понимания. Мне это интересно, потому что мир, который нас окружает, он такой только в той степени, в какой мы его в состоянии понять и сформулировать. Я не пытаюсь следовать традициям, которые есть знание. Я пытаюсь следовать традициям, которые есть мое ощущение жизни.

Я член очень многих клубов. Здесь это происходит суперестественно. В частности, здесь очень много ресторанов, которые так и называются – клубы. И ты не можешь просто приходить, если ты не член этого клуба. Здесь теннисные корты тоже клубы, здесь какие-то интересы тоже определяют собрание людей, которое называется клубом. Поэтому то, что у нас называется просто провести вечер в каком-то доме, здесь называется – провести вечер в клубе.

Я почти на всех лондонских мюзиклах был, для этого не нужно быть членом клуба. Здесь очень бурная культурная жизнь. Приезжают труппы со всего мира, буквально каждый день есть звезды первой величины, мировые. В том числе очень много русских сюда приезжают. Совсем недавно я был на двух балетах Эйфмана – «Красная Жизель» и «Чайковский». Я много хожу в театры здесь.

Моей жене не хватает русского театра. Она ко всему привыкла, а вот то, что нет театра, – это ее угнетает. Лена так и не посмотрела «Кухню» с Меньшиковым. Масса спектаклей в Москве новых, выставки проходят. Мы уже многое пропустили. Я не такой театрал, как она, поэтому эту часть переживаю спокойно. А вот общения, того ритма жизни, который был в Москве, мне не хватает.

Хожу в рестораны, преимущественно итальянские и японские. У меня три любимые кухни. Самая любимая – грузинская, далее – японская и итальянская. Здесь есть очень хороший ресторан – «Нобу». Это не чистая японская кухня. Там есть и классические блюда, но самое интересное – это кухня, которая изобретена самим основателем ресторана, Нобу. Это просто божественно.

Право на картинку

Мое отношение к Путину определено не моим личным отношением. Что обо мне думает Путин, меня абсолютно не волнует. Я считал, что Путин продолжит курс реформ Ельцина. И наше принципиальное расхождение с Путиным состоит в том, что Путин говорит о наших с ним личных взаимоотношениях, а я говорю о тех идеях, которые мы с ним вместе

обсуждали и которые он собирался проводить в жизнь. Это две разные плоскости: мои личные отношения с Путиным и то, что Путин делает по существу. Это ни в коем случае нельзя было смешивать.

У меня был очень любопытный разговор с Путиным весной 2000 года. Тогда я ему сказал, что теперь, когда многие цели, которые мы перед собой ставили, достигнуты, очень важно решить последний, но, с моей точки зрения, не менее важный вопрос, чтобы сделать процесс демократического преобразования России необратимым. Нам нужно позаботиться о существовании в России оппозиции. Я еще сказал, что, конечно, принципиальный вопрос, какая оппозиция – правая или левая, но значительно важнее – есть она вообще или нет.

Я по наивности считал, что Путин, обладая властью, согласится не громить оппозицию. К сожалению, он вообще панически боится оппонирования, поэтому, как следствие, боится оппозиции. Разгром оппозиции – это еще один печальный итог правления президента Путина. Власть президента Путина утрачивает свою легитимность. И по существу, в стране осуществляется ползучий государственный переворот. И в действиях, и в тенденциях Кремля налицо как явное нарушение Конституции России, так и продолжающиеся попытки демонтировать основы демократических механизмов действующей Конституции.

Путин убежден, что Россия может быть сильной, только будучи унитарным, жестко централизованным государством. А я убежден, что Россия развалится, если Путин станет дальше выстраивать эту вертикаль власти. А я убежден, что государство станет эффективным, только если власть снова будет возвращена в регионы. Здесь мы с президентом категорически расходимся в позициях. Это главная причина нашего расхождения. Хотя, может быть, ему и горько, что человек, который его поддерживал, публично от него отвернулся и не перестает говорить о причинах, почему не согласен с политикой президента. Мы с ним просто работаем в совершенно разных системах аксиом, в совершенно разных предположениях. Он считает, что Россия не может управляться иначе как авторитарным способом, а я глубоко убежден, что Россия реально может развиваться как либеральная страна (т. е. самоорганизовываться), где есть приоритет личности над государством, а не приоритет государства над личностью.

Сейчас заметно, что появляется все больше людей, которые испытывают неприязнь к Путину. Хочу сказать, что чувства неприязни, тем более ненависти Путин у меня не вызывает. Вообще никаких эмоций Путин у меня давно не вызывает, да, пожалуй, не вызывал никогда. Путин никогда не интересовал меня как человек. Я не с Путиным воюю, а отстаиваю свои убеждения. Я получаю удовольствие от борьбы, от того, что не изменяю себе. Что меня гнетет, так это серость власти. Серая власть России противопоказана. Для нее тусклость, болото, застой – смерть наверняка. В другом же случае есть шанс выжить. Путин насаждает в стране горизонталь серости, выравнивая всех под себя.

Думаю, одна из важнейших потерь России за последние два года – цветовая гамма жизни. Место ярких, неординарных людей опять заполняет серая масса в погонах и без них. Борис Николаевич чувствовал себя сильным и позволял цвести всем цветам. Он считал, что общество, а не спецслужбы и прокуратура должно отличать, где сорняк, а где полезное растение. Персонально Путин – это ошибка. Хотя далеко не только моя. Я не один принимал это решение. Более того, у меня были иные предложения.

Путин разрушает основы, которые заложил Ельцин. Ельцин разрушал централизованную власть и монополию власти на СМИ – Путин воссоздает их; Ельцин

уничтожил государственное вмешательство в экономику – Путин его возвращает. Ельцин допустил три главные ошибки. Первая – война в Чечне. Вторая – то, что он не разрушил прежнюю систему КГБ, считая, что главным противником реформ являются коммунисты, а ими оказались спецслужбы. Третья – Ельцин не задумался вовремя о преемственности власти. Эти три ошибки и привели к тому результату, который мы имеем сегодня.

Путин пытается построить эклектичную систему: рыночную экономику и авторитарную политическую систему. При этом идут ссылки подспудно или специально на Китай, например: вот там работает такая модель эффективно, – забывая при этом об абсолютном отличии менталитета китайцев от менталитета русских. Эклектичная модель в России долго не просуществует – это определено. Путин сегодня обозначил авторитарный путь развития. Поэтому абсолютно ясно, что в дальнейшем это – концентрация власти, которая на формальном уровне уже произведена в России. Я подчеркиваю: концентрация, а не консолидация. За концентрацией средств массовой информации последует концентрация капитала, т. е. подчинение капитала государству, точнее, государственным чиновникам. В какой форме, какие будут бантики к этому повешены, это не имеет значения, но ясно, что это произойдет.

Я не знаю, что правда и что нет в семидесятипроцентном рейтинге его популярности, но мне кажется принципиальным указать различие между рейтингом и авторитетом. Наш президент обладает высоким рейтингом, но не обладает авторитетом. Ельцин делал вид, что его нет, а Путин делает вид, что он есть. Ельцин разменивал свой рейтинг на реформы, потому что у него был не только рейтинг, но и авторитет. А рейтинг у Ельцина в 1991 году был не менее высок, чем у Путина сегодня. Рейтинг – это система ожиданий, а авторитет – реализованная система ожиданий. И Ельцин во многом первым реализовал эту систему ожиданий. Россия начала разворачиваться. Ну а дальше нужны были непопулярные меры, и он разменивал свой рейтинг и свой авторитет, который у него был, на реформы. Поэтому мы поддерживали Ельцина, но не поддерживаем Путина, поэтому он и проиграет.

Если бы рейтинги Путина соответствовали действительности, то не было бы решения об уничтожении ВЦИОМа. То есть нам хотят нарисовать результаты выборов. И не годится, оказывается, только поставить под контроль систему ГАС «Выборы». Сегодня система ГАС «Выборы» находится под контролем ФСБ. Потому что ФАПСИ, которому подчиняется ГАС «Выборы», подчинено сегодня ФСБ. Этого оказалось недостаточно. Нужно еще и исказить результаты опроса общественного мнения, поэтому ставится под контроль еще и ВЦИОМ. Мы знаем, чем заканчиваются такие истории. Они всегда имеют один и тот же конец. Эти режимы разваливаются.

Политический век Путина очень недолог. То, что делает власть и прежде всего президент, категорически противоречит историческому процессу и тому пути, который для России является единственно разумным. И этот процесс сметет любого, кто будет против него. Никто не подозревал, что может развалиться великая страна Советский Союз, тем не менее развалилась как карточный домик.

Путин разрушил демократическое устройство Российского государства, систему власти, присвоив себе право быть и исполнительной, и судебной, и законодательной, и местной, и региональной. Это катастрофа! Это моя первая и самая крупная претензия к Путину. Вторая претензия в том, что Путин подавляет независимые от государства средства массовой информации. Правда, независимых в идеале не бывает, важно, чтобы они были независимы от государства.

Власть действует логично в рамках той авторитарно-тоталитарной конструкции, которую она выстраивает. И действует технологично: у Гусинского взяли в заложники Титова, у нас взяли в заложники Глушкова, у Ходорковского взяли в заложники Лебедева. И субъекты процесса одни и те же – тот же самый следователь Салават Каримов разрушал и «Медиа-Мост», и Аксененко пытался преследовать, и СИБУР разрушал, и автовазовское дело его. Один и тот же человек. И конечно, это в логике власти.

Но главная проблема даже не в поведении власти, а в поведении самого капитала, самого бизнеса. Почему-то управление своими компаниями они до сих пор не могут передоверить. А управление государством они доверяют тем, кто совершенно не заинтересован в том, чтобы отстаивать их интересы. Кто сейчас главный властный класс? Безусловно – опостылевшее слово – бюрократия. В ельцинские времена бюрократия не участвовала сама в перераспределении собственности. Она за взятки – это правда, это известно всем – перераспределяла ничью собственность, т. е. государства, она не считала ее своей. Но бюрократия не верила, что в России возможно восстановление института частной собственности, поэтому с такой легкостью за бесценок распределяла направо и налево миллионную собственность. А вот сейчас, когда бюрократы убедились, что частная собственность – это надолго, они решили сами поучаствовать в процессе ее перераспределения. Это как раз то, что происходит сегодня, – борьба за еще нераспределенную собственность и за уже распределенную собственность – процесс перераспределения.

И здесь абсолютно принципиальна позиция самого бизнес-сообщества, прежде всего олигархов. Они кто, олигархи или олигофрены? Замечу, что олигофрения – это малоумие, а не слабоумие. Кстати, так вопрос сформулировал не я, а президент Путин на одном из приемов, показывая на известного бизнесмена. Олигарх не обиделся. И мне кажется, что вот именно эта сцена как нельзя лучше характеризует и президента, и олигархов, и их взаимоотношения. Путин с самого начала объявил и последовательно реализует идею отлучения капитала от политики. Это абсолютно нереально, но конфликт с ЮКОСом – явное проявление тенденции, которую сформулировал президент. И это коснется всех обязательно.

На пути подчинения капитала власти мы можем вычленим два этапа уже теперь. Первый этап – это дела Гусинского и Березовского, и второй – Ходорковского. По значимости только эти три дела, безусловно, в «топах». В какой момент возникло противостояние президента Гусинскому и мне? В самом начале его пути, сразу после выборов. Нужно было срочно продемонстрировать свою решительность, направить послание обществу: вот, мы боремся с этими олигархами ненавистными. А на самом деле была борьба за СМИ, нужно было как можно быстрее взять их под контроль. И все это прочитали одинаково: Гусинский и Березовский занимаются политикой, поэтому на них наехали. В общем-то прочитали совершенно верно.

Как оказалось, ни пример Гусинского, ни пример Березовского не убедили капитал не участвовать в политике. И то, что создавал Гусинский, и то, что создавал я, – это компании первого ряда, не второго. И власть ударила именно по компаниям первого ряда. Другое дело, у нее было такое прикрытие, что вот эти двое лезут в политику, поэтому мы имеем право с ними так обойтись. Я уже тогда сказал: это только начало, власть будет брать под контроль капитал, причем не только крупный, но и средний, мелкий, до палатки дойдут, что бы ни говорил Путин.

Нужно точно понять, что основной источник опасности для бизнеса на федеральном, региональном, местном уровне – это существующая сегодня власть. Не случайный бюрократ, а власть, которая дала отмашку на перераспределение собственности. Я уверен, что бизнес в маленьком городке ощущает давление мента или гэбэшника (на каждом уровне есть свой Путин). Вывод: бизнес должен открыто претендовать на власть, участвовать в выборах и в думских, и в местных, и в региональных, и в президентских. Бизнес должен выдвинуть своего кандидата в президенты. И конечно, это не Путин.

В окружении Путина есть немало людей, которые могут продлить его существование у власти, именно существование. Но это люди, которые не мыслят стратегически. А что касается исполнения различных игр, в том числе политтехнологических, то там есть очень способные, талантливые люди. Всё его окружение я очень хорошо знаю, все их ходы с точностью до миллиметра понимаю, потому что никогда в своей жизни они сами ничего не придумали. Ничего! Они ничего придумывать реально не в состоянии. К сожалению, это мои друзья. Поэтому мы и были друзья: один умеет придумывать, другие – исполнять.

Путин обманывал не меня лично, а обманывал в тех идеях, которые мы с ним обсуждали. Путин изменил тем идеям, под флагом которых он приходил к власти и которые реально не только я, но и многие другие обсуждали с ним. И в этом смысле Путин обманул. Правые реально считали Путина кандидатом прежде всего либеральных сил; правые активно поддерживали Путина, и Путин действительно поддерживал правых, и поэтому очень трудно было распознать в раннем Путине то, что произошло позже. Я, не смущаясь, говорю: да, я ошибся в Путине.

Путин не в состоянии сам формулировать цели. Я не понимаю, почему нужно было воевать с Грузией. Гэбистские инстинкты взяли верх. С Грузией можно договариваться. Россия не выдержала войну с Чечней и уж точно не выдержит войну с другой кавказской страной. Путин, к сожалению, типичный продукт КГБ. Раньше мне так не казалось, когда я его знавал при иных обстоятельствах. Нынче же Путин – типичное ГБ, адекватное системе.

При этом я вовсе не отрекаюсь от своего участия в продвижении Путина. Да, мы с ним были в достаточно близких отношениях, и я был одним из инициаторов и считаю это колоссальной ошибкой постфактум. Но другой вопрос: а сделал бы я другой выбор в то время? Я точно отвечаю, что нет, другого выбора в то время я бы не сделал, поскольку выбор был чрезвычайно ограничен.

Наши пути начали расходиться еще до того, как он стал президентом, а окончательно разошлись к осени 2000 года. В этом не было никакой подлости с его стороны, никакого вполне, впрочем, традиционного для российских правителей желания избавиться от тех, кто помог подняться на вершину власти. В нашем случае все было по-другому. Инициатива разрыва полностью принадлежит мне. Ничего личного – это были серьезные идеологические расхождения.

Я – глубокий сторонник самоорганизующегося, саморазвивающегося общества. Путин – глубокий, искренний сторонник общества, контролируемого сверху. Он считает, что только так страна может развиваться эффективно. А это как раз и есть тупик и разрушение страны.

Бессмысленно пытаться угодить. Не президент отказал мне в возможности общаться с ним, а я сознательно решил противостоять ошибочным действиям Путина, совершаемым им на посту президента. Я мог бы на время сохранить наилучшие отношения с властью, если бы вел себя как прочие олигархи. Я предпочел сопротивляться. Это повышало риск

оказаться у стенки первым, но и оставляло шанс уцелеть в случае победы. Какой смысл быть последним в расстрельном ряду?

Методы я выбрал экстремальные, я эпатирую общество, и тогда это вступает в противоречие с тем, что я пытаюсь себя защищать. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что раздражаю общество, и согласен, что в России много людей меня не любит. Меня это абсолютно не волнует. Мне интересно, что я сам о себе думаю. Мне тошно лизать, как это делает большинство в Москве, тошно улыбаться человеку, который не произносит ничего разумного, а все делают вид, что он произносит что-то феноменальное, тошно аплодировать. Я никого не обвиняю: кто хочет – аплодируйте, кто хочет – улыбайтесь. Я абсолютно счастливый человек, я абсолютно не расстроен. Я не хочу победы. У меня есть картинка, какой, с моей точки зрения, должна быть Россия. Каждый имеет право на такую картинку. Вот и всё.

Приложения

Выйти из тупика!

27 апреля 1996 г. «Известия», Москва

1. Общество расколото. Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России.

Накаленность предвыборной борьбы побуждает противоборствующих политиков к тому, чтобы одним ударом разрубить узел проблем. Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы любой из сторон. Это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Ибо после июньского голосования фактически от лица меньшинства, каким бы оно ни было – красным или белым, – будет получен мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества.

В итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты. Взаимное отторжение политических сил столь велико, что утвердиться одна из них может только путем, ведущим к гражданской войне и распаду России.

В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России, объединить усилия для поиска политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие основным интересам России, самой ее государственности.

2. Российских политиков необходимо побудить к весьма серьезным взаимным уступкам, к стратегическим политическим договоренностям и их правовому закреплению. Иного выхода просто не существует. Понятна правда каждой из политических сил. Но ни одна из сил не имеет права навязывать насильственно свою правду всему обществу.

3. Мы разделяем особую озабоченность патриотических сил судьбой России, как исторически сложившегося союза народов, в котором русские играли и играют собирательную роль.

Однако надо четко проводить грань между конструктивной политикой и политическими спекуляциями на национальной теме. В России более половины детей от смешанных браков. Мы все – россияне, и попытка разделить нас на чистокровных и инородцев противоречит самой сути державного собирания народов России.

4. Деятельность отдельных политических фигур и политических партий привела к тому, что слово «демократия» превратилось для многих наших сограждан чуть ли не в синоним антигосударственности. Оплевывание исторического пути России и ее святынь, растаптывание советского периода истории России должны быть отвергнуты и прекращены.

Вместе с тем нельзя допустить, чтобы оказались дискредитированы великие идеи свободы, гражданственности, справедливости, права и правды – это и есть то главное, что несет с собой действительное народовластие. Именно это отстаивается миллионами россиян, вопреки издержкам реформ голосующими за демократов и демократию. Это голосование говорит о том, что Россия неукротимо стремится взять правовой барьер информационной и гражданской свободы. Такое стремление необходимо уважать и учитывать в политическом балансе, создаваемом во имя защиты государственных интересов России.

5. Серьезная политическая угроза таится в том, что в случае победы на президентских выборах коммунисты реально могут предпринять попытку идеологического реванша. Это дает основание в очередной раз видеть в них силу, желающую принимать окончательные и жизненно важные решения как бы от лица всего общества.

Мы понимаем коммунистов и признаем их политическую роль как выразителей интересов социальных групп, пострадавших в ходе непростых, а часто и ошибочных реформ. Однако коммунисты не должны настаивать на отказе общества от мучительных достижений последнего десятилетия. Осуждая исторические итоги этого десятилетия, обвиняя все другие силы в губительных шагах, коммунисты как минимум должны разделить с ними ответственность за развал СССР. На КПСС, преемницей которой объявила себя КПРФ, лежит и ответственность за поражения застоя. Именно под руководством КПСС страна проспала все технологические революции: современную индустриальную в 60-х годах и информационную в 70-х. Именно верхушка КПСС повинна в развале СССР. Именно этот развал повлек за собой необходимость проводить реформы в условиях дефицита государственного управления, и именно «аварийность» этого реформирования привела к столь болезненным социальным издержкам.

Используя в борьбе за власть ностальгию, тоску по безвозвратно утерянному образу жизни 70—80-х годов, коммунисты фактически делают то же, что и их противники! Те эксплуатировали несбыточную мечту населения о скором обретении западного благополучия. Эти эксплуатируют мечту о мгновенном возврате к стандартам жизни эпохи застоя. Думают ли политики о том, что произойдет после очередного неизбежного разочарования народа?

6. Между тем ко второй половине 90-х годов процесс реформ все же начал давать определенные, хотя и слабо ощутимые результаты. Суля возврат утерянного, на деле легко лишить страну этих трудно и мучительно достигаемых приобретений и лишь умножить утраты, еще сильнее дестабилизировать общество. Тот, кто игнорирует это

обстоятельство, берет на себя всю тяжесть политической и исторической ответственности за очередную государственную и социальную катастрофу.

7. Последние действия различных политических сил подтверждают наши худшие опасения. Налицо вытеснение государственных интересов узкополитическими целями. Угроза государственного кризиса, вызванная необдуманной денонсацией Беловежских соглашений, – вот один из тревожных моментов предвыборного противостояния, когда Государственная дума причинила явный ущерб государственности. Реализация этих инициатив превратила бы Россию в мини-СССР, который вскоре мог быть развален тем же способом, каким развалили большой Союз в 1991 году.

Говоря об этом, мы вовсе не хотим демонизировать одну из сторон. Ущерб государственности наносят и действия нынешней власти. Неэффективная политика в Чечне, создавшая угрозу целостности России, – вот еще один из эпизодов обесценивания государственности в угоду политике.

Трагичность нынешней ситуации как раз и состоит в том, что политическая борьба толкает каждую из основных сил на действия, вольно или невольно наносящие ущерб и без того хрупкой государственности России.

8. Мы понимаем, что в стране найдутся группы, желающие наращивать политическую напряженность. Найдутся и сознательные, упорные антигосударственники. Мы не хотим заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой! Те, кто посягает на российскую государственность, ставя на идеологический реваншизм, на социальную конфронтацию, должны понимать, что отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспринципных, и на слишком бескомпромиссных политиков.

Россия должна войти в XXI век процветающей, великой державой. В этом наш долг перед нашими предками и потомками.

Президент группы «ЛогоВАЗ» Б.А. Березовский,
председатель Правления Сибирской нефтяной компании В.А. Городилов,
председатель Совета директоров группы МОСТ В.А. Гусинский,
президент КБ им. Яковлева А.Н. Дундуков,
президент МАК «Вымпел» Н.Б. Михайлов,
президент нефтяной компании «ЮКОС» С.В. Муравленко,
президент компании «Роспром» Л.Б. Невзлин,
президент-генеральный директор АО «АвтоВАЗ» А.В. Николаев,
председатель правления КБ «Возрождение» Д.Л. Орлов,
президент АКБ «Онексимбанк» В.О. Потанин,
президент АКБ «Столичный банк Сбережений» А.П. Смоленский,
председатель Совета директоров консорциума «Альфа-группа» М.М. Фридман,
председатель Совета директоров банка «Менатеп» М.Б. Ходорковский

**Распечатка видеозаписи с обращением Бориса Березовского к президенту России
Б.Н. Ельцину**

9 декабря 1996 г. «Новая газета», Москва

Добрый день, Борис Николаевич!

Вы знаете, что покушение, которое было на меня совершено седьмого июля прошлого года, не было раскрыто, хотя Вы дали прямые указания министрам серьезно заняться этим делом. Но тем не менее время от времени у меня появлялись сотрудники районного управления, Москворецкого, с теми или иными версиями. Совсем недавно они активизировали свое появление. Наверное, три недели тому назад. Они пришли и привели с собой еще одного человека. Ко мне пришел г-н Кожевин Сергей Львович, его помощник. Они привели человека, которого они представили как человека – «вора в законе». И сказали, что этот человек знает, кто заказывал на меня убийство в прошлый раз, и сейчас на меня готовит новое покушение. За то, чтобы открыть, кто это делал, кто задумал, они потребовали гарантии, не они, а этот «вор в законе». Гарантии в виде оплаты и гарантии в виде защиты его от дальнейших действий, которые могут создать для него проблемы. Это все происходило в присутствии сотрудников РУВД Москворецкого. Собственно, они и были инициаторами этой встречи. Я сказал, что я должен подумать, я спросил, о какой сумме идет речь. Они мне назвали общую сумму в 500 тысяч долларов, сказали, что я могу выплачивать ее частями.

К следующей встрече я должен был дать ответ.

Я попросил своих сотрудников безопасности Сергея Соколова и Сергея Кулешова записать наш разговор на аудио– и видеопленку, чтобы иметь доказательства того, что меня шантажировали. Этот разговор был записан на видеокамеру г-ми Соколовым и Кулешовым, и была назначена следующая встреча, когда мы обговорили условия, сколько я должен им заплатить. На следующую встречу я пришел... они пришли опять ко мне. Я к этой встрече подготовил деньги – 200 тысяч долларов. И в результате торга, записанного на пленку в присутствии г-на Кожевина Сергея Львовича и еще одного сотрудника, я передал сумму в 100 тысяч долларов этому человеку по имени Николай, который был охарактеризован сотрудниками РУВД как «вор в законе». Передача денег произошла двадцать восьмого февраля. Первого марта рано утром я улетел в составе делегации нашей в Лондон вместе с Виктором Степановичем Черномырдиным. И там вечером я получил сообщение, что убит Влад Листьев. Я взял чартерный самолет и вернулся назад. Я конечно же абсолютно в тот момент не связывал предыдущие события с гибелью Влада.

В субботу (это было в субботу, когда Вы улетели вместе с Александром Васильевичем и Михаилом Ивановичем) я был на панихиде по случаю кончины Влада. Мне позвонили туда сотрудники и сказали, что в «ЛогоВАЗе» намечается обыск и приезд ОМОНа. Я был страшно удивлен и обратился к находившемуся тут же Олегу Ивановичу Сосковцу с просьбой помочь мне выйти на УВД и МВД, чтобы понять, в чем дело.

Олег Николаевич соединился с Ериным Виктором Федоровичем, и Виктор Федорович заверил Олега Николаевича, что это недоразумение и ничего, собственно, не будет происходить. Когда я приехал после панихиды, около трех часов дня, в офис «ЛогоВАЗа», в Дом приемов «ЛогоВАЗа», я обнаружил там людей, которые представились как сотрудники РУОПа. Они предъявили ордер на обыск и ордер на допрос меня в качестве свидетеля.

Я спросил, что, собственно, они рассчитывают найти в доме приемов «ЛогоВАЗа». На это после приблизительно часовой беседы мне был дан ответ, что они нуждаются лишь в уставе ОРТ. Конечно, этот устав ОРТ был им немедленно предоставлен. Но тем не менее совершенно непонятным остался вопрос, почему это надо было делать группой вооруженных людей и зачем нужен был обыск. После этого в течение девяти часов они

занимались прямым давлением и шантажом. В конечном счете они потребовали, чтобы мы проехали с ними в РУОП для дачи показаний, но вся эта история откровенно смахивала на провокацию, и я обратился к Ильюшенко через помощника А.В. Коржакова, потому что его в этот день не было, он был с Вами. Ильюшенко дал указание своему первому заму Узбекову. И Узбеков в свою очередь позвонил в Дом приемов «ЛогоВАЗа» и дал прямое указание находившимся там сотрудникам РУОПа, чтобы те не забирали меня и моего заместителя Бадри в милицию. А сняли показания здесь... Но тем не менее они не выполнили этого указания, и давление продолжалось в течение девяти часов. В течение всего этого времени «ЛогоВАЗ» был окружен группой вооруженных людей.

Вчера по НТВ была показана передача в программе «Итоги», где, ну... в полужавуалированном виде я выставляюсь как человек, который и задумывал, и осуществлял покушение на Влада Листьева. При этом понятно, что эта версия готовилась не один день. Все было подготовлено заранее.

По другой информации, есть «вор в законе», который сидит, который дал показания, что мой заместитель г-н Патаркацишвили заказывал убийство Влада. И в связи только с тем, что его арестовали, он не смог выполнить поручение.

Из этого совершенно однозначно определяется, что все было спланировано заранее, потому что этот человек был арестован еще до убийства Влада. Поэтому становится совершенно однозначно, откуда идут все эти действия.

Борис Николаевич! То, что это является провокацией, ну у меня лично не возникает никаких сомнений.

<...> Но самое главное, Борис Николаевич, не в этом. Самое главное, Борис Николаевич, непонятно, кто сегодня является властью. Я говорю это Вам не чтобы подзадорить на те действия, на которые Вы решились. Этого уже недостаточно, Борис Николаевич! Москвой управляете уже не Вы. Это уже реальность.

Управляете ли Вы Россией? Борис Николаевич, я не сомневаюсь в бесконечной преданности делу, которое Вы делаете. Но Ваших людей подставляют, Ваших людей один за одним уводят из-под Вас. Спасибо.

Лицом к лицу. Второй геополитический выбор Запада в XX веке

19 февраля 1997 г. «Независимая газета», Москва

Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт сегодня приезжает в Москву с целью уверить нас в миролюбивых намерениях НАТО в связи с планом расширения этого военного союза на восток. Ее заместитель Струоб Тэлботт признает в своей статье в «Нью-Йорк таймс» обоснованность опасений, что расширение НАТО может усилить позиции противников демократии и реформ в России. Господин Тэлботт призывает российское руководство объяснить народу, что на самом деле план приблизить самую совершенную военную машину в истории к нашим границам – мероприятие в высшей степени безобидное.

Второй раз в уходящем столетии западная демократия стоит перед стратегическим выбором – принять или нет Россию в свой круг. Естественно, что и в России мнение по этому вопросу неоднозначно. Но сегодня в силу того, что инициатива в принятии этого решения исходит от Запада, следует прежде всего проанализировать мотивацию

западную.

Не вдаваясь в исторические подробности, можно констатировать, что в начале XX века, когда Россия начала делать только первые, робкие, но успешные шаги по пути либеральной экономики, Запад распознал могучий потенциал, который стал реализовываться. Конечно же направление действия этого потенциала огромной, по существу, феодальной империи было трудно предсказуемо. Но альтернатив, с которыми столкнулся Запад, было всего лишь две: либо попытаться интегрировать этот начинающий извергать из себя энергию континент с безусловно неочевидными последствиями для самой молодой западной демократии, либо попытаться отгородить этот континент от себя.

Решение и последствия этого решения известны. При этом конечно же речь не идет о каком-либо сговоре, но безусловно, что это решение было следствием менталитета политического истеблишмента того времени, прежде всего западноевропейского, с опаской отнесшегося к усиливающемуся конкуренту. Необходимо и важно отметить, что Россия сама не имела точного понимания пути предпочтительного развития и не проявляла действенного желания к интеграции.

Выбор пути, которым Россия проществовала в течение предшествующих более чем семи десятков лет, а также внутренние (например, фашизм в Германии) и внешние (например, постоянная угроза агрессивного коммунистического соперника) факторы смертельно опасного давления на западную демократию в значительной степени явились прямым следствием отгорождения России в то не такое уж далекое, а для истории – ничтожное время.

Семьдесят с лишним лет понадобилось России, чтобы самостоятельно убедиться, что экономические законы писаны Господом Богом, а не изрекаются вождем. Дорого расплачивается Россия за этот урок: распалась империя, колоссальные внутренние напряжения раздирают саму Российскую Федерацию. Мы осознали наконец неизбежность возврата к либеральной экономике, но пока еще не нащупали каркас будущего либерального политического устройства России, мы, как и в начале века, не сформулировали стратегические ориентиры. И сегодня, как в начале этого века, как будто ничего не произошло в нем трагического, уже немолодая западная демократия не проявляет мудрости в ситуации, почти сходной с той, которая существовала сто лет назад, в начале XX века, делает тот же, как теперь уже точно известно, ошибочный выбор.

Не должно быть никакого лицемерия в отношении проблемы расширения НАТО – это, прежде всего, принципиальное решение Запада о невозможности интеграции с Россией, и, как показал глобальный исторический эксперимент, это решение тотально агрессивно по отношению к России и исключительно опасно для самого Запада. В этом должна быть абсолютная ясность.

Одновременно сегодня по сравнению с тем недавним временем существует по крайней мере одно существенное различие в понимании обсуждаемой проблемы: Россия в обозримом будущем самостоятельно не преодолет путь к демократии западного типа. Это означает, что Запад должен сравнить риски: иметь в будущем дело с агрессивным соперником или наконец совершить трудную попытку интеграции с Россией. При этом и в том и в другом случае расплачиваться придется как Западу, так и России, но в первом случае – за разрушение, а во втором – за созидание. В новейшей истории, в 1991 году, перед аналогичным, но значительно менее масштабным выбором стояла Германия.

Да, к сожалению, сегодня уже не только объективные факторы положены на чашу весов. Влиятельные политические группы на Западе и Востоке, в Польше, Венгрии, Прибалтике,

в других странах, а с запозданием – и в России, включились в политическую игру; уже личная репутация ведущих политиков становится аргументом в решении исторического вопроса. Но этого, безусловно, недостаточно, чтобы еще и еще раз не попытаться сделать первый век третьего тысячелетия счастливее последнего в уходящем, не представляя этого на страшный Господень суд.

Борис Абрамович Березовский
Заместитель секретаря
Совета безопасности Российской Федерации,
член-корреспондент РАН

Жалоба на прекращение уголовного дела

На № 29/00/008-98
Главному военному прокурору
От 02.10.98
господину ДЕМИНУ Ю.Г.

Уважаемый Юрий Георгиевич!

3 октября 1998 года я получил письмо старшего следователя по особо важным делам при Главном военном прокуроре полковника юстиции Павлова Н.И., коим уведомлен о прекращении уголовного дела, возбужденного по моему заявлению в отношении бывшего начальника Управления ФСБ РФ Хохолькова Е.Г. и его заместителя Камышникова А.П., на основании п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР – за отсутствием состава преступления.

Противоправность такого решения для меня очевидна, хотя следователь не прислал мне копию самого постановления.

Сотрудники ФСБ Литвиненко, Шебалин и др., встретившись со мной, совершенно определенно заявили, что в конце декабря 1997 года Камышников на служебном совещании в присутствии офицеров отдела отдал распоряжение подполковнику Литвиненко убить меня. Вряд ли на допросах они дали иные показания.

В письме следователя Павлова Н.И. это распоряжение расценивается как «необдуманные высказывания, дискредитирующие Камышникова как руководителя», но вместе с тем не свидетельствующие «о намерении организовать совершение убийства». Вполне возможно, Камышников и не собирался лично организовывать мое убийство или руководить его исполнением, но юрист в ранге старшего следователя по особо важным делам, конечно, знает, что уголовный закон карает не только организаторов, но и подстрекателей к преступлению, а приказ или устное распоряжение, адресованное начальником своим подчиненным, является классической формой подстрекательства (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под общей редакцией Генерального прокурора Российской Федерации Скуратова Ю.И. и Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В.М. М., 1996. С. 85). Разумеется, известно следователю и то, что неудавшееся подстрекательство (подчиненные Камышникова не выполнили и не собирались исполнять его заведомо преступное распоряжение) квалифицируется как приготовление к соучастию в преступлении и виновный несет уголовную ответственность (Там же. С. 89–90). Поэтому

процитированный отрывок из письма Павлова я не могу расценить иначе, как попытку ввести меня в заблуждение относительно юридической сущности действий Камышникова.

Прекращение уголовного дела тем более удивительно в свете материалов, которыми, безусловно, располагает следствие, о том, что 15 мая 1998 года заместитель начальника 7-го отдела УРПО ФСБ РФ Енин Н.В. в присутствии нескольких сотрудников отдела нецензурно оскорблял Литвиненко и угрожал ему физической расправой за то, что тот «не дал патриотам Родины» убить меня. Данный факт, подтвержденный служебным расследованием (Енину, насколько мне известно, объявлено замечание (?)), не оставляет сомнений в характере «необдуманных высказываний» как Камышникова на служебном совещании, так и Хохолькова (его и Енина начальника) при встрече со своим подчиненным Гусаком.

Считаю, что дело прекращено незаконно. Прошу постановление следователя Павлова Н.И. от 30 сентября 1998 года отменить, следствие возобновить и привлечь виновных к уголовной ответственности.

Исполнительный секретарь СНГ

Б. Березовский

06.05.98

Письмо директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации г-ну Путину В.В

13 ноября 1998 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

Уважаемый Владимир Владимирович!

Вопросы государственной безопасности вынудили меня написать Вам письмо. Я решил к Вам обратиться через газету по единственной причине – многие годы наших с Вами добрых отношений, как это уже не раз бывало в моей жизни, особенно в последнее время, мои трепетные оппоненты будут использовать как аргумент в пользу Вашего неслучайного внимания к моим опасениям. Так вот, ничего тайного, что скрыто от посторонних глаз, ни в существе вопроса, ни в моей надежде на Вашу порядочность и профессионализм нет. Я убежден, что Вы как руководитель ведомства, отвечающего за защиту конституционного строя, в основе которого продекларирована демократия, должны обеспечить скрупулезное расследование имеющихся у меня фактов, которыми я располагаю.

Как Вам известно, в течение всего периода реформ, но особенно в последнее время, экстремистски настроенные лидеры левых политических партий и движений, стремясь к власти, пытаются учинить расправу над неугодными им людьми. Одновременно активно разыгрывается национальный вопрос, публично раздаются призывы к насилию, о чем свидетельствуют недавние выступления Макашова А. и др., а также поддержка, оказанная лидерами КПРФ этим силам.

Особое беспокойство вызывает то, что бывшая партноменклатура, пробравшаяся за счет популистских лозунгов на государственные посты, извращая, саботируя и дискредитируя все положительное, что достигнуто реформами последнего времени, старается показать, что лучший путь – возврат к прошлому, к которому и следует вернуться путем продвижения на руководящие посты членов КПРФ и им сочувствующих. Это необходимо,

чтобы снова узаконить старую систему распределения и управления людьми, контроля над СМИ, расправы с неугодными.

Имеющаяся у меня информация указывает на то, что подобные процессы происходят и в Вашем ведомстве, а может быть, и инспирируются теми руководителями ФСБ России, которые по своим убеждениям не приемлют демократических преобразований.

В частности, в мою бытность заместителем секретаря Совета безопасности России и позже ко мне обращалось немало сотрудников ФСБ РФ, указывающих на произвол и беззаконие в отношении их со стороны руководства за принципиальную позицию в борьбе с организованной преступностью и терроризмом. Так, в марте 1998 года и позже от офицеров УРПО ФСБ РФ – полковника Шебалина В., подполковников Гусака А., Литвиненко А., Скрябина А., майоров Понькина А., Круглова И., Ермолова С., Щеглова Г. и старшего лейтенанта Латышонка К. мне стало известно, что руководители Управления генерал-майоры Хохольков Е., Степанов Н., капитан 1-го ранга Камышников А., подполковник Енин Н. и др., используя свое служебное положение, отдавали противоправные распоряжения, связанные с совершением террористических актов, убийств, захватом заложников, вымогательством крупных денежных сумм.

В ноябре – декабре 1997 года Хохольков и Камышников поставили перед подчиненными задачу убить меня, о чем мне сообщили сотрудники ФСБ и о чем при личной встрече я рассказал тогдашнему Директору ФСБ РФ генералу армии Ковалеву Н., который обещал во всем разобраться. Однако, вместо объективного разбирательства, Ковалев поставил в известность о нашем разговоре Хохолькова. Последний в свою очередь, используя данную ему власть, начал оказывать давление на подчиненных, склоняя их к отказу от сказанного.

Понимая, что Ковалев фактически находится с ними в сговоре, я обратился к заместителю главы Администрации Президента России Савостьянову Е. После этого Шебалин, Литвиненко, Гусак, Латышонко и Понькин были вызваны в Администрацию Президента, где написали рапорта о случившемся.

По вышеперечисленным фактам, после дополнительной проверки, Главная военная прокуратура России возбудила уголовное дело. В ходе расследования, которое длилось шесть месяцев, факты подтвердились. Тем не менее уголовное дело вскоре было закрыто. Явно незаконное решение следователя мною было обжаловано, и предварительное следствие возобновлено.

Владимир Владимирович, меня удивляет тот факт, что уже после Вашего назначения действиям упомянутых руководителей не дано должной оценки, а они пошли на повышение: Хохольков Е. назначен одним из руководителей Госналогслужбы России; Камышников А. откомандирован в распоряжение начальника Оперативного управления Департамента по борьбе с терроризмом ФСБ РФ.

Сотрудники, сообщившие в прокуратуру о противоправных действиях руководства, подвергаются моральному и физическому давлению, предпринимаются попытки к их незаконному увольнению.

В 1998 году в беседе со мной в присутствии подполковника Литвиненко А. генерал-полковник Трофимов А. сказал, что в убийстве Листьева замешаны спецслужбы России, о чем ему сообщил лично еще предшественник Н. Ковалева.

После разоблачительных публикаций в отношении А. Коржакова и его друзей корреспондентом «Новой газеты» А. Минкиным на квартиру последнего было совершено разбойное нападение «неизвестных» лиц.

После отказа выплатить крупную сумму денег А. Коржакову было совершено покушение на убийство президента Национального фонда спорта Бориса Федорова.

Обо всех этих фактах я сообщал Генеральному прокурору России Скуратову Ю. и другим должностным лицам, но мои заявления оставались без ответа, и сейчас их опять пытаются не заметить. Анализируя факты, я имею все основания предполагать, что заместитель Генерального прокурора России Катышев М., курирующий следствие и ответственный за проведение объективного расследования, как минимум подвержен влиянию со стороны бывших своих коллег по работе и партии, наиболее реакционно настроенных лидеров левого крыла КПРФ Илюхина В., Макашова А. и др., и именно это обстоятельство не позволяет найти и разоблачить преступников.

Владимир Владимирович, Вам от предшественников досталось тяжелое наследство. Криминальные элементы и коррумпированные ими чиновники на разных уровнях, в том числе и в Вашем ведомстве, наносят удар по людям, не согласным опять идти в стойло. В стране нарастает уголовный террор.

Уголовники вместе с красно-коричневыми рвутся к власти. Они прекрасно понимают, что в свободной стране, где нормы демократической морали надежно защищены строгим соблюдением закона, им места не будет.

Факты и проблемы, которые я изложил, не считаю частными, а тенденцией – тенденцией смертельно опасной для России.

Прошу использовать имеющуюся у Вас власть для наведения конституционного порядка.

С уважением,

Член-корреспондент Российской академии наук

Б. Березовский

11.11.98

Заявление для СМИ директора ФСБ России В. Путина

18 ноября 1998 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

В последнее время усилились нападки и критика со стороны представителей различных политических групп в адрес Федеральной службы безопасности. Со стороны заказчиков с явно левыми убеждениями звучат обвинения в «возрождении в ФСБ политического сыска и откровенной слежке за оппозицией», переориентации ведомства на «защиту частной собственности» в ущерб деятельности по борьбе с терроризмом и шпионажем (как, например, в недавней публикации в еженедельном приложении «Деловой вторник» к газетам «Трибуна» и «Труд»). С другой стороны, справа делаются заявления о ФСБ как о некоей тайной силе – «штурмовом отряде партии социального реванша», о засилье в ней сторонников жесткой руки и наличии коррупции.

Определенное время мы оставляли без официальных комментариев подобного рода инсинуации, так как считали не делом спецслужб вступать в публичную политическую полемику. Однако ряд последних публикаций требует адекватной реакции, в том числе и открытое письмо на мое имя Б. Березовского, опубликованное 13 ноября в газете «Коммерсантъ».

В нем меня призывают к решительным мерам по «наведению конституционного порядка» в стране, предупреждают о наличии в ФСБ некоего «заговора партноменклатуры», покрывающей преступников, о начале гонений на людей, «не согласных идти в стойло». В этой ситуации как руководитель ведомства я не могу отмолчаться. Прежде всего потому, что новые российские органы безопасности, защищающие общенациональные интересы, фактически ставятся в один ряд с силами экстремистской и чуть ли не уголовной направленности. Для нас такое сравнение оскорбительно.

Только за последние месяцы наша служба предотвратила ряд серьезных преступлений, связанных с терроризмом, захватом заложников, контрабандой и незаконным перемещением через границу различных ценностей, наркотиков и т. п. Практически ежедневно телевидение и пресса передают репортажи о той или иной операции ФСБ.

Обозначу перед российской общественностью свою твердую позицию. Я, как и мои предшественники, назначен на пост директора ФСБ в соответствии с Конституцией президентом России Б.Н. Ельциным. Он, и только он, а не другие политические деятели любого калибра и ориентации в соответствии с законом «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» определяет направления и задачи ФСБ. Одна из основных установок президента выражается в том, что ФСБ никогда и ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в политических играх, как бы ни пытались нас в них втянуть.

Служба, действуя строго на основе и в рамках закона, защищает конституционный строй, обеспечивает безопасность личности, общества и государства от угроз, откуда бы они ни исходили. Думается, что такой принципиальный подход поддержит любой государственно мыслящий человек.

В.В. Путин

Письмо директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации г-ну Путину В.В

Уважаемый Владимир Владимирович!

В середине февраля 1995 года в Дом приемов АО «ЛогоВАЗ» по адресу: г. Москва, улица Новокузнецкая, дом 40 на автомашине ВАЗ-2109 бежевого цвета с гос. номером 03-70 ММХ прибыли сотрудники МВД РФ, принимавшие участие в раскрытии покушения на меня, происшедшего в июне 1994 года: заместитель начальника ОУР 6-го РУВД г. Москвы майор милиции Кожанов Сергей Львович (раб. тел. 233-54-72), сотрудник 6-го РУВД Коняев Николай (раб. тел. 233-26-92) и начальник 4-го отделения УУР ГУВД г. Москвы капитан милиции Зиновьев Игорь Викторович (раб. тел. 200-66-24), которые привели с собой ранее судимого за убийство члена организованной преступной группировки г. Омска Плеханова Николая Александровича, угол. кличка Кот. В ходе личной встречи Кожанов С.Л. рассказал мне, что Плеханов Н.А. является одним из организаторов и исполнителей покушения на меня, совершенного 7 июня 1994 года путем взрыва автомашины перед Домом приемов АО «ЛогоВАЗ». Кожанов С.Л. заявил мне также, что Плеханову известны заказчики и мотивы данного преступления, после чего рекомендовал мне переговорить с Плехановым и принять его условия (Плеханов просил за указанную информацию 500 тысяч долларов США). Кроме того, Кожанов пояснил, что

данное преступление раскрыть будет практически невозможно, т. к. кругом «мафия», все куплено, ему не дают работать, отстраняют от расследования данного дела, и что начальник московской милиции генерал-лейтенант Панкратов куплен финансовой группой «Мост» и тот факт, что ему удалось разыскать Плеханова и привезти его ко мне, – это является успехом в работе. После этого Кожанов представил мне Плеханова, который рассказал, что покушение на меня заказал Зиберев Александр Григорьевич (замдиректора «АвтоВАЗа» Каданникова). Основным организатором являлся уголовный авторитет Козубенко (кличка Козубен), близкая связь «вора в законе» Иванькова В. (кличка Япончик). Мотивом покушения является конкуренция, которую я якобы создал на автомобильном рынке. Также Плеханов указал, что в настоящее время готовится и уже проплачено еще одно покушение на меня или на кого-то из моего близкого окружения, мотивом которого является или автобизнес, или моя работа на телевидении. Также Плеханов рассказал, что принимал участие на сходке «воров», где решался вопрос о разделе автобизнеса и телевидения. В качестве доказательства сказанного Плеханов предложил мне купить у него за 500 тысяч долларов США кассеты с записями разговоров Зиберева и Козубенко, где они говорят о вышеупомянутом преступлении. Причем 250 тысяч долларов США нужно в качестве задатка, а 250 тысяч долларов США – после предоставления кассет. Плеханов пояснил, что Козубенко располагает огромными связями в г. Омске, близко знаком с Носовцом и его женой (директором местного телевидения). Козубенко работает с Зиберевым с начала 80-х годов, когда они вместе занимались хищением автомобилей в г. Тольятти (за убийство одного из подельников Плеханов сидел в тюрьме). 28.02.95 года я передал Плеханову и Кожанову 100 тысяч долларов США.

По данным фактам мной было написано заявление о противоправных действиях сотрудников милиции в ФСБ России. Заявление принял следователь Павленок В., которому я также передал для приобщения к материалам видео– и аудиозаписи момента передачи денег перечисленным выше милиционерам и переговоров с ними. До настоящего времени ответа на свое заявление я не получил и мне неизвестно решение, которое было по нему принято в соответствии со ст. 109 УПК России. В то же время, как мне известно, часть купюр, переданных мной при указанных выше обстоятельствах милиционерам, в тот период времени были обнаружены в ходе обысков в квартирах Кожанова С., Коняева Н. и Плеханова Н. Несмотря на это, перечисленные сотрудники милиции продолжили свою службу в органах МВД России на руководящих должностях, а Кожанов получил звание подполковника.

Деньги, полученные от меня мошенническим путем милиционерами и Плехановым, до настоящего времени мне не возвращены. Обещанные ими кассеты с записями разговоров заказчиков покушения на меня не представлены.

1 марта 1995 года было совершено убийство директора ОРТ Листьева В. Насколько мне известно, через два часа после происшествия в штаб по раскрытию преступления поступил факс, из которого следовало, что основным подозреваемым следует считать меня.

3 марта 1995 года в Дом приемов АО «ЛогоВАЗ» прибыл начальник 6-го отдела РУОП г. Москвы Казаков Валерий Валентинович (раб. тел. 237-03-14) в сопровождении автоматчиков и группы телевизионщиков НТВ для проведения обыска и привода меня на допрос к следователю по делу об убийстве Листьева.

Один из следователей заявил, что «Березовского мы все равно посадим», когда слетит его «кремлевская крыша». При этом хочу отметить, что на допрос меня пытались

доставить именно в 6-е РУВД г. Москвы, одним из руководителей которого являлся Кожанов С.Л. Подозревая в действиях сотрудников МВД РФ возможную провокацию и то, что ранее я написал на них заявление в ФСБ России, я обратился к офицерам ФСБ России, ранее участвовавшим в документировании противоправной деятельности упомянутых милиционеров, с просьбой защитить меня как заявителя. Что ими и было сделано с санкции руководства.

Мне также известно, что Зиберев в день покушения на меня, после взрыва, провел совещание, где заявил, что я якобы отстранен от дел в «ЛогоВАЗе». Одним из свидетелей, участником названного совещания, являлся Гафт М.Г., трагически погибший в 1995 году.

С учетом вышеизложенного, а также имевших место публикаций и заявлений в средствах массовой информации о том, что сотрудники ФСБ России, отказавшиеся исполнять незаконное распоряжение своего руководства о моем физическом устранении, ранее за деньги охраняли меня (что является клеветой), и того факта, что некоторые из них в настоящее время уволены со службы, прошу Вашего указания:

1. Дать мне официальный ответ на мое заявление по факту получения от меня мошенническим путем 100 тысяч долларов США указанными выше офицерами милиции в феврале 1995 года.

2. Провести служебное разбирательство по факту клеветнических высказываний в отношении офицеров ФСБ России, охранявших меня как заявителя с санкции руководства в марте 1995 года, в частности заявления о том, что они являлись моими охранниками и получали от меня за это деньги.

С уважением,
член-корреспондент РАН
Березовский Б.А.
« декабрь 1998 года

Личные свободы – главный закон демократического общества **Открытое письмо президенту Российской Федерации Владимиру Путину**

31 мая 2000 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

Уважаемый Владимир Владимирович!

Цель этого письма – начать открытое, аргументированное общественное обсуждение недавнего указа об образовании семи федеральных округов и пакета федеральных законопроектов, которые, как вы сказали в своем телевизионном обращении к народу, являются механизмами «нашего демократического государственного строя» и ставят целью реализовать комплекс мер «по укреплению единства государственной власти, обеспечению верховенства Конституции» и «федеральных законов» и развить «подлинно конституционные принципы федерализма».

Я, как и многие люди в нашей стране, убежден в искренности ваших намерений и в воле сделать Россию мощной и процветающей, а ее граждан живущими в достатке и благополучии. Проблема, которую вы подняли, является ключевой для нашего будущего: как совместить принципы свободы и демократии с необходимостью эффективного управления огромной страной.

В вашем обращении прозвучали все ключевые слова: «демократия», «федерализм»,

«сильная власть», «верность Конституции». Именно с позиций этих базисных для государственного устройства России категорий я и пытался оценить вышеназванные документы и, к сожалению, пришел к выводу, что они не соответствуют поставленным задачам и принесут больше вреда, чем пользы.

Начну с резюме.

Резюме

Выпущенный указ и подготовленный пакет федеральных законов имеют целью усилить властную вертикаль. Однако они являются попыткой решить реальную проблему неадекватными методами. Предлагаемые изменения антидемократичны, так как в случае принятия они нарушают систему балансов внутри власти, необходимую для нормального функционирования любого демократического государства и рыночной экономики, существенно расширяют полномочия исполнительной власти за счет законодательной и ограничивают участие граждан в представительном управлении государством. Они еще больше расшатывают устои федерации, так как усложняют взаимоотношения между центром и регионами, ослабляют и запутывают существующую вертикаль управления и приведут к консолидации региональных элит в направлении их обособления. В результате эффект нововведений будет обратным желаемому. Многие аспекты законодательства внесут неразрешимые противоречия и хаос в юридические основы конституционного правопорядка и федерального устройства государства.

Теперь попробую обосновать такое заключение, касающееся существа и формы обсуждаемой проблемы.

1. Нарушение демократии

Вертикальное разделение властей составляет базовый элемент демократического правопорядка наряду с горизонтальным разделением на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Как в горизонтальном, так и в вертикальном разделении основополагающими элементами являются независимость разных властных структур друг от друга, четкая разграниченность полномочий отдельных институтов власти, выборность, представительность и подотчетность избранной власти народу. В совокупности горизонтальное и вертикальное разделение властей является гарантией против произвола и узурпации власти. Соблюдение основных принципов вертикального разделения властей является одним из кардинальных устоев демократии. Иными словами, «плохой» избранный руководитель лучше, чем «хороший» назначенный сверху, ибо система назначений порочна в принципе.

Предложения по отстранению выборных руководителей от должности и назначению сверху временно исполняющих их обязанности, а также по роспуску выборных органов:

- нарушают принципы независимости, выборности, представительности и подотчетности избирателям;
- расширяют полномочия президента в нарушение Конституции, которая дает исчерпывающий перечень должностных лиц, назначаемых и отстраняемых президентом. Главы субъектов федерации в этот перечень не входят. Предложения по формированию Совета Федерации из представителей губернаторов и местных законодательных собраний:
- противоречат принципам выборности, представительности и подотчетности законодателей избирателям, так как представители народа будут избраны не в ходе прямых состязательных выборов, а назначены в результате политических сделок и

компромиссов, неизбежных на уровне местных законодательных органов;

– противоречат функции Совета Федерации как палаты регионального представительства, так как депутаты, назначенные региональными законодательными собраниями, реально будут представлять партии большинства на местах. В результате Совет Федерации превратится в партийную палату – вариант Государственной думы, в которой партийная лояльность будет преобладать над региональной;

– ослабят роль Федерального Собрания как независимого субъекта горизонтального разделения властей на федеральном уровне, так как неизбранная палата не будет рассматриваться исполнительной и судебной ветвями как полноправный участник политического процесса. В результате баланс сдержек и противовесов сместится в сторону исполнительной власти не только по вертикали, но и по горизонтали.

В совокупности вышеуказанные предложения значительно ущемляют права местного самоуправления, нарушают равновесие в демократическом разделении властей и создают предпосылки для установления унитарных и авторитарных режимов – как на уровне субъектов федерации, так и во всероссийском масштабе.

В контексте мирового опыта федерализма нынешнее российское государственное устройство соответствует скорее североамериканской и европейской моделям, основанным на децентрализации власти, которые зарекомендовали себя в обеспечении политической стабильности. Предлагаемое законодательство переведет Россию в категорию латиноамериканской модели федерализма, характеризующегося чрезмерной централизацией, несущей за собой нестабильность и высокую вероятность недемократических форм правления.

2. Ослабление федерализма и вертикали власти

Смысл федеральной организации государства состоит в рациональном балансировании реальных, объективных противоречий между центральными и местными интересами. Устойчивость федеральной структуры в гораздо меньшей степени зависит от контроля сверху, сколько от обратной связи и саморегулирующих импульсов снизу. Предлагаемые меры усиливают контроль сверху вниз, но ослабляют обратную связь снизу вверх за счет снижения самостоятельности местной власти и представительности ее в центре. В результате усиление контроля будет сопровождаться снижением эффективности управления.

Логично предсказуемы следующие негативные тенденции:

– главы субъектов федерации будут компенсировать ослабление на федеральном поле путем увеличения своего влияния в масштабах региона – используя нововведенное право смещать руководителей местных администраций. Помимо ослабления демократии на местах (см. выше) такая консолидация местных элит приведет к возникновению закрытых, коррумпированных монолитных местных бюрократий, подобных партийно-административным элитам союзных республик бывшего СССР. Исполнение функций федеральной власти в таких монолитных образованиях будет гораздо сложнее, чем в ситуации независимости местного самоуправления от губернаторов;

– концентрация федеральных функций в шести (в дополнение к Москве) центрах приведет к возникновению де-факто «межрегиональных столиц», что нарушает принцип равенства субъектов федерации, неизбежно приведет к несправедливости в распределении федеральных ресурсов, появлению региональных лидеров «первого» и «второго» сорта, а

в долгосрочном плане может способствовать дезинтеграции России за счет возникновения мощных, экономически и политически интегрированных межрегиональных объединений;

– зависимость местных руководителей от кадровых решений вышестоящего уровня власти приведет к невосприимчивости властной вертикали к реальным проблемам на местах. Боязнь санкций сверху парализует отстаивание местных интересов снизу, которое в настоящее время является основным механизмом вовлечения федеральной власти в решение местных проблем;

– предлагаемое законодательство ставит перед администрацией президента РФ задачу практически тотального отслеживания событий на местах с принятием в случае необходимости наказательных мер, а также существенное вовлечение в кадровые вопросы, подобно прежней системе партийных органов. Осуществление этих ныне несвойственных администрации президента функций и полномочий потребует создания соответствующего аппарата, привлечения ресурсов и так далее. По существу, возникает новая вертикальная властная структура, функционирующая параллельно с существующими вертикальными федеральными структурами (МВД, ФСБ, Минюст, Минздрав, Минобрнаука и так далее). Таким образом, существенные вопросы будут решаться в рамках треугольника губернатор – представитель президента – министр. Иными словами, отправление федеральной власти в регионах будет происходить по двум параллельным вертикалям – ведомственной и президентской. Можно с уверенностью сказать, что это приведет к чрезвычайной запутанности, конфликтам и неэффективности управления.

В совокупности предлагаемая реформа федеральной организации РФ обладает многими характеристиками советской системы взаимоотношений центра и регионов. Как известно, эта система оказалась неспособной эффективно справляться с конфликтами центра и периферии, что в конце концов и послужило одной из главных причин развала СССР.

3. Менталитет и свобода

Господин президент, но есть еще одно самое ценное достижение последнего десятилетия, разрушение которого опаснее всех других последствий принятия предложенного пакета законов.

Я утверждаю, что главным результатом ельцинского президентства является изменение менталитета миллионов людей: от рабского, зависимого от воли начальника или государства и потому безответственного – к свободному, опирающемуся только на собственные возможности. Лидерами этого основополагающего для строительства демократического государства изменения являются предприниматели, основавшие средний и крупный бизнес, и политики, наделенные властью народом и ответственные перед ним.

Владимир Владимирович, в начале своего восхождения вы сказали о «диктатуре закона». Для чего нужна диктатура закона? Вот в чем вопрос. И ответ очевиден: дать возможность каждому реализовать себя в максимальной степени, не причиняя при этом вреда другим. Осип Манделштам говорит точно: «Я свободе как закону обречен...» Свободе как закону.

Максимально сохранить индивидуальную свободу – это и является смыслом законов в демократическом государстве. Я не хочу в рамках этого письма философствовать, но основное считаю абсолютно необходимым сформулировать четко.

Личная свобода – это система внутренних (добровольных) ограничений. Для

православного человека в принципе достаточно Десяти заповедей. А вот свобода гражданина – это внешние, дополнительные ограничения – законы, которые для него прописывает общество и государство.

Основатели Соединенных Штатов Америки – Джефферсон, Вашингтон, Мэдисон и другие – первыми поняли, что внешние ограничения, то есть ограничения со стороны власти, должны быть минимальными, и отразили это фундаментальное положение в конституции США.

Более чем двухвековой опыт США показал, что предложенные ими основные принципы строительства демократического, федеративного, сильного государства оказались очень эффективными. Позднее эффективность этих идей своим примером подтвердили большинство европейских и других государств.

Не анархия, не вольная воля, а индивидуальная свобода, гражданская свобода как менталитет нации – вот единственный ключ к строительству демократического процветающего государства.

Предложенный вами пакет законов существенно ограничивает независимость и гражданскую свободу десятков тысяч российских политиков верхнего уровня, заставляет их ориентироваться на одного человека и следовать его воле. Но это мы уже проходили!

4. Предварительный юридический анализ

Я специально вынес этот пункт в приложение, поскольку не сомневаюсь, что основные возражения, которые вы уже слышали, лежат в плоскости соответствия Конституции и законам Российской Федерации.

Теперь несколько замечаний по форме представления указа и законопроектов.

С моей точки зрения, и указ, и законопроекты кардинальным образом меняют государственное устройство России. Такое решение в демократическом государстве невозможно принимать без широкого открытого общественного обсуждения и последующего референдума.

Наконец, хочу обратить ваше внимание на за пределами, вопиющие правовые нарушения, которые содержатся в законопроектах.

Предложение о возможности отстранения губернатора на время проведения следствия нарушает основополагающий принцип права – презумпцию невиновности. А предложение применить норму отзыва к уже избранным губернаторам и членам законодательных собраний субъектов федерации нарушает принцип необратимости закона. Никакие изменения функций и статуса уже избранной власти недопустимы до истечения действующих сроков полномочий, нельзя менять правила игры после того, как она началась. Я лично не пошел бы на выборы губернатора, если его можно снять.

5. Как укрепить федерацию и власть

Предложенный пакет законов призван укрепить федеральную власть и решить насущную проблему несоблюдения региональными властями федеральных законов и Конституции. Традиционно в России верховенство центральной власти основывалось на силе и принуждении. Однако сейчас мы стали на путь демократии и соблюдения прав и свобод. Опыт других стран дает многочисленные примеры успешного решения этой задачи демократическим путем без ущемления неотъемлемых прав субъектов федерации и местного самоуправления.

Во-первых, важно признать, что возможность усиления вертикали власти лежит не на

пути разрушения свобод и баланса по вертикали, а в усилении ответственности тех, кто обязан закон выполнять, и полномочий тех, кто обязан за этим следить. Российское законодательство сурово карает за нарушение Конституции страны. Необходимо лишь привести в действие этот механизм. С этой целью в органах прокуратуры на местах могут быть созданы специальные подразделения по надзору за соблюдением Конституции и федерального законодательства с прямым подчинением Генеральной прокуратуре. Им должна быть обеспечена независимость от местной власти и адекватное финансирование.

Во-вторых, для выполнения судебных решений по соблюдению Конституции и федеральных законов целесообразно ввести законодательную норму федерального принуждения, однако это принуждение должно производиться по конкретным фактам нарушений. И здесь опять можно вспомнить опыт США: в 1960-х годах, когда законы южных штатов о расовой сегрегации в образовании вошли в противоречие с федеральным законом о гражданских правах, президент Джон Кеннеди использовал силу для соблюдения конкретного федерального закона в конкретных школах, но не пытался отправить законно избранных губернаторов в отставку. Применительно к России такой нормой федерального принуждения может быть введение уголовной ответственности должностных лиц исполнительной власти субъектов федерации за конкретное нарушение федеральных законов.

В-третьих, необходимо отменить законодательную норму согласования с руководством территории при назначении и снятии с должности начальников территориальных подразделений федеральных ведомств.

В-четвертых, очевидна необходимость разделения ветвей власти, продекларированная в Конституции, и в этом смысле представители исполнительной власти, то есть губернаторы и президенты республик, не должны входить в Совет Федерации. Он должен состоять из избранных народом путем прямых выборов представителей регионов (сенаторов). Независимость сенаторов от глав субъектов федерации и их парламентская неприкосновенность обеспечат дополнительный противовес возможностям злоупотреблений на местах.

В-пятых, необходимо сохранить существующий порядок формирования органов местного самоуправления. Следует не ослаблять, а усиливать независимость глав местного самоуправления от руководства субъекта федерации, сделав этот вопрос предметом особого внимания федеральных органов власти.

И еще что необходимо сделать для упрочения федерализма в России – прописать и оформить в виде законов четкое разделение властей по вертикали, наподобие того, как прописано разделение властей по горизонтали, и унифицировать распределение прав и обязанностей в рамках единого федеративного договора, подлежащего ратификации законодательными органами субъектов федерации.

Это далеко не исчерпывает список необходимых решений, но именно решения такого характера позволят добиться совершенно правильно сформулированных целей, продвигаться вперед, не разрушая достигнутого.

Я отдаю себе отчет, что приведенный анализ и мои предложения не являются исчерпывающими и, безусловно, требуют обсуждения и критики.

Владимир Владимирович, ваш личный опыт и в Санкт-Петербурге, и в Москве, я уверен, показал, что демократия сама по себе несовершенна и каждый шаг в направлении демократического развития общества требует колоссальных усилий именно потому, что в отличие от диктата вы обязаны убедить (а не приказать) миллионы граждан в своей

праве.

Прошу вас не торопиться, решая задачу исторического масштаба в огромной тяжелобольной стране.

С неизменным уважением,
Борис Березовский

Россия на перепутье **Обращение к обществу**

9 августа 2000 г. «Известия», Москва

На рубеже XXI века российское общество стоит перед очередным выбором – жить в авторитарном или подлинно демократическом государстве. Этот выбор не так полярен, как в 1996 году, когда решался вопрос: вернемся ли мы назад в коммунистическую утопию или продолжим движение вперед по пути либеральных реформ. Но и предстоящий выбор очень скоро кардинально повлияет на жизнь всех и каждого, вне зависимости от политических убеждений, имущественного положения, социального статуса, возраста или национальной принадлежности.

Вполне понятное и естественное стремление нового президента создать эффективную и ответственную власть, остановив тем самым процесс распада государства, вызывает в кругу правящей бюрократии традиционный рефлекс «тащить и не пущать». Под угрозой оказываются главные достижения последнего десятилетия: свободная пресса, свободное предпринимательство и самое главное – свободное мышление, дух независимости. Если эти тенденции не будут остановлены, логика конфликта между авторитарным инстинктом любой власти и демократическими чаяниями общества приведет либо к демонтажу основных завоеваний последнего времени, либо к параличу управления. Случится трагедия еще одного поколения.

Причины такого положения дел кроются в том, что в реформах последних десяти лет основное внимание уделялось экономике, в то время как приоритеты нравственной идеологии и политической философии отошли на второй план. Сосредоточившись на инвестициях, налогах, ценных бумагах, фондовых рынках, мы забыли о таких атрибутах конституционного народовластия, как ограничение властного произвола, разделение функций между ветвями власти, между центром и регионами, построение системы сдержек и противовесов, гражданское общество, федерализм.

Многие из нас подсознательно, а то и осознанно полагали: был бы свободный рынок, а демократия приложится. Эта точка зрения уходит корнями в постулат об экономическом базисе и идеологической надстройке. В этой связи не вредно вспомнить плачевный исторический опыт 20-х годов, когда «новую экономическую политику» пытались развивать в отсутствие гражданских свобод. Мы знаем, чем это закончилось.

Логически «управляемая демократия» неизбежно переходит в новую версию «демократического централизма», когда намерение усилить и расширить власть оправдывается экономической целесообразностью. Став на этот путь, общество неминуемо попадет в порочный круг действия и противодействия, что в конечном счете заставит власть выбирать между признанием своей несостоятельности и введением диктатуры.

Российская демократия еще молода и слишком зависима от недавнего тоталитарного прошлого. Особенность нынешней ситуации состоит в слабости общественных институтов, являющихся основой гражданского общества. Наша интеллигенция – традиционный носитель либеральных ценностей – в результате экономических потрясений последних лет оказалась не в состоянии в одиночку противостоять угрозе авторитаризма. Однако за истекшее десятилетие возникло новое поколение политически и экономически активных граждан – избранных публичных политиков, независимых журналистов, предпринимателей и просто молодых самостоятельных людей. Именно против них в первую очередь направлен сегодняшний авторитарный импульс административно-силового сообщества.

Мы считаем, что нашу озабоченность разделяют многие граждане России. Мы предлагаем объединиться, чтобы создать новое общественно-политическое движение, основанное на идеях свободы совести и вероисповедания, свободы личности, верховенства права, уважения национальных традиций, свободы средств массовой информации и незыблемости частной собственности. Для нас политическое и социальное устройство общества первичны и определяют эффективность экономики. Мы видим в гарантиях прав и свобод граждан, в подотчетности власти обществу абсолютную и самостоятельную ценность. Децентрализация власти не помеха, а опора сильному государству, не следствие, а необходимое условие эффективной рыночной экономики и свободного предпринимательства. Мы хотим строить в России гражданское общество вместо складывающейся сегодня авторитарной конструкции.

Испокон веков в России человек робел перед властью. Демократические преобразования последнего десятилетия и информационная революция превращают все большее число граждан из безмолвных созерцателей в независимых и самостоятельных членов общества. Солидарность интеллигенции, деловых людей, свободной прессы и всех политически активных граждан – основной ресурс поступательного движения страны. Построение подлинно конституционного народовластия и обеспечение условий социальной справедливости – главное направление продолжения реформ в России.

АКСЕНОВ Василий, БЕРЕЗОВСКИЙ Борис, БОДРОВ Сергей (мл.), ГОВОРУХИН Станислав, ЛАЦИС Отто, ЛЮБИМОВ Юрий, МЕНЬШИКОВ Олег, ШАБДУРАСУЛОВ Игорь, ЯКОВЛЕВ Александр

Президенту Российской Федерации Владимиру Путину о свободе слова и акциях ОРТ

5 сентября 2000 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

Уважаемый Владимир Владимирович!

На прошлой неделе высокий чин Вашей администрации предъявил мне ультиматум: передать в течение двух недель в управление государству контролируемый мной пакет акций ОРТ или отправиться вслед за Гусинским – по всей видимости, речь шла о Бутырской тюрьме. Причина такого предложения – Ваше недовольство тем, как ОРТ освещало события, связанные с аварией подлодки «Курск». «Президент сам хочет управлять ОРТ», – заявил мне Ваш представитель.

После фактической высылки Гусинского из страны и перехода НТВ под контроль «Газпрома» (читай «государства») ОРТ является единственным, не полностью зависимым от власти, национальным каналом. Если я приму ультиматум, в России прекратится телеинформация, ее заменит телепропаганда, контролируемая Вашими советниками.

Я согласен – в освещении аварии подводной лодки «Курск» СМИ подвергли Вас резкой, но, на мой взгляд, во многом справедливой критике. Ваше желание взять СМИ под контроль понятно: в следующий раз, если, не дай бог, произойдет нечто подобное – взрыв, катастрофа или скандал, некому будет Вас критиковать, и люди будут узнавать о событиях из западных «голосов» – совсем как в недавнем прошлом.

Вам станет легче править, народу будет спокойнее жить, а желающих задавать неприятные вопросы станет гораздо меньше – ведь у них не будет мощной защиты, которую дает массовая телегласность. Вам не придется прерывать отпуск и срочно изыскивать деньги на помощь семьям погибших. И в один прекрасный день люди, проснувшись, узнают, что они единодушно одобрили ввод российской армии в какую-то далекую страну для оказания кому-то братской помощи.

При всех недостатках и проблемах, которые переживает Россия, есть несколько неоспоримых достижений, и важнейшее в том, что миллионы людей перестали бояться власть, а власть вынуждена в какой-то степени быть подотчетной народу. Это стало возможным в первую очередь благодаря независимым от власти СМИ. Впервые за многие десятилетия у людей появилась управа – и на милиционера, и на бюрократа, и на начальника. Прощтрафившиеся чиновники прячутся от журналистов. Поставив СМИ под административно-силовой контроль, Вы вернете в нашу жизнь страх. Мы опять станем бояться управдома. И опять некуда будет жаловаться.

Должен отметить, что дело не в деньгах, как пытаются объяснить обществу профессиональные провокаторы. Вам хорошо известно, что ОРТ очень убыточно. Слабость рекламного рынка делает любые СМИ убыточными. Ежегодное содержание ОРТ обходится в сто пятьдесят миллионов долларов. На протяжении шести лет частные акционеры ОРТ, и я среди них, субсидировали передачи Первого канала за счет средств других доходных предприятий.

Мне и моим коллегам нечего стыдиться – благодаря финансированию нами независимых СМИ в России за несколько лет удалось создать предпосылки гражданского общества и обеспечить демократический процесс, в том числе и два цикла свободных выборов, пусть и с безусловными издержками, присущими любой нарождающейся демократии.

Я не знаю, где Вы собираетесь отыскать деньги на содержание ОРТ – быть может, из тайной статьи нового бюджета, а может быть, из того же секретного фонда ФСБ, из которого выплачивается помощь семьям экипажа подводной лодки «Курск». Страшно, когда в вопросах общественной значимости – будь то забота о сиротах или содержание средств массовой информации – власти не на кого опереться, кроме спецслужб.

Предъявив мне ультиматум, Вы, по существу, поставили перед обществом важный вопрос: имеют ли право на жизнь в России негосударственные СМИ? Очевидно, что для себя Вы на этот вопрос ответили, разъяснив родственникам моряков погибшей подводной лодки: «Телевидение? Значит, врет... Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот... Вот сегодня они в первых рядах защитников... Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь

покупают всех и вся! Законы такие сделали!»

Мой ответ Вам – частный капитал пусть он корыстен и своенравен, но не начинает войн и не скрывает потери; не он замалчивал Чернобыль и трагедию другой подводной лодки – «Комсомолец». Частный капитал не занимается выселением народов и не ликвидирует классовых врагов. У власти есть много способов поставить частный капитал под контроль. У российского общества остается сегодня только один способ ограничить власть – независимые СМИ.

Прошу Вас, господин Президент, остановиться, пока не поздно! Не выпускайте из бутылки джинна беспредельной власти, который опустошал нашу страну семьдесят с лишним лет. Вы с ним не справитесь. Он погубит и страну, и Вас.

Владимир Владимирович, я начал это письмо с упоминания о том, что чиновник Вашей администрации предъявил мне ультиматум. Известный американский публицист Генри Менкен сказал: «У всякой проблемы всегда есть решение – простое, удобное и, конечно, ошибочное». По-русски говоря: «Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем». Угрозы и шантаж – недопустимые аргументы власти в разрешении споров со своими гражданами. Они – свидетельство ее слабости, несостоятельности и потому опасности для всего общества. Вы неплохо меня знаете и поэтому, в отличие от Ваших советников, не сильно удивитесь, узнав, что я не подчинюсь диктату.

Если рассуждать в стиле Вашей администрации, то в этом месте мне следовало бы завершить письмо. Но я искал и нашел конструктивный подход к проблеме повышения эффективности управления ОРТ.

Развивая идею строительства гражданского общества, я решил передать контролируемый мной пакет акций ОРТ в управление журналистам и другим представителям творческой интеллигенции.

Уверен, что аналогичный шаг со стороны государства, инициатива которого могла бы принадлежать Вам, позволит первому телевизионному каналу страны полностью соответствовать своему названию – «Общественное российское телевидение».

С уважением,

Б. Березовский

4 сентября 2000 г.

Власть не имеет права приказывать

10 июня 2001 г. «Известия», Москва

Институты гражданского общества могут появляться в обществе, в котором власть обеспечила условия для самоорганизации. Считаю, что любые усилия в направлении их создания полезны, откуда бы они ни исходили – из России или из-за рубежа. Но эти институты не могут являться инициативой власти. Единственная ее задача – не мешать. Эти институты возникают как инициатива снизу, а не сверху и только в либеральной по своей сути стране, где есть приоритет личности над государством. В авторитарном государстве институты гражданского общества развиваться не могут. При советской власти они существовали в самом зачаточном состоянии, и власть с ними боролась: самый яркий пример – различные «диссидентские» организации, которые формировались вопреки воле государства. А когда их накапливается некоторая критическая масса –

можно говорить о возникновении собственно гражданского общества.

В России этого еще не произошло. Мы находимся лишь в самом начале пути. Но важно не это, а то, что это уже не инерционное состояние покоя, а движение. Самое главное, что хотя его можно притормозить, препятствовать его развитию, но сам вектор необратим. Сегодня у власти, даже наметившей для себя авторитарный курс, гораздо меньше возможностей такие инициативы подавлять, хотя власть и пытается.

Гражданское общество – это общество свободных людей, которые берут на себя ответственность за себя и за свои семьи. Возможно, они нуждаются в подсказках, но не приемлют давления. Власть может подсказывать, потому что она видит то, что не видит ни одна общественная организация, но она не имеет права приказывать.

Пример – Путин собирает бизнесменов и говорит: заплатите 100 миллионов. В принципе дело благородное, и участие предпринимателей в нем – правильная идея. Но это должно быть не указание сверху, а создание условий. Если здесь и есть роль власти, то она заключается в тонком намеке, а не в давлении. Власть не может выступать в роли «крестного отца». Иначе это унижительно и для бизнеса, который не осознал свою политическую ответственность, и для власти, которая насильно подталкивает бизнес к этому решению. Бизнес сделает это, но через силу и в следующий раз с таким почином не выступит: это сковывает инициативу, а не раскрепощает. Мне не понравилось именно то, что разговор шел не в форме пожелания, а – «мы сделали им предложение, от которого они не смогли отказаться».

Борис Березовский

Правление Путина дорого обходится России

22 сентября 2000 г. New York Times, Нью-Йорк

Если бы меня попросили описать себя, я бы, естественно, назвал себя бизнесменом, политиком, предпринимателем, руководителем СМИ. Однако и в России, и на Западе меня называют олигархом, который приобрел большое влияние в годы правления Ельцина и который не верит в демократию. Это несправедливо, но до недавнего времени я не чувствовал большой потребности опровергать подобные утверждения.

Нынешняя ситуация в России вынуждает меня поведать миру об опасениях, которые я испытываю относительно будущего российской демократии. Шаги, предпринятые против меня и моего главного соперника в медиабизнесе Владимира Гусинского, – лишь наиболее очевидные проявления авторитаризма.

Я надеялся, что Путин сохранит главное достижение ельцинской эпохи – приверженность России демократии, – одновременно исправив некоторые допущенные в то время ошибки. Однако сделанное им за год пребывания у власти – Путин был избран президентом в марте этого года, но реально правит страной с августа 1999 года, когда Борис Ельцин назначил его своим преемником, – вызывает разочарование и уныние. Путин не только не приступил к решению этих насущных проблем, но и начал уничтожать некоторые революционные достижения эры Ельцина.

Он формально (лишь пока формально) разрушил основу демократической федерации, заменив избранных представителей в верхней палате российского парламента назначенцами. Более того, он предоставил себе право отстранять от должности избранных

народом губернаторов. Сделав этот шаг, новый президент сосредоточил в своих руках всю политическую власть.

Совсем недавно он предпринял меры по установлению контроля над СМИ и начал прибегать к помощи правоохранительных органов для оказания давления как на независимых бизнесменов, так и на политических оппонентов. Он потребовал от меня передать акции ОРТ государству после того, как этот телеканал показал интервью с разгневанными родственниками погибших членов экипажа затонувшего «Курска». В июне был арестован и посажен на несколько дней в тюрьму Гусинский, который затем – под давлением – подписал соглашение о передаче своего медиахолдинга государственному газовому гиганту «Газпром», после чего покинул страну. Сейчас он отказывается выполнять это соглашение.

Путин продолжает настаивать на военном урегулировании этнического конфликта в Чечне – этот путь ведет в никуда. Опасения по поводу бесконтрольности российских властей начинают находить свое подтверждение в повседневной жизни обычных россиян.

В общем, Путин медленно, но верно идет к авторитарному правлению. На протяжении веков российские лидеры – будь то царь, генеральный секретарь или президент – обладали практически безграничной властью. Так что личная позиция и решения, принимаемые Владимиром Путиным, будут иметь несравнимо более серьезные последствия для россиян, чем, к примеру, действия президента Клинтона для американцев.

Пока еще президент по-прежнему пользуется популярностью среди обычных граждан, и некоторые говорят, что население не готово к демократии. Однако, судя по реакции людей на катастрофу подводной лодки, они стали независимыми от бюрократического государства.

Этой необходимой предпосылки для создания гражданского общества будет более чем достаточно не только для предотвращения возврата в прошлое, но и для достижения дальнейшего прогресса в деле демократических реформ. Запад должен дать понять Путину, что этот курс является единственно приемлемым.

Борис Березовский

Заявление для печати Бориса Березовского

От 14 ноября 2000 г. передано в Москву около 19.00

14 ноября 2000 г. Gazeta.Ru, Москва

Сегодня я принял тяжелое решение – не возвращаться на допрос в Россию. Я решил на этот шаг в связи с постоянно усиливающимся давлением на меня власти и лично Президента Путина. По существу, меня вынуждают выбирать – стать политзаключенным или политэмигрантом.

Так называемое дело «Аэрофлота» было выдуманно Примаковым, а теперь его реанимировал Путин, недовольный моим противодействием его политике. Путина – кандидата в президенты абсолютно не смущало, когда прибыль швейцарских фирм, работающих с «Аэрофлотом», использовалась для финансирования блока «Единство» и предвыборной президентской кампании. Но Путин-Президент без зазрения совести публично распоряжается перевести меня из свидетелей в обвиняемые по делу «Аэрофлота», а позже угрожает ударить дубиной по голове только за то, что ОРТ

рассказало правду о трагедии подлодки «Курск», а я инициировал создание негосударственного фонда помощи семьям погибших моряков.

Но оставим вопросы морали на совести Президента и его окружения – Бог им судья. Политики руководствуются целесообразностью, поэтому главное в этом конфликте – мои принципиальные разногласия с Президентом по фундаментальным вопросам развития России.

Президент Путин ведет бесперспективную этническую войну в Чечне. Разогнав Совет Федерации, Президент нарушил Конституцию России и способствует развалу страны. Разрушив независимость местного самоуправления, он уничтожил важнейший элемент народовластия. Президент пытается поставить под свой контроль основные средства массовой информации с целью установить режим личной власти. И наконец, он отдает страну на откуп спецслужбам и чиновникам, которые душат свободу и инициативу, необходимые для подъема России.

Я допустил ошибку, когда посчитал, что Путин достаточно дальновиден и силен, чтобы понимать необходимость существования в стране оппозиции и не мешать ее созданию. Действия Президента с очевидностью продемонстрировали непонимание им основ демократии и слабость его аргументов.

Я часто и жестоко ошибался в людях, но ни разу не ошибся в оценке политических процессов, происходящих в России. Я уверен, что, если Путин будет продолжать свою губительную для страны политику, его режим не просуществует до конца первого конституционного срока.

Открытое письмо Российскому Союзу промышленников и предпринимателей

7 февраля 2001 г. Lenta.Ru, Москва

Уважаемые господа!

Я не верил в искренность вашего союза и даже в его рациональный смысл. Но ваша пусть робкая, но все более артикулированная позиция по делу Гусинского меняет мое отношение к вашей организации, и я полагаю, что в этот ответственный для России момент вы можете сыграть важную роль, собственно ту, которую должен, обязан играть капитал в любой демократической или желающей стать таковой стране.

Мне нет смысла вам, людям активно участвующим во всех революционных процессах последнего десятилетия, рассказывать о сложных взаимоотношениях внутри российского бизнес-сообщества и, в частности, моих непростых отношениях с Владимиром Александровичем Гусинским.

Наши междоусобицы выпукло отразили амбициозность, нежелание слышать друг друга, неопытность, а главное, недалковидность нового сословия. Неумение выделить главное, безответственность перед самими собой и перед обществом людей, контролирующими огромные богатства, дорого обошлись России.

Я думаю, что время глубокого анализа наших трагических ошибок еще не настало, но время не множить их еще не упущено.

Я предлагаю всем вам сделать ответственный гражданский шаг, поступок – открыто поддержать не только Владимира Гусинского, но и плод его таланта и дальновидности. Компанию, без которой немислима жизнь новой демократической России.

Я принял решение откликнуться на обращение Елены Боннэр, Союза журналистов России, Фонда защиты гласности о проведении общественной акции сбора денег для поддержки НТВ и незамедлительно, в качестве первого шага, предложить группе «Медиа-Мост» рабочий кредит на сумму до 50 миллионов долларов США для обеспечения текущей деятельности компании.

Одновременно я через своих финансовых советников начинаю переговоры с банком Credit Suisse First Boston о выкупе у него долга группы «Медиа-Мост» на сумму 262 миллиона долларов США, чтобы снять финансовое и юридическое давление на «Медиа-Мост» со стороны государства, чтобы исключить все остальные мотивы, кроме политических, в борьбе государства против НТВ.

Уверен, что не только в наших корпоративных интересах, но и в интересах всего российского общества не допустить ограничения свободы слова, наиболее значимым носителем которой остается НТВ.

Настоящим письмом я обращаюсь также к стратегически мыслящим людям на Западе, тем, кто имеет возможность присоединиться к господам Тернеру и Соросу, заявившим о своей готовности практически поддержать НТВ.

Не повторяйте ошибку начала XX века, не пренебрегайте Россией – без нее не состоится глобальная цивилизация. Мир в очередной раз получит или Сталина, или Гитлера. Ведь известно, что не масштаб личности, а слабость и безликость общества определяют возникновение вождей.

Борис Березовский

Член-корреспондент Российской академии наук

Борис Березовский хочет выкупить пакет ЛУКОЙЛа

17 октября 2001 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

Президенту ОАО «Нефтяная компания ЛУКОЙЛ» Алекперову В.Ю.

Уважаемый Вагит Юсуфович!

Несколько недель тому назад подконтрольная Вам (ЛУКОЙЛу) компания «ЛУКОЙЛ-Гарант» выиграла в суде первой инстанции дело о ликвидации компании МНВК, а по существу ТВ-6.

Компания «ЛУКОЙЛ-Гарант» мотивирует свои действия чисто коммерческими соображениями, я же считаю, что причина, по которой «ЛУКОЙЛ-Гарант», владеющая 15 процентами акций ТВ-6, затеяла процесс, – чисто политическая. Ведь общеизвестно, что именно сегодня ТВ-6 впервые после августовского кризиса 1998 года стал прибыльным и, что не менее важно, впервые действительно стал телевизионным каналом национального значения. Более того, в Москве ТВ-6 устойчиво занимает вторую, а иногда и первую строчку в рейтингах.

Я не хочу подробно мотивировать, почему ликвидация компании наносит ущерб акционерам ЛУКОЙЛа, в том числе и Вам, Вагит Юсуфович. И наоборот, почему с точки зрения бизнеса ее существование более чем перспективно. В отличие от Вас, для меня стоимость ТВ-6 измеряется не только в деньгах. Это моя открытая, давняя позиция. Поэтому делаю предложение, которое позволит Вам и Вашим акционерам окончательно

определился: ТВ-6 для Вас – это бизнес или способ выражения своей лояльности к властям?

Суть моего предложения базируется на Вашей же идее, которую, как мне стало известно, Вы недавно озвучили одному высокопоставленному чиновнику. Настаивая в разговоре с ним на том, что конфликт акционеров ТВ-6 носит исключительно экономический характер, Вы заявили буквально следующее: «Если Березовский заплатит 7–8 миллионов долларов за наш пакет акций, это будет выгодно акционерам ЛУКОЙЛа, и конфликт будет исчерпан».

Уважаемый Вагит Юсуфович, я принимаю Ваше предложение. Более того, я считаю, что Вы недооценили ТВ-6. Будучи последовательно корректным в бизнесе и не желая вызвать нарекания в Ваш адрес со стороны других акционеров ЛУКОЙЛа, я предлагаю Вам 10 миллионов долларов США за Ваш пакет акций.

Любое Ваше решение внесет определенность, поскольку даст ответ на вопрос: политика или бизнес – основа вашего желания ликвидировать ТВ-6?

С неизменным уважением,
Борис Березовский

Письмо Бориса Березовского в редакцию газеты «Коммерсант» (с приложениями)

26 апреля 2002 г.

Редакция газеты «Коммерсант»

Уважаемая редакция!

Несколько дней тому назад, накануне демонстрации в США документального фильма «Покушение на Россию», того самого, в котором рассказывается о терактах в Москве и других городах России в сентябре 1999 года, я получил по почте письмо. Мне представляется, что это «письмецо в конверте» может быть интересно не только мне, проживающему сегодня вынужденно в Лондоне, но и многим Вашим читателям.

Прошу Вас опубликовать письмо «П.П.» и ответ на него. С уважением,
Борис Березовский

1. Письмо «Петра Петровича»

Mr B. Berezovsky (private & confidential)
Tower Management Ltd.
Melrose House 4–6
Savile Row
London
W1S 3PD

Уважаемый Борис Абрамович.

Ну сколько же Вам нужно таких предупреждений, какие высказывал великий Монтень:

«Нет такого места на земле, где не могла бы нас найти смерть, даже если мы все будем оглядываться вокруг... Люди приходят и уходят, бегут и танцуют, и ни слова о смерти. Все хорошо, все прекрасно. Но когда смерть вдруг является к ним, их женам, их детям, их друзьям, захватывая их врасплох, неготовыми, то какие бури страстей тогда ошеломляют их, какой плач, какая ярость, какое отчаяние!.. Нам неведомо, где поджидает нас смерть; поэтому будем ожидать ее повсюду».

Неужели Вас не преследуют кошмары, Вы не просыпаетесь в поту и не спрашиваете себя: «Что же я делаю со своей жизнью и жизнью своей семьи?» Однако я полагаю, эти страхи длятся лишь до завтрака; и вот, с портфелем в руках, вы объявляете войну не на жизнь, а на смерть!

Глядя на Вас и Ваши действия, невольно представляешь играющего в прятки малыша, который закрыл глаза, думая, что его никто не видит.

Вот совсем недавно мы ехали на автомобилях из аэропорта в Лондон, любуясь по пути живописными видами Англии. Мы проезжали мимо кладбища, украшенного цветами, со свежеекрашенной оградой. Мой коллега, обращаясь к водителю, сказал: «Иван Иванович, посмотри, как прибрано и чисто все на Западе. Даже места, где хоронят трупы, безупречны. В России даже дома, где живут люди, далеко не так чисты».

«А, да, – ответил он, – это правда; это очень цивилизованная страна. У них такие замечательные жилища для мертвых трупов. Но разве Вы не заметили, какие замечательные жилища и для живых трупов?»

Всякий раз, когда я вспоминаю этот случай, я думаю о том, насколько хрупкой может быть жизнь, когда мы объявляем войну своему народу. И когда мы это делаем, то становимся, как сказал Иван Иванович, живым трупом.

Борис Абрамович, не мне Вам объяснять, что тот самый предмет, который мы обычно называем «труп» и который приводит нас в такой ужас, на самом деле живет с нами здесь и сейчас.

Не стоит поддерживать своими неумелыми действиями живые связи со смертью. Поймите, все, что Вы делаете в последнее время, является пульсом смерти, сердцебиением смерти Вас и Ваших близких. Вы человек непугливый и умный и понимаете, что российская политика – это «русская рулетка».

Поэтому, пожалуйста, найдите пути и способы прояснить свою дальнейшую позицию, чтобы мы, не дай бог, не поняли Вас неправильно.

Искренне ваш,
Петр Петрович
Почетный член FOHC Limited
Swain's Lane
Highgate
London
N6 6PJ
Tel. 020 83401834
Charity Number 1058392

P. S. Здесь в Англии мы друг с другом на равных, даже, можно сказать, у Вас некоторое преимущество. Давайте по-мужски не делать лишнего шума и ненужных движений. Вы первый объявили войну – и вот мы здесь.

Кстати, мы с Вами знакомы, но я не уверен, что Вы меня помните. Видимо, это судьба

увидеться еще раз. Больше я Вам писать не буду.

Да, чуть не забыл, скоро на суд общественности выйдет фильм французских и английских кинодокументалистов о Вашем пристрастии к молодым мальчикам, с участием реальных действующих лиц на Западе и в России.

2. Письмо Б. Березовского В. Путину

Россия,
Владимиру Владимировичу

Владимир Владимирович!

Теперь я точно знаю, что вы обучаемый. Вы не только хорошо запомнили слова одного известного московского журналиста: «Владимир Владимирович делает вид, что он есть, а его предшественник делал вид, что его нет», но и пришли к правильному выводу.

Ваше письмо, адресованное мне прямо в Лондон с трогательным упоминанием о Вашем личном водителе Иване Ивановиче (какой вы все-таки, Владимир Владимирович, должен я вам сказать, интеллигентный – даже водителя своего по имени и отчеству величаете), развеяло мои последние сомнения. Всего за два с небольшим года из простого Володи вы превратились в ВВП. Научились при этом лукавить и не светиться, прикрываясь, когда надо, Петром Петровичем, создавая при этом полную иллюзию даже у искушенных людей, что ВВП и ППП совершенно различные люди. Но вы только в начале пути, и говорить о политической зрелости можно будет только тогда, когда вы с такой же легкостью, как сегодня обозначаете себя Петром Петровичем, сможете, как это обычно делаю я, подписаться просто

Абрамыч.

P. S. Петр Петрович, т. е. Владимир Владимирович, как православный православного прошу, не упоминайте Бога всуе, но, уж если невтерпеж, пишите, пожалуйста, Бог с заглавной, а не со строчной.

И напоследок. Владимир Владимирович, т. е. Николай Николаевич, в память о наших прошлых добрых и сердечных отношениях уймите ваших топтунов Геннадия Геннадиевича Райкова и Дмитрия Дмитриевича Рогозина – сокращенно ГТР и ДДР, – а то ведь на весь мир нас с вами позорят своими дурацкими старомодными представлениями о крепкой мужской дружбе, да еще кино какое-то документальное грозятся показать, чтобы оскорбить наши искренние чувства. Будто вам и мне недостаточно того кино, которое я сделал о вашем и Николая Платоновича Патрушева (НПП) неофициальном визите в город Рязань в сентябре 1999 года.

Да, чуть не забыл. Владимир Владимирович, манерность вашего письма сразу выдает, что вы, милейший наш, сильно подсели на «Господина Гексогена». По всему видно, что самому вам с этой дурной привычкой не справиться. Гекс развращает ничуть не меньше, я бы посмел сказать, даже больше, чем кокс и бакс.

Пора лечить. С неискренним желанием понять роль личности в истории (московско-волгодонско-рязанской),

Б. Б.

3. Письмо «Зелимхана Яндарбиева»

United Kingdom
London
4 Savile Row
Tower Management
Boris Berezovskyi
16/06/02

Уважаемый Борис!

Сегодня, когда руководство Запада и в первую очередь Америки, пугает весь мир терроризмом, мы вышли на путь свободы, чтобы отстоять свою независимость, свой образ жизни, свое право жить, как мы хотим. Слава Аллаху, мы этого добьемся рано или поздно.

Международный терроризм – это очень удобный термин, под который можно подвести любое государство и любого человека, а главное, что не требуется никаких доказательств.

Как ты знаешь, мы с талибами подписали договор о взаимном признании, открыли посольство в Кабуле и консульство в Кандагаре. На всех документах стоят моя подпись и подпись афганского министра иностранных дел Ахмуда Мутаваккиля.

Я неоднократно встречался с Бен Ладеном, с муллой Омаром, а также и остальными руководителями Афганистана. Мы полностью признаем те идеи ваххабизма, разработанные в Афганистане палестинским мыслителем и духовным наставником Осамы Бен Ладена доктором Абдаллахом Аззамом. Только цель нашей деятельности – это нанесение поражения России и освобождение Кавказа от российского влияния.

То, что произошло 11 сентября в США, – это результат политики Запада, России и других монстров геополитики, которые мешают свободным людям жить праведно.

Мы всегда оценивали твою помощь и поддержку, которую ты нам оказывал и оказываешь в последние годы, мы знаем, что ты разделяешь нашу политику и одобряешь наши действия, выступая открыто против российского режима. Мы понимаем, что, когда ты ведешь политическую борьбу против России и ее президента В. Путина, тебе часто приходится перебираться из страны в страну, испытывая большое количество препятствий и трудностей. Но Борис Березовский боится только Бога, в отличие от многих других, которые боятся руководства России.

Я к тебе обращаюсь как бывший Президент и представитель моджахедов, а также от имени Ш. Басаева, командующего большой группой подразделений. Не мне тебе говорить, что Шамиль – дисциплинированный воин, моджахед мирового масштаба и вообще прекрасный парень. Он делает джихад, и он не террорист. Те деньги, которые ты передавал Ш. Басаеву, пошли на учебный лагерь Хаттаба, который создал я через Генштаб, возглавляемый А. Масхадовым и который сыграл существенную роль в подготовке моджахедов.

Некоторое время назад на меня вышел некто Иван Иваныч, обладающий широкими полномочиями от Президента России В. Путина, с рядом предложений.

В тюрьмах России сейчас находятся около 250 раненых моджахедов. Мне был предложен их обмен на то, что те люди, через которых ты контактировал с нами во время передачи материальной и информационной помощи для нас, дадут показания против тебя.

Также уже со мной контактировали по этому вопросу ряд представителей служб из США и Великобритании, занимающиеся вопросами национальной безопасности и

международного терроризма.

В то же самое время в Европе был арестован ряд граждан Чечни, которые занимались контрабандой оружия, торговлей наркотиками и поставкой нелегальных эмигрантов в европейские бордели и их контролем. Мне были показаны материалы, подтверждающие тот факт, что ты пользовался услугами этих заведений, как с лицами женского, так и мужского пола. Да, к сожалению, и на миллион чеченцев есть предатели.

Ты знаешь, что я занимаюсь сбором пожертвований и помощи, которую оказывают нам мусульмане, отдающие последние крохи во имя Аллаха! У меня к тебе следующее предложение, и оно продиктовано вышеизложенной ситуацией.

Первый вариант: наши представители и связные, включая граждан других стран, у нас их не более 30 человек, дают показания против тебя в соответствии с теми условиями, как этого потребуют российские спецслужбы. Взамен мы получаем наших раненых братьев.

Второй вариант: наши раненые братья, находящиеся в руках оккупантов, готовы стать шахидами. Мы не представляем никаких доказательств, которые требуют российские власти о наших контактах с тобой. Ты же взамен оказываешь нам финансовую помощь в размере 200 миллионов долларов США. Мы возвращаем тебе эти деньги со среднеевропейским процентом по окончании нашей войны с Россией.

Если ты согласен на второй вариант, то в течение трех недель в любом своем интервью российским СМИ ты должен сказать следующую фразу: «Вот Буш тоже ограничивает свободы под предлогом борьбы с терроризмом», и если не согласен, то «вот Путин тоже ограничивает свободы под предлогом борьбы с терроризмом».

Ты можешь быть уверен, что при принятии тобой второго варианта ни один чеченец, араб или европеец, будь то моджахед или светский, не проявит ненужной самостоятельности в этом вопросе.

Мне нужно тебя предупредить, что любые твои действия после получения этого письма, которые мы сочтем оскорбительными, будут караться по законам шариата.

С уважением,

Зелимхан Яндарбиев

4. Письмо «Ивана И. Иванова»

Рождение человека – это рождение его горестей. Чем дольше он живет, тем более глупым он становится, поскольку его беспокойство и стремление избежать неминуемой смерти становятся все более и более жгучими. Какая жалость! Он живет ради того, что вообще недостижимо! Его стремление выжить в будущем делает его неспособным жить в настоящем.

Чанг Цу

Уважаемый Борис,

Вы так захвачены призрачными надеждами, мечтами и амбициями, которые обещают счастье, но ведут лишь к невзгодам и страданиям; Вы похожи на путника, пробирающегося по бесконечной пустыне и умирающего от жажды. И все, что сулят Ваши идеи, – это стакан соленой воды, чтобы только усилить Вашу жажду. Зная и понимая это, не следует ли Вам прислушаться к словам Петра Петровича:

«Планирование будущего – это все равно что рыбалка в сухом ущелье. Ничто не работает так, как вы этого хотите, поэтому отбросьте все ваши планы и амбиции. Если вам необходимо о чем-то подумать – пусть это будет неопределенность часа вашей смерти...»

Для русских, как Вы знаете, основной ежегодный праздник – это Новый год, нечто вроде объединенного Рождества, Пасхи и Дня благодарения. Петр Петрович – выдающийся офицер КГБ, чья жизнь полна эксцентрических эпизодов, которые могли бы помочь многим людям исправить свои ошибки и вернуться к нормальной жизни. Вместо того чтобы праздновать Новый год и желать людям «счастливого Нового года», Петр Петрович обычно рыдает. Когда его спрашивают о причине, он отвечает, что вот прошел еще один год и огромное количество людей приблизилось к своей смерти, оставаясь все еще к ней неподготовленными.

Подумайте о том, что рано или поздно должно случиться почти с каждым из нас. Мы идем по улице, думаем о чем-то вдохновляющем, размышляем о важном. Неожиданно мимо проносится машина и чуть не сбивает нас с ног.

Включите телевизор или посмотрите любую газету. Везде Вы увидите смерть. Однако жертвы всех этих несчастных случаев – ожидали ли они смерти? Они воспринимали жизнь как что-то само собой разумеющееся, и мы воспринимаем ее так же. Как часто мы слышим рассказы о знакомых нам людях и даже о друзьях, которые неожиданно умерли? Чтобы умереть, нам даже не надо быть больными: наше тело может неожиданно сломаться и испортиться, точно так, как это бывает с нашей машиной. Сегодня мы можем быть вполне здоровы, а завтра заболеть и умереть.

Петр Петрович предлагает своим клиентам вообразить живые сценарии их собственной смерти: волнение, боль, панику, беспомощность, горе близких... Важно спокойно, вновь и вновь вспоминать о том, что смерть реальна и что она приходит без предупреждения.

Как сказал Владимир Путин: «Олигархи проводят всю свою жизнь, готовясь, готовясь, готовясь... Только чтобы встретить смерть неподготовленными».

Искренне Ваш,
Иван И. Иванов
(декабрь 2002 г.,
Library Bar,
London).

P. S. Я собираюсь погостить несколько недель у Вашего друга-профессора в США, так что если хотите, то можете связаться с нами по телефону: (301) 431 88 93. Между прочим, я встретил одного из Ваших мальчиков, тех, что Вы имели привычку трахать в Москве; он сейчас в Париже и передает Вам привет, он помнит Ваш подарок – прекрасное кольцо с бриллиантом, помните? Он милостивый, однако повзрослел, уже не подросток...

5. Письмо «Ивана И. Иванова», полученное Олегом Калугиным в США в декабре 2002 г

На английском языке (публикуется в переводе)

Нет такого места на земле, где не могла бы нас найти смерть, даже если мы все будем оглядываться вокруг... Люди приходят и уходят, бегут и танцуют, и ни слова о смерти. Все хорошо, все прекрасно. Но когда смерть вдруг является к ним, их женам, их детям, их

друзьям, захватывая их врасплох, неготовыми, то какие бури страстей тогда ошеломляют их, какой плач, какая ярость, какое отчаяние!.. Нам неведомо, где поджидает нас смерть; поэтому будем ожидать ее повсюду.

Монтень

Декабрь 2002 г.

Олег Д. Калугин

Центр изучения проблем контрразведки и безопасности

Уважаемый профессор!

Было бы очень хорошо повидать Вас здесь в США и вместе провести время. Поездка удалась легкой, и, когда мы прибыли вчера, погода была великолепная.

Мы ехали к Вашингтону, любуясь по пути живописными видами деревенской природы. Мы проезжали мимо кладбища, украшенного цветами, со свежеекрашенной оградой. Я сказал: «Петр Петрович, посмотри, как прибрано и чисто все на Западе. Даже места, где хоронят трупы, безупречны. В России даже дома, где живут люди, далеко не так чисты».

«А, да, – ответил Петр Петрович, – это правда; это очень цивилизованная страна. У них такие замечательные жилища для мертвых трупов. Но разве Вы не заметили, какие замечательные жилища и для живых трупов?»

Всякий раз, когда я вспоминаю этот случай, я думаю о том, насколько хрупкой может быть жизнь, когда мы предаем нашу родину. И когда мы это делаем, то становимся, как сказал Петр Петрович, живым трупом, сами того не понимая.

Включите телевизор или посмотрите любую газету. Везде Вы увидите смерть. Однако жертвы всех этих автомобильных аварий – ожидали ли они смерти? Они воспринимали жизнь как что-то само собой разумеющееся, и мы воспринимаем ее так же. Как часто мы слышим рассказы о знакомых нам людях и даже о друзьях, которые неожиданно умерли? Чтобы умереть, нам даже не надо быть больными: наше тело может неожиданно сломаться и испортиться, точно так, как это бывает с нашей машиной. Сегодня мы можем быть вполне здоровы, а завтра заболеть и умереть.

Подумайте о том, что рано или поздно должно случиться почти с каждым из нас. Мы идем по улице, думаем о чем-то вдохновляющем, размышляем о важном. Неожиданно мимо проносится машина и чуть не сбивает нас с ног.

Так что, пожалуйста, смените Вашу нынешнюю работу, она действительно не для Вас. Мы с Вами скоро свяжемся. И пожалуйста, не поднимайте шума. Это только усугубит ситуацию.

С уважением,

Иван И. Иванов

Председатель WSCA

PO Box 103

Port Orchard WA 98366

Тел. (360) 871-5694

P. S. У вашего друга очень хороший веб-сайт. С ним мы тоже свяжемся.

Спокойно, Путин строит государственную вертикаль!

6 августа 2002 г., Рига

Я считаю, что все, что делает власть, последовательно. По существу, Путин выстроил уже две вертикали, и сейчас эти две вертикали пытается дополнить третьей. Первая вертикаль – власти. Это прошло достаточно безболезненно для Путина и его администрации весной – летом 2000 года, когда был разрушен парламент в прежнем виде и была создана подконтрольная Дума, Совет Федерации в прежнем виде перестал существовать. С другой стороны, Путин присвоил себе право снимать законно избранных губернаторов.

Следующий логичный шаг – это восстановление вертикали СМИ. Отсюда борьба и с НТВ, и с ТВ-6. Результат тоже достигнут. Сегодня в России нет ни одного телеканала национального значения, который не подчинялся бы напрямую Кремлю. Когда я говорю «напрямую», это значит, что сотрудники НТВ, руководители ТВ тоже подконтрольны Кремлю.

И наконец, третий шаг, без которого два предыдущих абсолютно бессмысленны, – это воссоздание вертикали экономики. Здесь Путин действовал тоже достаточно последовательно. Первым шагом был захват позиций гос предприятий, которые еще не успели стать частными, расстановка своих людей. Ярчайший пример – «Газпром». Абсолютно никакой Миллер, который руководил каким-то рестораном, был вдруг поставлен главой крупнейшей российской компании, которая составляет хребет российской экономики. Потом смена МПС, контроль над банками и т. д. Далее – смена собственников частных предприятий. Вначале это коснулось того, что было важнее, – СМИ. Дальше – «Сибур».

В том же русле лежит кампания против Шефлера – это возвращение назад, в лоно государства, известных брендов «Столичная», «Московская» и т. д.

На самом деле Путин в общем-то особенно и не скрывал своих намерений. Еще в своем послании Совету он четко сказал: «Некоторые наши компании имеют такие (природные) ресурсы на 10, 15, 25 и даже 30 лет вперед. И некоторые компании уже готовы торговать этими ресурсами, повышая свою капитализацию за счет страны». То есть, по Путину, повышение капитализации российских компаний не означает повышения капитализации страны, а, наоборот, уменьшает капитализацию страны. Волей-неволей Путин проговорился. Он – государственный. Это означает, что частные российские компании для него отдельно, а государство – отдельно. И Путин там же говорит: эта проблема должна решаться законодательно (т. е. путем возврата государству), но без суеты.

И вот две недели назад замруководителя администрации президента выступил с инициативой. Речь идет о поправке к ряду законов. По существу, нас ожидает переход от лицензионной формы отношений государства и капиталиста к профессиональной (концессия). Это то, что говорил еще Ленин. Капиталист становится арендатором собственного бизнеса у государства, а не его собственником. Вот в чем смысл того, что завещал нам Ленин. Отнять и поделить, но поделить, как всегда, как писал великий Булгаков, поделить чуть-чуть в свою сторону. На самом деле – поделить между чиновниками. Сейчас это в России реализуется. И как всегда – самым радикальным образом, без компромиссов, на все сто процентов.

Борис Березовский

Авторитарное государство. Три вертикали Владимира Путина

7 августа 2002 г. «Ведомости», Москва

В конце июля заместитель руководителя администрации президента РФ г-н Д. Козак предложил поправку к закону о недрах, принятие которой могло бы кардинально изменить экономическую систему, складывающуюся в России. Речь идет, если называть вещи своими именами, о национализации нефтяных, газовых, да и вообще всех сырьевых компаний. Суть поправки к закону о недрах формулируется чрезвычайно просто – переход от лицензионной формы пользования ресурсами недр к концессионной. То есть именно к той форме взаимоотношений капиталистов и государства, которую завещал нам В. Ленин: «Концессия – это договор государства с капиталистом. Он становится арендатором, а не собственником».

Почти все мало-мальски разбирающиеся в рыночной экономике незамедлительно стали комментировать и критиковать эту идею. Поэтому уже через 10 дней, в первых числах августа, замруководителя администрации президента сделал вид, что изменил свою первоначальную позицию, и представил «совершенно новую версию закона о недрах». «Ведомости» по этому поводу опубликовали статью под обнадеживающим названием «Одумались» с подзаголовком: «Кремль больше не хочет национализировать ископаемые». Правда, в той же статье сообщалось, что г-н Д. Козак все-таки настаивает в «совершенно новой версии» на замене лицензирования на концессионную форму взаимоотношений предпринимателей и государства, но с массой оговорок в пользу сырьевых компаний по сравнению с первоначальной версией поправок.

Так все-таки Кремль действительно одумался, а г-н Д. Козак действовал по недомыслию и инициативно или Кремль решил наконец управляемую демократию дополнить управляемой экономикой?

Поскольку журналисты, обслуживающие Кремль, числа которых не счесть, наверняка приведут массу доводов в пользу очередной нечаянной глупости очередного чиновника, я не буду разбирать эту версию. Я попытаюсь обосновать другую, по которой Кремль на самом деле хочет национализировать сырьевой сектор экономики, более того, власть не имеет ни малейшего шанса избежать этого: вертикаль экономики – последний и логичный этап в воссоздании полноценного (а не ущербного) авторитарного государства.

Чтобы понять логику Кремля, а точнее, логику президента В. Путина, необходимо рассматривать инициативу высокопоставленного чиновника (но все же чиновника) в контексте уже произошедших событий.

Первый этап был пройден весной – летом 2000 года и назывался восстановлением вертикали власти. Этот этап прошел достаточно безболезненно для власти. Разве что несколько губернаторов пошумели, да один «сумасшедший» в знак протеста сдал свой депутатский мандат.

Второй этап – восстановление вертикали СМИ. Действительно, какая такая управляемая демократия без подчинения государству СМИ? Этот шаг уже не обошелся без крупномасштабного скандала с привлечением вооруженного отряда кремлевской власти – Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, а также с использованием силового ресурса

мирового демократического сообщества – Интерпола. Операция по восстановлению вертикали СМИ прошла куда болезненнее, чем операция по восстановлению вертикали власти, да и времени потребовала чуть ли не два года. Тем не менее результат достигнут.

Однако это все еще промежуточный результат. Окончательным результатом в построении любого авторитарного государства может быть только контроль со стороны власти над основными отраслями экономики и финансами. Без этого третьего этапа два предыдущих бессмысленны. Крупный капитал всегда и везде пытается влиять на власть. Власть всегда и везде сопротивляется этому влиянию. Если для власти нет ограничителей в виде демократических механизмов, гражданского общества и независимых от государства СМИ, то крупный капитал остается последним противовесом, не допускающим ее концентрации (и в конечном счете узурпации). Поэтому авторитарная власть обязательно должна подмять под себя капитал, чтобы уж потом беспрепятственно подмять под себя все общество. Так что без вертикали экономики В. Путину никак не обойтись.

Проще всего было начать восстановление этой третьей вертикали, определив своих доверенных людей на руководящие позиции в остающиеся под контролем государства ключевые предприятия: «Газпром», МПС, банки и др. – это первый шаг.

Второй шаг на этом пути – перераспределение частной собственности – начали с телевизионных каналов национального значения – НТВ и ТВ-6 (потому что они – часть СМИ), затем «СИБУР», потом алкоголь (фирменные названия «Столичная», «Московская») и т. д.

И наконец, добрались до главного – природных ресурсов. Это третий и окончательный шаг в построении вертикали экономики. Особо непонятливым, а таких оказалось большинство среди наших политиков и предпринимателей, президент в одном из выступлений в Совете Федерации объяснил: «...некоторые наши компании имеют такие (природные) ресурсы на 10, 15, 25 и даже 30 лет вперед. И некоторые компании уже готовы торговать этими ресурсами, повышая свою капитализацию за счет страны», т. е. повышение капитализации российских компаний, по В. Путину, не означает повышения капитализации страны, а, наоборот, уменьшает ее (страны) капитализацию. Более того, президент не только сказал о сокровенном, но и указал, как этого желанного достичь – проблема должна решаться на законодательном уровне (вот вам и «инициатива» Д. Козака), но без суеты, «чтобы не ставить наши компании в сложное положение». Яснее не скажешь.

Так что законопроект, подготовленный кремлевским чиновником, – исполнение прямой команды президента В. Путина и означает, по существу, попытку пройти завершающий этап в построении полноценного каркаса централизованного по всем основным параметрам и по своей сути авторитарного государства, а потому – антиконституционного.

Реализуем ли третий этап – построение вертикали экономики?

История России дает ответ на этот вопрос. Ответ положительный. Дело, как всегда, в цене.

Приватизация 90-х годов, т. е. перераспределение государственной собственности в пользу частной, происходила крайне болезненно, но обошлось без большой крови – без гражданской войны. Государственная собственность, т. е. ничья, с помощью чиновника, т. е. за взятку, передавалась в частные руки. И чиновник не схватился за ружье только потому, что никогда не считал государственную собственность своей, частной.

Революция 1917 года, основным содержанием которой тоже было перераспределение собственности, но с противоположным знаком – отбирали у частника и отдавали государству, – имела иное продолжение. Миллионы собственников, лишившись своих домов, земель, рудников, заводов, фабрик, магазинов, лавок, взяли за ружье. Результат – гражданская война, унесшая жизни десятков миллионов людей.

Конечно, менталитет собственника перед революцией 1917 года складывался в России веками. За годы советской власти он был разрушен до основания и начал восстанавливаться в последние 10–12 лет. Поэтому, наверное, современный молодой собственник и не заматерел еще – нет родового поместья, нет банка или завода, передающихся из поколения в поколение, – нет закрепленных в сознании значимых символов собственности у подавляющего большинства жителей страны.

Президент В. Путин окончательно определился в своем выборе будущего для России. Теперь важно, чтобы он и другие граждане поняли и оценили все последствия такого выбора для себя.

Борис Березовский

Помочь Путину!

26 октября 2002 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

Единственный человек, от которого сегодня зависит жизнь заложников, – президент Путин. Решение может принять только он, и он же будет нести всю полноту ответственности за сделанный выбор. Это трагично само по себе, и это факт – к такому результату президент и общество целенаправленно двигались два с лишним года.

Все это время Путин строит так называемую вертикаль власти, практически расчищая политическую площадку только под себя. Вертикали власти как не было, так и нет. Те, кто должен был бы встроиться в эту вертикаль, предпочли отойти на безопасное расстояние, не лезть на рожон и уступить президенту эту площадку. В итоге социологические опросы непрерывно показывают огромный отрыв Путина от остальных. Он остался на вершине один, без опоры на несущую конструкцию – без сильных союзников и без весомой оппозиции. Он получил всю полноту власти, но вместе с ней и всю полноту ответственности. Делить ее ему не с кем. В отличие от Ельцина у Путина нет весомого Черномырдина, который сегодня, сейчас, снимет трубку и скажет: «Здравствуй, Аслан Масхадов».

В сложившейся ситуации в равной степени виноваты и Путин, и общество. Уставшее от накала страстей ельцинской эпохи общество предпочло спокойствие, граничащее с безразличием, и бездумное, почти безраздельное доверие новому президенту. И на вопрос иностранного журналиста: «Господин Путин, кто за вами стоит?» – президент вполне честно ответил: «Народ».

Как ни странно, но именно эта всенародная поддержка в сочетании с собственной стопроцентной ответственностью за судьбу своих граждан, удерживаемых двое суток в заложниках в центре Москвы, невероятно осложняет для Путина принятие решения. Потому что изначально заявленный им и принятый обществом стиль правления требует штурма, а это означает гибель заложников. И это не решает ни одной проблемы, поскольку война уже происходит за пределами Чечни и, если ее не остановить, будет продолжаться – новыми захватами заложников и новыми жертвами. Израиль советует

Путину принять жесткие меры против террористов, имея ту историю и то настоящее, которые имеет. Следуя советам израильтян, мы рискуем получить Палестину на территории без малого одной шестой части суши. Не имея при этом ни израильской армии, ни их спецслужб. В противном случае 50 вооруженных человек просто не смогли бы провести явно долго готовившуюся и тщательно спланированную операцию по захвату заложников в нашей столице.

Война во Вьетнаме закончилась поражением Америки. Она закончилась не потому, что правительство страны или армия не готовы были ее продолжать. Общество не готово было ее продолжать. Общество сочло, что жизнь американцев дороже победы. Американские обыватели не готовы были заплатить за победу «любую цену», потому что эта цена – жизнь их сограждан. Сегодня перед Путиным и нами тот же выбор – война любой ценой или абсолютно достойный мир. Достойный, потому что во имя спасения людей. Иначе чем мы отличаемся от террористов, готовых во имя своих политических целей взорвать себя вместе с невинными людьми? Тем, что во имя своих политических целей мы не позволим взорвать невинных людей вместе с террористами.

Может ли Путин пойти на выполнение требований захватчиков во имя спасения человеческих жизней? Может, если окажется в силах подняться над самим собой и если общество его поддержит. Если общественное мнение ясно сформулирует, что в результате штурма мы рискуем получить еще 700 гробов и не решить ни одной задачи, гарантирующей общество от рецидивов подобных ситуаций. Если общественное мнение ясно сформулирует, что длящаяся с перерывом десять лет война в Чечне не дала никаких результатов, кроме бесчисленных жертв, реальной проблемы терроризма, разрушительной межнациональной ненависти и чувства постоянной опасности у простого человека. Если за последние десять лет мы хоть немного приблизились к тому, что принято называть цивилизованным обществом, и готовы поставить жизнь людей выше политических амбиций, то мы должны помочь Путину начать переговоры с Масхадовым, чтобы добиться освобождения наших людей. Больше этого сделать некому, и в этом трагедия и Путина, и общества, которое вознесло его на этот недостижимо высокий пьедестал.

Борис Березовский

Президенту России Борису Николаевичу Ельцину

1 ноября 2002 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Цель этого письма – разъяснить позицию, я уверен, не только свою, но многих, кто поверил в «реформы Ельцина». Кому же, как не вам, адресовать подобное объяснение – человеку, который совершил Новую русскую революцию.

С самого начала Ваших реформ я был убежденным и последовательным их сторонником. Я поверил в Ваше историческое предназначение – уничтожить тоталитарное правление в России и доказать, что демократическая государственность в стране, которая на протяжении своей тысячелетней истории не знала подлинной свободы, возможна и эффективна. Вы решили эту немислимо сложную задачу. Правда, цена свободы для наших с Вами сограждан оказалась невероятно высокой. И речь не только о нищете,

апатии, разочаровании миллионов и миллионов. Рухнул Советский Союз – наша общая Родина, – Империя, ценностями которой веками жили наши предки.

В 1999 году я поддержал Владимира Путина как Вашего преемника. Вторым президентом России был призван завершить разрушительную эпоху, целью которой – раскрепощение, и открыть двери нового периода, логически продолжающего предыдущий, – либерального созидания. Россия ждала лидера, который, закрепив достижения «реформ Ельцина», возродил бы на либеральной основе великую страну. Не закрытого и затхлого полицейского государства, но гигантского евразийского духовного, культурного и языкового пространства, где немка становится императрицей Екатериной Второй, украинец – Гоголем, грузин – Багратионом, еврей – Менделеевым и даже для эфиопа находится место – он становится Пушкиным, а все вместе уходят в Историю великими русскими.

Три года назад мне казалось, что Владимир Путин понимает, во имя чего он получил бразды правления, что он сможет обеспечить сочетание либеральных и патриотических ценностей – синтез, в котором так остро нуждается наша страна. Но я ошибся. Мы с Вами ошиблись, Борис Николаевич.

Предварительные итоги правления Путина вызывают горечь и рождают страх за будущее России. Упразднена самостоятельность регионов, на которой только и может держаться благополучие огромной современной страны. Ликвидированы независимые общенациональные СМИ. Фактически проиграна война в Чечне, «победу» в которой Кремль долгое время преподносил как свое главное достижение, противопоставляя ее Вашему покаянию за первую чеченскую войну. В то время как власть бросила все силы на передел собственности внутри страны, а армия бессмысленно гибнет в Чечне, по периметру пока еще огромной страны происходит беспрецедентный передел традиционных, а значит, во многом исторически эффективных для России и для ее соседей сфер влияния. Американские базы размещаются в Средней Азии, США осуществляют доминирование на Кавказе, происходит беспомощная суэта вокруг калининградского анклава. Агонизирует Содружество Независимых Государств, в котором наша страна, унаследовавшая от СССР статус евразийского лидера, была в 90-х годах неоспоримым центром влияния. Преступность не только не побеждена, но становится с каждым днем все опаснее. Недавние убийства политиков, похищения бизнесменов – тому свидетельство. Наконец, столь необходимые стране реформы, прежде всего военная и жилищно-коммунальная, осуществляются непродуманно и наспех.

Отсюда возникает естественный вопрос – следовало ли допускать разрушение существовавшей советской политической и экономической системы – Советского Союза, уродовать жизнь сотен миллионов людей, если мы опять возвращаемся к тоталитарной системе, но в разоренной стране? Я задаю этот вопрос не только Вам, Борис Николаевич, но и себе, поскольку добровольно пошел за Вами и помогал Вам.

Наступление путинской реакции базируется на уверенности власти в неготовности народа России жить свободно. Я же считаю, что последние десять лет ушедшего века продемонстрировали высочайшее стремление и решимость страны освободиться от гнета диктата. Десятки миллионов людей за ничтожно короткое время взяли ответственность за свою жизнь и жизни своих близких, но власть опять пытается загнать их в стойло.

К сожалению, путинская Россия не продолжила Россию ельцинскую. Даже более – путинская Россия лоб в лоб столкнулась с Россией ельцинской. Результат очевиден – Россия теряет время и продолжает деградировать.

В своей книге Вы написали: «Я никогда не любил и не люблю Бориса Абрамовича... при этом Березовский – несомненный союзник. Причем давний, проверенный союзник президента и демократических реформ вообще. Но союзник тяжелый...»

Вы правы, Борис Николаевич, я тяжелый союзник, но последовательный. Поэтому и сегодня считаю, что Вы больше, чем кто-либо другой за всю долгую историю, приблизили Россию к свободе, и я, как и миллионы других, кто поверил Вам, будем отстаивать это достижение.

С неизменным уважением,
Борис Березовский

Групповой портрет в интерьере ТВ-6

23 июня 2003 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

С момента начала разрушения последнего неподконтрольного государству общенационального телеканала прошло чуть более двух лет. И сегодня, когда процесс завершен и цель достигнута, важно не забыть имена героев.

Недалекий Алекперов – агрессор и жертва

Как и полагается по законам криминального жанра, больше других пострадал заперщик, то есть Алекперов. Для начала его, инициатора и инструмент властей, вульгарно выкинули из числа участников передела, а когда он стал этому сопротивляться, еще и пригрозили: одного вице-президента выкрали (правда, потом вернули), а у другого убили родственника. Алекперов больше не хочет не только телеканал, но даже журнал «Мурзилка».

Двуликий Чубайс – приватизатор и экспроприатор

О том, что реформатор Чубайс – большевик (то есть экстремист), известно давно. Но то, что Чубайс – политик легкого поведения, стало ясно после того, как он вдруг полюбил Владимира Владимировича, но, правда, только тогда, когда тот стал президентом. В истории с ТВ-6 реформатор пошел дальше; он вывернулся наизнанку и стал активистом экспроприации частной собственности. На его фоне присоединившиеся к нему олигархи – просто честные парни, всего лишь подбирающие то, что плохо лежит.

Претендент Примаков – отец нации и губитель «Отечества»

Самый последовательный из всех персонажей этой истории конечно же претендент на пост президента в 2000 году Евгений Максимович. В современной российской истории нет ни одного крупного провала, который обошелся бы без прямого или косвенного участия «отца нации». Но до истории с телевидением он в основном направлял свою активность на внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации. С появлением надежного преемника на президентском посту Евгений Максимович расширил сферу своих интересов – и не ошибся. Проект «Медиа-социум» можно, безусловно, отнести к числу самых значительных его достижений.

Президент Путин – от зияющих высот к сияющей пустоте

И все же среди всех персонажей группового портрета, безусловно, выделяется лицо президента. Он и автор, и вдохновитель, и организатор победы. И очень символично, что день победы над ТВ-6 совпадает с днем начала Великой Отечественной войны. Наш президент – эстет. И любит эклектику, которую почему-то считает преемственностью. Знамя российское, гимн советский – чем не империя? Уничтожив независимые от государства СМИ, в отличие от своих коммунистических предшественников, Путин не достиг зияющих высот А. Зиновьева, но повторил сияющую пустоту В. Пелевина. Пустоту, точно совпадающую с ним самим.

Борис Березовский

Новый передел

24 июля 2003 г. «Коммерсантъ-Daily», Москва

События вокруг компании «ЮКОС» заставили российскую экономическую и политическую элиты наконец задуматься над тем, куда толкает Россию режим Путина.

Я утверждаю: режим президента Путина начиная с весны 2000 года осуществляет в стране ползучий антиконституционный государственный переворот. Попытки перераспределения собственности – это логичное звено в цепи изменений политического и государственного устройства страны. Последствия этого переворота, если он произойдет, будут соизмеримы с трагедией, которая произошла в России в начале прошлого века.

Чтобы понять масштаб проблемы, необходимо совершить короткий экскурс в историю и ответить на один принципиальный вопрос: почему после революции 1917 года Россия втянулась в гражданскую войну, а после революции 90-х годов гражданской войны не случилось?

Ответ очевиден. В начале века в результате революции экспроприировалась частная собственность, принадлежащая конкретным людям, и эти люди рисковали своими жизнями, чтобы защитить кровное, свое. А в конце века происходил передел государственной, то есть ничьей, собственности, и госчиновник совершенно спокойно за мизерную взятку переписывал эту «ничью» собственность на частное лицо.

Бессмысленно обсуждать, справедливо или нет была перераспределена государственная собственность. Конечно же несправедливо. Передел собственности не бывает справедливым никогда. Важно другое: этот передел не привел к гражданской войне, и сегодня в России около 80 процентов собственности находится в частных руках. Но в то же время это означает, что новый передел собственности, который затеял президент В. Путин, происходит в ситуации, аналогичной началу, а не концу XX века, и последствия его будут те же.

Что делать?

На этом этапе важнее всего правильно сформулировать вопросы и постараться на них ответить. Вопросов – три.

Первый. Откуда исходит основная угроза втягивания России в гражданскую войну? Основная опасность исходит лично от президента, но не только от него. Генерал А. Лебедь говорил: «В бедной стране большинство не может быть дальновидным. Нищие не думают о завтрашнем дне. Нищие хотят съесть все и сразу». Большая часть населения не

хочет брать на себя ответственность за свою судьбу и поддерживает идею перераспределения собственности. Газета «Ведомости» от 18 июля 2003 года, приводя результаты опроса компании «РОМИР-Мониторинг», констатирует: чаяния народа за восемьдесят шесть лет не изменились – «отнять и поделить» предлагает 77 процентов граждан России.

В то же время эта безответственная часть общества не представляет последствий еще одного передела. В этом контексте президент Путин равен большей части своего народа.

Второй вопрос. Кто может этому противостоять?

Этому могут противостоять только элиты, то есть меньшая, но наиболее дальновидная и ответственная часть нации. Под элитой я понимаю группу влияния, обладающую общими для ее членов стратегическими интересами. Здесь я перечислю элиты и коротко охарактеризую их отношение к власти, олицетворяемой президентом В. Путиным.

Самая мощная среди всех российских элит конечно же совокупность региональных. Это губернаторы (президенты), региональные политики и бизнес, связанный с ними. Их главный общий стратегический интерес – сохранение и расширение политической и экономической власти в своем регионе. Их отношение к режиму В. Путина самое отрицательное. В. Путин, нарушив Конституцию РФ, лишил их политической власти и ослабил их экономическую самостоятельность, перераспределив финансовые потоки в пользу федерального центра.

Следующая элита по значимости и влиянию – бюрократия. Главный стратегический интерес этой элиты – стремление обслуживать интересы власти, интересы силы и по возможности быть частью этой власти и силы. Бюрократия – становой хребет режима В. Путина, самая мощная его опора. Да и сам В. Путин плоть от плоти бюрократ, а никакой не чекист. Чекист – это профессия В. Путина, бюрократ – состояние его души. Душа бюрократа – это боязнь любой инициативы, неуверенность в себе, стремление переложить ответственность на других. Именно поэтому президент-бюрократ – самая большая опасность для страны: бюрократ не имеет стратегии – он исполнитель чужой воли. И это воля не общества, даже не элит, а тех, кто рядом с телом, тех, кто преследует сугубо личные, даже не групповые, не говоря уже об общественных, интересы.

Путинская бюрократия качественно отличается от бюрократии ельцинской. Ельцинский бюрократ не верил в частную собственность и за взятки перераспределял государственную. Путинский бюрократ проснулся, когда собственность в основном была поделена. Он убедился, что частная собственность стала реальностью, и активно включился в процесс перераспределения, но уже не государственной (ее осталось мало), а частной собственности. Именно бюрократ представляет сегодня наибольшую политическую опасность для страны. Именно бюрократ толкает общество к гражданской войне.

Третья элита – олигархи, иначе говоря, бизнес федерального уровня. Их немного, но они обладают огромным влиянием. Основным стратегическим приоритет этой элиты – сохранение капиталов. Это их отличает от просто богатых, главный приоритет у которых состоит в приумножении капиталов.

В. Путин не обеспечил необходимой стабильности для этой элиты. А последние события вокруг компании «ЮКОС» позволили этой элите окончательно определить свое отношение к президенту В. Путину и его режиму.

Четвертая элита – спецслужбы. Ее главный стратегический приоритет состоит в распоряжении и использовании силовых рычагов власти. С одной стороны, они часть

бюрократии, с другой – самостоятельная сила, которая к тому же претендует на особое расположение президента В. Путина (как я объяснял ранее, безосновательно – поскольку он не чекист, а бюрократ). Элита этой элиты не признает В. Путина за своего лидера: он для нее выскочка – слишком серо он себя проявил на службе. И конечно, эта элита мечтает о Юрии Владимировиче Андропове или, на худой конец, о Евгении Максимовиче Примакове. Но как промежуточный вариант В. Путин ее устраивает. Хотя с безусловными и серьезными оговорками – слишком мягок со своим народом, слишком много сдает США и Западу вообще.

Пятая элита – армия. Главный стратегический приоритет армии – быть силой, необходимой для защиты интересов Отечества во внешнем мире. Армия – традиционно наиболее патриотичная часть российского общества, и именно в силу искренности этих патриотических убеждений В. Путин ее категорически не устраивает. Он не выиграл ни одного сражения – и ей не дал выиграть ни одного. Чечня: где быстрая и убедительная победа, которую В. Путин обещал осенью 1999 года, еще исполняя обязанности премьер-министра? Дальше еще хуже: сведено к нулю влияние в дальнем зарубежье: закрыты военные базы на Кубе и во Вьетнаме, сведено к нулю влияние на Ближнем Востоке, концентрацией неуверенности и слабости обернулась политика в Ираке. Но самое большое поражение – потеря влияния на всем постсоветском пространстве. Армия, безусловно, не доверяет своему верховному главнокомандующему и его бездарному протеже министру обороны С. Иванову.

Перечисленные пять элит – участники процесса принятия важнейших государственных решений. Ниже я называю еще три элиты, но они лишь сопровождают принятие решений этими пятью.

Шестая элита – журналисты. Они проводники мнений от основной части общества и элит к власти и обратно. Важно отметить, что в ельцинской России эта элита была одной из наиболее значимых и влиятельных. Она была важнейшим участником процесса принятия государственных решений. Ее, безусловно, не устраивает кардинальное снижение статуса, и она недовольна режимом В. Путина.

Седьмая элита – церковь. Главным стратегическим приоритетом этой элиты должно быть духовное и моральное лидерство в нации. Здесь ситуация прозрачная. Те, кто истинно верует, – не верят, что В. Путин верует, и, следовательно, не верят президенту. А кто не верует – те только по названию своих санов ассоциируются с церковью, а по сути они просто церковные бюрократы. И они, конечно, привечают президента. Но их духовное и моральное влияние на общество ничтожно.

И наконец, последняя, восьмая элита – интеллигенция. К сожалению, действительно последняя. Последняя по своему влиянию на общество и на власть. Эта элита является носителем культурной и научной традиции нации. Ее главный стратегический приоритет – в период катаклизмов, которые переживает Россия, – состоит всего лишь в самосохранении. У этой элиты традиционно отсутствует воля в каждый ответственный момент нашей истории. Но одновременно она становится важной опорой для общества, когда вектор исторического развития поворачивается в сторону свобод.

Таким образом, из всех названных мной элит президент В. Путин может уверенно опираться только на единственную – бюрократию и иметь поддержку еще у одной – спецслужбистской. Но даже это весьма условно. Бюрократы всегда прижимаются к силе, и как только В. Путин начнет ее терять, бюрократы немедленно предадут его.

Поэтому главный вопрос – не в мотивации элит: В. Путин содержательно не устраивает

их подавляющую часть.

Главный – третий вопрос. Как не допустить сползания России к гражданской войне?

Ответ. Осознать, что происходит. Преодолеть страх. Проявить волю и решимость. Самоорганизоваться. Но самое главное – действовать. Не дожидаться, когда власть милостиво рассмотрит вашу очередную жалобу, из каждой строчки которой выглядывает трусость, а использовать свое конституционное право на митинги, демонстрации, шествия, пикеты – на акции неповиновения. Даже в странах со сложившимся демократическим порядком только действием граждане сохраняют его. И это действие всегда идет вразрез с намерениями исполнительной власти. Так было в США, когда миллионы простых граждан остановили войну во Вьетнаме; так было в Восточной Европе и России, когда народ сбрасывал ненавистный режим; так происходило недавно по всему миру, когда сотни миллионов граждан выступили против войны в Ираке.

Далеко не всегда даже действием, как видно из примера с Ираком, удастся переломить ситуацию. Но бездействие всегда и повсюду дает карт-бланш власти на беспредел.

Гражданское общество – это не только клубы любителей природы, домашних животных и пива, а прежде всего – гражданские институты, которые могут контролировать власть и жестко – действием – ей оппонировать. В этом постоянном открытом противостоянии общества и власти – сила демократии по сравнению с тоталитарным режимом.

Вместо заключения

Я хочу предметно показать, какую опасную историю затеял президент В. Путин, постоянно возвращаясь в борьбе со своими действующими или потенциальными политическими оппонентами к событиям революционных девяностых годов прошлого века.

Криминальный портрет В. Путина по информации различных отечественных и зарубежных СМИ периода 1990–1999 годов. Привожу лишь небольшую часть этих сообщений.

1. 13 мая 2000 года в Вадуце, столице Лихтенштейна, был арестован адвокат Рудольф Риттер, брат министра экономики Лихтенштейна. Немного раньше, в апреле, в западную печать просочился отчет германской спецслужбы BND, в которой Риттер был назван агентом колумбийского «наркокартеля» братьев Очоа и российской организованной преступности. В докладе, в частности, упоминалась основанная Риттером компания SPAG, которая использовала деньги колумбийской наркомафии для приобретения недвижимости в Петербурге. Как утверждалось в печати, «крышей» SPAG и лично Риттера в Питере был Владимир Путин, который в то время отвечал в петербургской мэрии за внешнеэкономические связи. Официально Путин оставался консультантом фирмы до 23 мая 2000 года.

В 1992–1996 годах, в период пребывания Путина на посту руководителя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга и в должности консультанта немецкой компании по недвижимости SPAG (St. Petersburg Immobilien und Beteiligungs AG) (СПАГ), созданной в 1992 году по инициативе мэрии Санкт-Петербурга, ставшей совладелицей предприятия СПАГ, фирма стала центром по отмыванию денег в Европе. В частности, через фирму СПАГ российские криминальные элементы переводили средства через румынский банк IRB с целью приобретения недвижимости в России. Через эту же компанию осуществлялась продажа недвижимости в СПб. на деньги, заработанные через наркоторговлю.

В середине 1990-х годов группа депутатов Ленсовета во главе с Мариной Салье и Юрием Гладковым провела специальное расследование, связанное с деятельностью Путина по выдаче лицензий на вывоз за рубеж сырья и цветных металлов. Питерские законодатели обвинили Путина в неэффективном использовании своих полномочий и коррупции. В частности, в заключении комиссии упоминалась история о выдаче лицензии на вывоз сырьевых ресурсов за границу под поставки продуктов питания, которые в город так и не поступили. А. Собчаку было рекомендовано отстранить Путина от занимаемой должности.

2. В. Путин участвовал в приватизации, в частности:

Балтийского морского пароходства (БМП). Контроль за БМП позволил организовать продажу российских судов по заниженным ценам, при этом все действия осуществлялись через криминального авторитета Требера И.И.;

завода крепких напитков «Самтрест» (через криминального авторитета Мирилашвили М.М. – Миша Кутаисский);

гостиницы «Астория».

3. С помощью вице-губернатора Санкт-Петербурга Гришанова (бывший командующий Балтийским флотом) Путин через порт Ломоносов занимался продажей кораблей военно-морской базы. Данный порт, находящийся на территории бывшей военно-морской базы и созданный Собчаком, Путиным и Черкесовым, является пропускным пунктом по контрабанде природных ресурсов из России и ввозу в нашу страну импортных товаров.

4. Весной 1998 года на предвыборную кампанию Собчака было переведено из банка «Царскосельский» в Швейцарский банк около 30 миллионов долларов США, проводку контролировали Путин, Черкесов, Григорьев (материалы находились у начальника Службы СКРОСО УФСБ Десятникова Б.О.).

5. Глава администрации Василеостровского района В. Голубев знаком с Путиным со времени работы в 1 Службе УКГБ СССР по г. Ленинграду. Бывшие коллеги организовали ряд фирм, через которые «прокручиваются», а затем присваиваются бюджетные деньги.

6. Будучи вице-мэром, Путин через Ленинградское Адмиралтейское объединение организовал продажу подводных лодок за границу. В 1994 году замгенерального директора объединения был убит (одна из версий – за отказ осуществить незаконную продажу военного имущества за границу).

7. Балтийская финансовая группа (БФГ, генеральный директор Капыш) ежемесячно финансово помогает Путину и Черкесову. В 1994–1995 годах у Капыша по нефтяному терминалу Морского порта возник конфликт с одним из учредителей терминала, Капыш заказал убийство этого учредителя. Путин за 50 тысяч долларов США уговорил учредителей урегулировать конфликт, после чего противник Капыша выехал в Израиль.

8. Созданная Путиным, совместно с депутатами Законодательного собрания Нижешиним и Гольдманом, корпорация «ХХ трест» перевела в Испанию бюджетные средства, полученные на строительство, в том числе бизнес-центра «Петр Великий». В Испании, в г. Торвиехо, была куплена гостиница. Часть украденных средств пошла на покупку Путиным виллы в испанском городе Бенидорм (материалы имеются в КРУ Минфина РФ по г. Санкт-Петербургу и обл.).

9. 12 декабря 1997 года джип, в котором с превышением скорости ехал В. Путин (на законном основании – с правительственной мигалкой), на 17-м километре Минского шоссе насмерть сбил пятилетнего Дениса Лапшина (Новая газета. № 8 (577). 14–20 февраля 1999). Водитель В. Путина Зыков Б.Б. не был арестован и в 1999 году подпал под

амнистию.

Одновременно можно констатировать, что В. Путин плохо справлялся со своими служебными обязанностями, возглавляя ФСБ. В это время в России был совершен ряд крупных преступлений, которые так и не были раскрыты. В их числе:

убийство главного редактора журнала «Юридический Петербург сегодня» Анатолия Левина-Уткина (20 августа 1998);

убийство во дворе Центральной мечети Махачкалы муфтия Дагестана Саид-Мухаммада Абубакарова и его брата (21 августа 1998);

убийство радиоуправляемой миной президента АО «Петербургская топливная компания», бывшего кандидата на пост губернатора Санкт-Петербурга Дмитрия Филиппова, доверенного лица Геннадия Селезнева (умер 13 октября 1998 от ран, полученных 10 октября);

ранение в Санкт-Петербурге в результате покушения советника и спонсора Г. Селезнева Михаила Ошерова (16 октября 1998);

убийство в Санкт-Петербурге Галины Старовойтовой (28 ноября 1998);

покушение на убийство 1-го зампрефекта Центрального округа Москвы Петра Бирюкова (28 ноября 1998);

зверское убийство в Чечне трех англичан и одного новозеландца (иностранные специалисты были похищены 3 октября 1998, их обезглавленные тела обнаружены 10 декабря 1998);

взрыв автомобиля у посольства США в Москве (17 января 1999);

убийство в Москве редактора журнала «Российский адвокат» А. Полякова (4 марта 1999);

похищение в Грозном полномочного представителя МВД России генерала Геннадия Шпигуна (5 марта 1999);

погром в синагоге в Новосибирске (в ночь с 8 на 9 марта 1999);

взрыв на рынке в г. Владикавказе: более 60 человек убито, более 100 – ранено (19 марта 1999);

попытка обстрела из гранатомета посольства США в Москве (28 марта 1999);

убийство в Махачкале заместителя генерального прокурора Дагестана Курбана Булатова (31 марта 1999);

взрыв под стеной здания приемной ФСБ на Лубянке (4 апреля 1999);

минирование еврейского театра «Шолом» в Москве (10 мая 1999);

убийство мэра г. Кызыла, лидера тувинского отделения партии ДВР Генриха Эллы (21 июля 1999) и другие.

Нераскрытие этих преступлений можно квалифицировать в лучшем случае как профессиональную несостоятельность и служебное несоответствие, а в худшем...

Прошу эту статью не рассматривать в качестве заявления в Генеральную прокуратуру ни Российской Федерации, ни в прокуратуру какой-либо другой страны – поскольку каждому (в том числе вице-мэру Санкт-Петербурга господину В. Путину), кто не спал в России на печке в течение 90-х годов XX века, может быть предъявлено обвинение в совершении преступления по той причине, что старые законы уже не работали, а новые еще не работали. Таковы последствия любой революции.

Президент России, по Конституции, – ее гарант. Он обязан понимать, что не «равноудаленность» бизнеса от власти, а равенство всех граждан страны, включая

президента РФ, перед законом гарантирует стабильное развитие страны и уверенность общества в надежности власти.

Б. Березовский

Речь, написанная для выступления Бадри Патаркацишвили в Грузии

15 августа 2003 г.

Надежда и Вера

Исторические и стратегические приоритеты Грузии

Уважаемый господин Президент! Дамы и господа!

Мы собрались здесь вместе, чтобы отпраздновать начало строительства еще одного города в нашей стране.

Никогда в истории человечества люди не закладывали город, если у них не было надежды, надежды на лучшую жизнь для себя, своих детей, родных и близких. Поэтому любому новому городу можно было бы дать имя Надежда. Но надежда имеет разные лица и для людей, и для наций, и для стран, потому что то, что хорошо для одних, может оказаться негодным для других.

Мы хотим, чтобы на этом месте был построен город надежды нашей страны, нашей любимой Грузии, и чтобы наш город надежды разделил судьбу Грузии, а Грузия подарила свою судьбу городу надежды.

Грузия переживает трагическое и великое время одновременно. Трагическое – потому что революция не обходится без ошибок и жертв. Великое – потому что революция дала Грузии самое главное – независимость.

Независимой Грузии исполняется 12 лет, и мне кажется совершенно необходимым и уместным именно сейчас хотя бы пунктирно подвести итог тому, что произошло, и обозначить, что необходимо сделать для того, чтобы Грузия стала современным процветающим государством.

Исторические приоритеты Грузии

Грузия имеет три исторических приоритета: независимость, территориальная целостность и демократизация всех сфер жизни страны. На настоящий момент страна добилась лишь частичных, но значимых результатов на пути к достижению этих исторических целей.

Независимость

После распада СССР Грузия получила политическую независимость, и ее политический статус четко определен Конституцией как независимого, суверенного, демократического государства.

Однако политическая независимость Грузии необходимо должна быть дополнена экономической независимостью. Именно достижение экономической независимости должно стать стратегическим приоритетом номер один.

Территориальная целостность

Самым тяжелым последствием революционных преобразований, которые претерпела Грузия в 90-х годах прошлого века, стала частичная утрата территориальной целостности. Необходимо отметить, что все страны бывшего СССР, за исключением стран Балтии и Белоруссии, столкнулись с проблемой сепаратизма. Не избежала этой проблемы и Россия. Этот процесс в условиях распада тоталитарной власти и самой империи носит объективный характер, поскольку веками имперская власть выстраивала балансы, основываясь на противоречиях народов, а не на их общих политических и экономических интересах, культурных и национальных традициях.

В этом контексте проблема Абхазии является ключевой для восстановления территориальной целостности Грузии, но не единственной.

Поэтому второй исторический приоритет Грузии состоит в восстановлении территориальной целостности и

создании такой системы государственного устройства, которая будет адекватна новому демократическому, политическому и экономическому порядку страны.

Демократизация

Основной смысл революционных преобразований, переживаемых Грузией, равно как и другими странами бывшего СССР, состоит в демократизации всех сторон жизни государства, общества и человека.

За время независимости народ Грузии и Президент заложили в стране основы новой демократической политической системы и новой рыночной экономики и, по существу, сделали необратимым процесс демократических реформ.

Это означает, что в Грузии в основном завершился революционный процесс и страна вступила в длительный эволюционный период развития, который должен доказать каждому гражданину Грузии преимущество новой политической и экономической конструкции по сравнению с прежней, коммунистической.

Поэтому важно сформулировать стратегические цели на пути решения исторической задачи построения либерального, демократического государства.

Стратегические приоритеты Грузии

Первый главный стратегический приоритет Грузии состоит в достижении экономической независимости, самодостаточности.

Важно заметить, что страны бывшего СССР после его распада оказались в совершенно различных экономических условиях. Это различие определилось, прежде всего, различием в природных ресурсах, поскольку почти вся продукция, производимая в странах бывшего Союза, оказалась неконкурентоспособной по сравнению с продукцией стран с развитой рыночной экономикой. Недостаточность природных ресурсов, прежде всего энергоносителей, объективно поставила Грузию в крайне тяжелое положение.

Но тем не менее народ Грузии прошел самое тяжелое испытание – изменение менталитета. Основа рыночной экономики – не экономические механизмы, а менталитет. Сегодня подавляющее большинство граждан страны осознали необходимость взять на себя ответственность за свою жизнь и жизнь своих семей, а не ждать, когда царь, генеральный секретарь или государство решит за них проблемы.

Поэтому важнейшей задачей в реализации этого приоритета стала техническая задача создания и защиты правового поля для максимальной самореализации, предпринимательства.

Второй стратегический приоритет Грузии состоит в создании системы государственного устройства, адекватной новому суверенитету страны и новой политической и экономической системе.

Очевидно, что ситуация в Абхазии не только следствие недальновидной политики России, но и результат глубочайших преобразований в самой Грузии. Последние годы показали явное несовершенство государственного устройства и необходимость кардинальной его демократизации. Это означает, прежде всего, перераспределение функций между центром и регионами (областями), между областями и районами в пользу последних. Иначе говоря, мы остро нуждаемся в реально федеративном государственном устройстве. По существу, забота центра должна состоять лишь в сохранении единого экономического и оборонного пространства Грузии. Все остальные функции должны быть переданы в регионы (области).

Третий стратегический приоритет состоит в совершенствовании демократической власти.

Сохранение института президентства, создание двухпалатного парламента; введение должности премьер-министра, утверждаемого парламентом; укрепление принципа разделения исполнительной, законодательной и судебной властей – вот основные ориентиры демократической власти.

Четвертый приоритет – демократизация общества.

Демократизация общества означает перераспределение функций между властью и обществом в пользу последнего. Власть должна, обязана не препятствовать, а всячески поощрять инициативу снизу в создании общественных организаций и институтов, добровольно принимающих на себя те или иные функции власти. Опыт стран с давней демократической традицией показал, что самоорганизующееся общество значительно эффективнее по сравнению с управлением сверху.

Пятый приоритет – демократизация внешней политики Грузии.

Демократизация внешней политики Грузии означает увеличение степеней свободы Грузии во внешнем мире.

Внешняя политика Грузии должна отвечать исключительно интересам страны, ее граждан. Интересы Грузии выше интересов любой другой страны – и США, и России, и всех других. Грузия – превыше других! Именно в этом смысле мы патриоты. Перефразируя известного политика, скажу: у Грузии нет друзей, у Грузии есть интересы. Основных внешнеполитических интересов у Грузии два – Россия и США. Как бы ни была сегодня слаба Россия, она наш сосед. Как бы ни были сильны США – они за океаном. И сила притяжения одной страны к другой, мне кажется, определяется той же формулой, что и закон гравитации, – прямо пропорциональна массам стран, то есть их мощи, и обратно пропорциональна квадрату расстояния между их столицами.

Америка мощная, но далекая. Россия слабая, но близкая. Пример проблемы снабжения Грузии энергоресурсами – ярчайшее подтверждение этой мысли.

Мы должны смотреть правде в глаза и честно сказать: основа внешнеполитической стратегии Грузии – баланс. Баланс отношений с различными странами. Баланс – состояние динамическое и менее устойчивое, чем статическое, но зато более эффективное – двухколесный велосипед едет быстрее, чем трехколесный.

Шестой приоритет – преемственность власти.

Стабильное поступательное движение ни в одном из стратегических направлений нельзя вести без уверенности в завтрашнем дне. И это не пустые слова. Власти, элиты, общество,

народ должны быть уверены, что все, что они делают сегодня, найдет свое логичное продолжение завтра: во власти, в бизнесе, в культуре, в науке, в повседневной жизни.

На сложном переходном этапе, который переживает Грузия, главная задача для сохранения стабильности – обеспечение преемственности властных элит: президента, политиков, церкви, предпринимателей, военных, спецслужб, журналистов. По опыту нашего ближайшего соседа России мы видим, к каким разрушительным последствиям привела неудача в обеспечении преемственности от Ельцина к Путину. Мы обязаны выучить этот урок и не повторить ошибку России.

Чтобы не потерять то, что уже сделано, и двигаться вперед по пути реформ, все элиты должны получить гарантии того, что ошибки, сопровождающие любую революцию, не будут инструментом шантажа после очередных парламентских и президентских выборов. Единственный способ это сделать – подвести черту под революционным этапом и признать его результаты. Это необходимо оформить законодательно. Здесь мы должны констатировать, что гарантом исполнения этих решений, помимо самой Грузии, могут быть только США, а не Россия и даже не Европа.

Преемственность в элитах позволит осуществлять преемственность в других слоях общества.

Особо хочу подчеркнуть, что, несмотря на то что этот приоритет я упомянул последним, пять предыдущих недостижимы, если не будет обеспечена преемственность властных элит.

Мы собрались сегодня вместе, чтобы заложить камень в строительство города Надежда. Собственно, строительство города и есть дорога к Храму.

Говорят, надежда умирает последней. Это неверно. Последней умирает Вера. Но надежда укрепляет Веру. Я верую, я верю. Я верю в мою Грузию.

Проект обращения президента России В. Путина к нации

6 сентября 2004 года

Заместителю главы администрации Президента РФ И. Сечину
Игорь, прошу тебя передать мое предложение В. Путину.
Б. Березовский

Президенту Российской Федерации В. Путину
Господин президент,

я внимательно, как и миллионы граждан России, прочитал Ваше заявление по поводу последних событий в г. Беслане. Я глубоко убежден, что Ваша позиция ошибочна. Вы ошибались все эти годы, настаивая на военном решении чеченской проблемы. Сегодня, как никогда раньше, я уверен, что только переговоры с А. Масхадовым могут предотвратить развал России. Поэтому я взял на себя смелость и подготовил проект Вашего обращения к нации, которое может переломить ситуацию и сохранить нашу родину. Проект прилагаю. Готов оказать любую помощь – действием и словом. Отсиживаться и молчать не смогу.

Борис Березовский Лондон, 6 сентября 2004 года

Обращение Президента России В. Путина к нации

Проект

Матери, отцы, сыновья, дочери, братья и сестры погибших. Я обращаюсь в этот скорбный день, когда вы хороните самых близких на земле, к вам, а через вас ко всей России.

Я не просто разделяю ваше горе, я пытаюсь ощутить хотя бы тысячную долю тех чувств, которые испытываете вы в эти ужасные дни.

Осетины и чеченцы. Русские и нерусские. Я прошу – простите меня.

У меня не хватило сил остановить войну. У меня не хватило сил потому, что я не понимал – признать свою ошибку и есть сила. А месть – даже врагу – слабость.

Сегодня я в одночасье понял то, что не мог понять всю предыдущую жизнь. Свобода дана человеку Всевышним вместе с жизнью, и их нельзя отделить друг от друга.

Я искренне хотел помочь России стать сильной. Мне казалось, что сделать это просто: собрать власть в железный кулак, замочить плохих чеченов в сортире, надавать дубиной по голове зажавшимся олигархам, поставить оборзевших губеров на место, заткнуть поганую глотку распоясавшимся журналюгам.

Я непростительно ошибался. Нет ни одной серьезной проблемы в России, которая имела бы простое решение.

Я наконец понял, что после Ельцина, который наломал дров, но сделал главное – раскрепостил Россию, все ждали лидера, который на новой – духовной – основе возродил бы великую страну. Не закрытое и затхлое полицейское государство, но гигантское евразийское культурное и экономическое пространство, где немка становится Екатериной Великой, украинец – Гоголем, грузин – Багратионом, еврей – Менделеевым и даже для эфиопа находится место – он становится Пушкиным. А все вместе уходят в Историю великими русскими.

Я знаю, что не оправдал ваших надежд. Я переживаю глубокую душевную муку, и это страдание открыло мне важные картины:

– мы должны найти мужество и волю, чтобы покаяться. Покаяться всем вместе за уродливое прошлое, в котором истязали и убивали самих себя, убивали и насиловали других;

– мы должны признать, что обычный человек выше государства, выше любой власти, что государство и власть существуют только для того, чтобы помочь каждому гражданину оставаться свободным. И тогда станет ясно, что патриот России – это вовсе не державник, государственник, а тот, для кого любовь к простому человеку и есть главный смысл любви к своей Родине.

Простите меня.

Пока вы будете определяться, кто поведет вас дальше, я сделаю все, чтобы сохранить жизнь и свободу тех, кто остался. Еще недавно нас было 300 миллионов, а сейчас меньше половины от этого. С востока нас подпирает набирающий силу полуторамиллиардный Китай. С запада – почти полумиллиардная объединенная Европа. На Кавказе и в Средней Азии укрепляются мощные трехсотмиллионные США. Нас совсем немного. И становится все меньше.

Я не имею права оставаться слабым. Я обязан остановить эту бойню. Поэтому я принял решение пригласить в Москву на переговоры законно избранного президента Чеченской республики А. Масхадова.

Проект подготовил

Борис Березовский
Лондон, 6 сентября 2004 года

Судьба России решается на Украине

19 ноября 2004 г. «Ведомости», Москва

В воскресенье 21 ноября народ Украины делает исторический выбор – продолжить либеральное переустройство общества или, по примеру России, совершить новый авторитарный виток, который будет означать не только застой, но и утрату независимости. Ведь ни для кого не секрет, что обозначенный путинской Россией интерес к выборам на Украине связан с нескрываемым стремлением вернуть Украину в стойло затхлой империи.

Результаты выборов на Украине не менее важны и для России. От того, кто возьмет верх – демократ В. Ющенко или авторитет В. Янукович, – зависит режим В. Путина. Именно поэтому Путин и К° с такой беспрецедентной агрессивностью и настырностью пытаются навязать независимой Украине власть, основанную на страхе. То, что происходит сегодня на Украине, необходимо рассматривать в двух контекстах: изменений, произошедших на постсоветском пространстве после распада СССР, и изменений в мире после 11 сентября 2001 года.

Первый контекст. Изменения на постсоветском пространстве. В 1991 году Россия возглавила либеральную революцию на всем постсоветском пространстве. Борис Ельцин развернул крупномасштабные политические и экономические реформы, остро необходимые России, проигравшей историческое сражение между неэффективной централизацией и динамичной демократией.

Примеру России последовали все страны бывшего СССР. Безусловно, каждая на свой лад, исходя из различий в менталитете и ресурсах.

До 2000 года Россия была однозначным лидером демократических преобразований распавшейся империи. Но с приходом к власти Владимира Путина началась робкая, а затем крупномасштабная реставрация авторитарной модели. Смысл – восстановление уже однажды потерпевшей крах централизованной политической, а затем экономической системы управления вначале в России, а затем на евразийском пространстве.

Однако огромный импульс, заданный ельцинской революцией, не прошел бесследно не только для России. И там, где народ ощутил преимущества свободы и независимости, несмотря на откат России, демократические преобразования набирали силу. Пример – страны Балтии. Но они нетипичны в силу отличного от России исторического опыта.

Прорыв произошел в Грузии, многовековом вассале России. «Революция роз» есть не что иное, как ответ путинскому режиму на попытку подчинить Грузию и новый естественный, а потому необходимый шаг в укреплении политической и экономической независимости от путинской России.

Особенно важно, что этот прорыв был сделан «снизу», а не «сверху», т. е. исключительно по воле народов Грузии. И в этом состоит кардинальное отличие «революции роз» от полученной в 1991 году из рук Бориса Ельцина свободы и независимости.

Абсолютно аналогичная ситуация сегодня на Украине. Готов или нет народ Украины

под натиском путинской России и местного криминалитета отстаивать свою свободу и независимость, которые, как и всем другим народам бывшего СССР, достались почти «бесплатно», – вот в чем вопрос.

И теперь уже не Россия, а Украина вместе с Грузией становятся лидерами демократических преобразований всего постсоветского пространства.

Второй контекст. Изменения в мире. Реакция на события 11 сентября 2001 года ярко высветила кризис современных демократий, и прежде всего кризис лидера демократического сообщества – США. Косвенные признаки появлялись и раньше. Особенно значимым примером стал подрыв демократического института выборов исполнительной власти. Избрание Джорджа Бушамладшего президентом США в 2000 году, как в капле воды высветило родовые пятна авторитарных, монархических режимов, а отнюдь не демократии.

Глобальный кризис демократий в США и Европе создал дополнительные проблемы для народов бывшего СССР, решивших стать на путь либеральных реформ. Заграница не поможет. Более того, ради сиюминутных и сомнительных политических выгод Запад активно сотрудничает с режимом Путина, тем самым поощряя его к новым агрессивным действиям.

Бесстыдная позиция политических лидеров Запада по Чечне и Абхазии имеет свое естественное продолжение на Украине. Солдаты, отправленные Кучмой в Ирак, оказались достаточной платой за то, что администрация Буша закрыла глаза на беспредел власти и неправовое вмешательство России в предвыборную кампанию на Украине. Голос Европы тоже неадекватен значению происходящих событий.

Эти два контекста – напор авторитарного путинского режима и самоизоляция Запада, в дополнение к беспределу власти центра и Донецка – самый жестокий экзамен для народа Украины в его новейшей истории. Совершенно очевидно, что расчет украинских властей и путинской администрации на использование российских политтехнологий провалился. Украина «хоть похожа на Россию, только все же не Россия». Нет никаких сомнений, что вопрос о власти на Украине сегодня уже вышел за границы избирательных участков и решается на улицах и площадях огромной страны.

«Слишком мало крови было пролито за свободу, поэтому и отступили», – сказал известный российский политик, имея в виду ельцинскую революцию и последующую реакцию путинского режима.

Грузии удалось пойти дальше мирно.

Дай Бог Украине пройти свой путь к свободе и независимости бескровно.

Борис Березовский

Письмо Виктору Ющенко

30 ноября 2004 года

Уважаемый Виктор Андреевич.

Уверяю Вас, что из лондонского далека не хуже, а даже лучше видно, что происходит на Украине. Я несколько раз это доказал. В том числе когда в феврале 2003 года публично заявил, что следующим президентом Украины будет г-н Ющенко.

1. Нельзя продолжать убивать людей на площади. Скоро площадь отвернется от Вас. То,

что не пролита кровь, – это иллюзия. Люди гибнут не только от пуль. Сотни, тысячи замерзших и заболевших – это большая кровь, и это кровь Ваших сторонников. Вы это замалчиваете. Вы несете потери, а Ваши враги ночью спят в теплых кроватях, а днем за бутылкой смотрят по телевизору со смехом на людей, покрытых ледяной коркой, скандирующих Ваше имя.

Вы не заботитесь о своих людях, а жестоко эксплуатируете их стремление стать свободными.

2. Вы теряете качество. Многие люди на площади уже не те, что в первые дни. Это благородное собрание постепенно превращается в тусовку.

3. Скоро вся страна ощутит экономические потери, и это на Вашей совести.

4. Вопрос о сепаратизме есть прямой результат затяжки в действиях Вашей стороной. В первые дни это никому, кроме кремлевских мечтателей, в голову не приходило. А сегодня идея овладевает одураленными массами. Это также Ваша ответственность.

5. Девяносто процентов людей на площади не понимает смысла Ваших переговоров. Если есть желание разобраться, кто прав, кто виноват, – лучше дома почитать газету или посмотреть телевизор. Народ выходит на площадь тогда, когда уже решил, на чьей стороне правда, и ждет не слов, а действий. Это означает, что Вы должны командовать, а не переговаривать и митинговать бесконечно.

Вы уже получили невероятную для революции легитимность.

Смена авторитарного режима на демократическую власть никогда не может быть на сто процентов конституционной. Поэтому Вы обязаны прекратить слушать байки Ваших трусливых псевдосоюзников и возражения Ваших врагов.

Создается впечатление, что Вы сами не уверены в правоте народа.

6. За Вашей спиной самый удивительный на земле народ. Мирное противостояние на морозе под снегопадом в течение почти двух недель миллионов людей не имеет прецедента в мировой истории.

7. Лично против Вас работают профессиональные кремлевские психологи-чекисты. Они знают все Ваши слабости, и Вы им обязательно проиграете, если еще день-два будете бездействовать.

Извините, но я все больше и больше убеждаюсь, что Вы плохо чувствуете свой народ. Почти так же его не чувствует Кучма и К. Я уж не говорю о совковой банде Януковича.

Поэтому Вы должны, обязаны немедленно войти в кабинет президента Украины, который принадлежит Вам по воле народа, и начать командовать из президентского кресла.

1. Вы (а не Кучма) должны отправить Януковича и его правительство в отставку, назначить и. о. председателя правительства и силовых министров.

2. Вы должны отдать команду силовикам о немедленном аресте руководителей сепаратистов, назначить новых глав в бунтующих регионах, обеспечить им возможность для работы.

Виктор Андреевич, Вы должны прекратить мучить Ваших людей на площади бесчисленными заклинаниями. Они давно уверены, что Ющенко президент Украины, единой и неделимой. И только от Вашей воли зависит, оправданна или нет их вера в Вас.

P. S. Если у Вас не хватает воли или уверенности в своих силах – распустите уставший

народ по домам, а то они возненавидят Вас ничуть не меньше, чем Кучму и Януковича.

Ваша неуверенность стала угрожать не только делу демократии, но и целостности Украины не меньше, чем беспредел власти Кучмы – Януковича.

Виктор Андреевич, я, как никто другой, знаю, как Вам не по-человечески тяжело, но вместо Вас этот путь пройти не сумеет никто.

С уважением и верой в Вас и Ваш народ,

Борис Березовский

Исторические цели и стратегические приоритеты Украины

Проект инаугурационной речи президента Украины В. Ющенко, написанный Борисом Березовским

Введение

В конце 2004 года народ Украины осуществил мирную демократическую революцию. Впервые в истории нашей страны народ сделал самостоятельный выбор в пользу свободы граждан и независимости страны.

События последних месяцев ушедшего года кардинально отличаются от событий 1991 года, когда в результате распада СССР свобода и независимость возникли как Жар-птица перед изумлённым народом. Жар-птица – в славянских сказках – чудесная птица, которая прилетает из другого (тридесятого) царства. Это царство – сказочно богатые земли, о которых мечтали в давние времена, ибо окраска Жар-птицы золотая. Эту Жар-птицу поймали на Украине смысленные и злые люди и посадили в золотую клетку. Они выставили клетку с Жар-птицей на обозрение народу и присвоили себе право распоряжаться нашей свободой и независимостью Украины.

Мы выпустили Жар-птицу из клетки. Теперь она в сердце каждого из нас. Свобода и независимость стали достоянием всех граждан Украины. В этом состоит главный смысл и результат нашей оранжевой революции.

Важно не останавливаться и капитализировать нашу политическую победу, то есть конвертировать ее в политические и экономические реформы, жизненно необходимые стране.

Прежний режим жил одним днем – «после меня хоть потоп». Поэтому за десять лет власть так и не предложила народу внятную стратегию развития нашей страны.

Мы обязаны вместе понять и сформулировать наши цели и вместе к ним идти.

Исторические цели Украины

Украина имеет три исторические цели: независимость, территориальная целостность и демократия.

Независимость

После распада СССР Украина формально получила статус независимого государства. Однако подлинной, а не декоративной независимости страны старому режиму добиться не удалось. Он разменивал независимость страны на экономические подачки и извлечение личной выгоды для людей во власти. Этому впредь не бывать. Достижение

экономической самодостаточности должно стать важнейшим стратегическим приоритетом страны на пути достижения реальной независимости.

Территориальная целостность

Все республики бывшего Союза, за исключением стран Балтии и Белоруссии, столкнулись с сепаратизмом. Не избежала этой проблемы и Россия на Кавказе.

Важно понимать, что эта проблема в условиях распада тоталитарной власти и самой империи имеет объективный характер. Поскольку веками имперская власть выстраивала внутривнутриполитические балансы, эксплуатируя противоречия между народами, отвергая их общие политические и экономические интересы, культурные и национальные традиции в угоду построения вертикали власти.

Поэтому необходимо создать такую систему государственного устройства, которая обеспечит целостность страны в условиях демократической политической системы и свободного рынка.

Демократия

Основной смысл революционных преобразований, переживаемых Украиной, состоит в демократизации, раскрепощении жизни человека, общества, государства.

Демократический фасад, который прикрывал авторитарную сущность прежнего режима, разрушен. Наша задача состоит в построении основ подлинно демократической политической системы и реальной рыночной экономики.

Революция завершена. Мы вступаем в длительный эволюционный период развития страны, смысл которого состоит в том, чтобы каждый гражданин Украины убедился в преимуществе новой политической и экономической конструкции по сравнению со старой – авторитарной, клановой, коррумпированной.

Поэтому важно сформулировать стратегические приоритеты для достижения исторических целей: независимости, территориальной целостности, демократии.

Стратегические приоритеты Украины

Первый. Раскрепощение личности

«Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимыми по закону свободы», – сказал апостол Иаков. Каждый человек рождается свободным, но не каждый остается им. Вера, просвещение и труд – три столпа, на которые опирается свобода гражданина. Главной задачей нашей власти будет помощь человеку оставаться свободным.

Второй. Демократизация общества

Раскрепощение человека, гражданина создает необходимые предпосылки для самоорганизации и саморазвития общества.

История демократических сообществ в США и Европе на протяжении последних двух веков вынесла окончательный вердикт: демократические, т. е. самоорганизующиеся, сообщества людей эффективнее управляемых из единого центра с помощью вертикали власти, т. е. авторитарных.

Из этого исторического опыта не следует, что самоорганизация не требует ограничений. Поэтому каждая страна, ставшая на путь демократии, в зависимости от национальных, культурных, ментальных особенностей, от уровня экономического развития, вырабатывает систему ограничений – законы. Носителем и исполнителем этих ограничений является власть.

Третий. Демократизация власти

Основной принцип демократической власти составляет преимущество личности над государством. То есть основная задача демократической власти сводится к созданию условий для максимальной самореализации каждого гражданина. Поэтому объем ограничений, устанавливаемый и реализуемый демократической властью, должен соответствовать уровню ответственности граждан перед обществом.

Таким образом, чем сознательнее граждане, тем меньше ограничений устанавливает власть. И наоборот, чем менее граждане готовы ограничивать себя самостоятельно во взаимоотношениях с обществом, тем больше ограничений обязана устанавливать и добиваться их исполнения власть. Поэтому демократическая власть должна быть умной и сильной.

В свою очередь, гражданин и общество должны иметь возможность контролировать власть, поскольку любая власть, и авторитарная, и демократическая, в силу своей природы стремится расширяться и узурпировать как можно больше функций управления обществом.

Самым действенным инструментом борьбы с концентрацией власти, перерождением демократической власти в авторитарную, являются:

- принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную;
- гарантированное и действенное право на политическую оппозицию.

Задача нашей власти состоит в создании и защите этих механизмов.

Четвертый. Демократизация государственного устройства

В соответствии с действующей Конституцией Украина – унитарное государство (раздел 1, статья 2). Введение такой нормы было естественной реакцией на развал СССР с целью остановить возможную в то время цепную реакцию на Украине. (Кстати, все республики бывшего Союза, кроме России, выбрали модель унитарного государственного устройства. Уверен – во многих странах постсоветского пространства эта модель будет со временем заменена на федеративную.)

Сегодня, по прошествии 15 лет, унитарное государственное устройство превратилось в свою противоположность – в угрозу распада Украины. Федерализация необходима Украине, поскольку является универсальной формой устройства демократического государства (за исключением малочисленных стран). Федерализм обеспечивает гибкость и конкурентоспособность политической и экономической системы внутри страны.

Посмотрите на политическую карту США. Отцы-основатели Америки прямо по линейке искусственно расчленили страну на штаты, чтобы через конкуренцию заложить основы самоорганизации и саморазвития страны. И этому аргументу невозможно противопоставить ни моноэтнический состав Украины, ни ее унитарное настоящее и прошлое.

Более того, усиление интеграции некоторых регионов Украины решается эффективнее путем разукрупнения и увеличения полномочий на местах.

Основным в новом федеративном устройстве государства должен стать принцип делегирования властных функций субъектами (областями) федеральному центру, а не наоборот.

Важной целью федеральной власти (государства) должно стать формирование единой политической нации – украинец, – вне зависимости от национальности по крови, вероисповедания, культуры.

Пятый. Демократизация внешней политики

Демократизация внешней политики Украины означает увеличение степеней свободы Украины во внешнем мире.

Внешняя политика Украины должна отвечать исключительно интересам ее граждан. Интересы Украины важнее интересов любой другой страны – и США, и России, и любой какой бы то ни было страны. Украина – превыше других! Именно в этом смысле мы патриоты своей страны. Перефразируя известного политика, мы говорим: «У Украины нет друзей, у Украины есть интересы».

Сегодня Россия и США больше других обозначили свои интересы на политическом пространстве Украины. Стратегический интерес Украины состоит не в определении предпочтения одной из этих сил, а в увеличении числа политических игроков на украинской сцене. Поэтому Украина заинтересована в ускорении участия в европейской кооперации и в расширении отношений с набирающим мощь Китаем.

Основы внешнеполитической стратегии Украины – баланс. Баланс отношений с разными странами.

Географическое положение Украины – центр Европы. Наша цель состоит в том, чтобы геополитическое положение Украины совпало с географическим.

Шестой. Экономическая независимость. Самодостаточность

После распада СССР республики бывшего Союза оказались в различных экономических условиях. Это различие определилось, прежде всего, различием в природных ресурсах, поскольку почти вся советская продукция оказалась неконкурентоспособной по сравнению с товарами стран с развитой рыночной экономикой. Недостаточность природных ресурсов, прежде всего энергоносителей, объективно поставила Украину в крайне тяжелое положение.

Тем не менее народ Украины прошел через самое тяжелое испытание – изменение менталитета. Основа эффективной рыночной экономики не экономические механизмы, а менталитет граждан. Подавляющее большинство граждан страны осознали необходимость взять на себя ответственность за свою жизнь и жизнь своих семей, а не ждать, когда царь, генеральный секретарь или президент решит их проблемы.

Поэтому для получения устойчивого экономического роста и достижения экономической независимости власть обязана обеспечить политическую стабильность и предсказуемость. Установить понятные законы, одинаковые для всех участников рынка, и добиваться неукоснительного их исполнения.

Основной смысл участия государства в реформировании экономики – устранение помех для инициатив предпринимателей – не помешать творчеству.

Заключение

В конце прошлого года весь мир узнал, что на карте Европы появилось новое независимое демократическое государство – Украина.

Мир узнал о нашей стране благодаря вам – сотням тысяч, миллионам граждан нашей Родины, которые вышли на улицы и площади Украины, чтобы стать свободными людьми.

За три недели на Майдане, на холоде, в снежной метели, великий народ Украины прошел тот же путь, что сыны израильтян прошли за сорок лет, бродя, ведомые Моисеем, под испепеляющим солнцем по пустыне Негев. Как и они, вы из рабов превратились в свободных людей.

Вы сами выбрали свободу, вы ее выстрадали, вы ее отстаивали. Вы должны помнить, что свобода не дается навсегда. За нее нужно бороться каждый божий день.

Слава Господу!

Так! Победим.
С неизменным уважением,
Борис Березовский
5 января 2005 года
Лондон

О присоединении России к Украине

26 апреля 2005 г. «Коммерсант», Москва

О чем не сказал В. Путин в послании Федеральному Собранию РФ

Вчера В. Путин обратился с посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации. Как и во всех его предыдущих посланиях Федеральному Собранию, в нем не было обсуждения главного события, произошедшего после предыдущего послания.

Безусловно, что главное событие истекшего года – отделение Украины от России.

В недавнем комментарии в Германии В. Путин сказал, что вхождение Украины в Европу напоминает разделение Германии на Восточную и Западную. Тем самым вольно или невольно В. Путин признал, что для России в истекшем году не было события более важного, чем оранжевая революция в Украине. Однако В. Путин забыл, чем закончился раздел Германии. Напомню: в 1991 году пала Берлинская стена, и Восточная Германия присоединилась к Западной (не наоборот!). Это эпохальное событие ознаменовало крах тоталитарной идеологии СССР и разрешение исторического спора в пользу демократий перед автократиями.

События на Украине – подтверждение исторической неизбежности поражения автократов. Поэтому сожаление В. Путина об уходе Украины в Европу есть, с одной стороны, подтверждение им своих авторитарных взглядов, а с другой – признание поражения в попытке повернуть вспять историю и Украины, и России.

Украина не только освободилась от роли вассала России, которую она играла столетия (даже президент Кучма уже в постсоветское время воспринимал Украину как подчиненное России государство. «Не может же оборона России зависеть от прихотей руководства другой страны», – заявил он, называя свою страну «другой», в недавнем интервью российской газете «Время новостей»), но и показала неизбежный вектор для России – путь на Запад.

Присоединение России к Украине, а точнее, к Европе – вопрос только времени. И очень короткого времени.

В течение 90-х годов Россия была лидером демократических преобразований на всем постсоветском пространстве. Однако с приходом к власти В. Путина система координат российской власти изменилась. Эти изменения почувствовали все новые государства, возникшие после распада СССР. Но отреагировали по-разному. Одни, прежде всего среднеазиатские государства и Белоруссия, стали по примеру путинской России укреплять «вертикаль власти». Другие поняли необходимость немедленных революционных шагов для сохранения демократического вектора, заданного Б. Ельциным.

Насколько путинская Россия безнадежна в возврате к демократическому развитию?

Ситуация в России характеризуется огромной степенью неопределенности.

Неопределенность в первую очередь объясняется откровенной слабостью власти, ее неспособностью дать ответ ни на один жизненно важный для России вопрос:

- как предотвратить распад России?
- что делать с тающим влиянием России на всем постсоветском пространстве?
- как позиционировать себя в быстро и сложно изменяющемся мире?

Всем очевидно, что власть недееспособна, но нет единства в понимании выхода из ситуации. Демократы обескуражены и *censored*ируют. А Чубайс в недавнем интервью «Известиям» заявил: «Я считаю, что объединение демократов на антипутинской основе неработоспособно». Господин Чубайс, видимо, искренне не понимает, что любое объединение на пропутинской основе заведомо не для демократов.

Государственники, сделавшие ставку на В. Путина, разделились на патриотов и национал-патриотов. Кремль, как самостоятельная, но полностью импотентная политическая партия, мечется между Востоком и Западом, между Рогозиным и Жириновским, между «нашими» и не нашими, между публичным Героем России «авторитетом» Р. Кадыровым и тайным Героем России генеральным прокурором В. Устиновым.

Вывод однозначен. Режим Путина обречен. Но что на смену?

Ответ на этот вопрос России следует в этот раз искать не в именах политиков, а в векторе – единственном, который позволит сохранить целостность страны, в векторе демократического развития.

Нам необходимо присоединиться к Украине, необходимо правильно прочитать историю Германии и воссоединиться с Украиной в Европе.

Президент Фонда гражданских свобод

Б. Березовский

Лондон, 25 апреля 2005 года

Переписка с Юлией Тимошенко

1. Опубликованный вариант письма Б. Березовского Ю. Тимошенко

Дорогая Юля!

К сожалению (но не по моей вине), не удастся в течение долгого времени обсудить насущные проблемы.

Предлагаю твоему вниманию некоторые соображения, которые мне представляются исключительно актуальными.

1. Все ваши действия необходимо соотносить с главной целью – победой на парламентских выборах в марте 2006 года.

2. Не пугайтесь сами и не дайте себя испугать реприватизацией ни Западу, ни Москве. Ее необходимо провести в полном объеме, т. е. необходимо отобрать как можно быстрее экономические и информационные рычаги у тех, над кем вы одержали политическую победу. Задайте политический импульс – остальное сделают сами те, кого обидела предыдущая власть.

3. Вам навряд ли удастся к парламентским выборам предъявить народу ощутимые экономические успехи (дай бог, чтобы не стало хуже). Поэтому необходимо предъявить то, что возможно:

- раскрытие убийства Гонгадзе (заказчики, организаторы, исполнители);
- раскрытие отравления Ющенко (заказчики, организаторы, исполнители);
- раскрытие фальсификации президентских выборов – попытки государственного переворота (заказчики, организаторы, исполнители).

Этого народу хватит, чтобы он почувствовал политическую волю и силу новой власти, и тогда он поддержит вас на парламентских выборах и подождет еще немного (или много) в надежде на лучшую жизнь. К тому же и у ваших оппонентов, в случае реализации вами пп. 2 и 3, будет чем заняться, чтобы не путаться у вас под ногами во время предвыборной кампании. Они должны бегать по заграницам и думать, как не сесть в тюрьму.

4. Кто бы что вам ни рассказывал, Путин не смирился с поражением и будет с удвоенной силой пытаться взять реванш на парламентских выборах. Поэтому особый разговор о российских олигархах, которые все без исключения работали на Кремль и на Кучму (Януковича) во время президентских выборов. И сейчас по заданию Кремля работают против вас. Самые опасные три группы: «Альфа-группа» (Фридман и Авен напрямую работают с ФСБ); ЛУКОЙЛ (Алекперов давно не самостоятельная фигура и полностью под Кремлем); Дерипаска – работает на Кремль через криминальные связи Сечина и Путина.

Юля, это не предположение, это – знание. Если будет необходимо, дам развернутую информацию.

5. Юля, я понимаю, как тебе нелегко сражаться на много фронтов. Я понимаю, как тебе хотелось закрепиться на восточном направлении – Москве. Но по факту получилось все очень плохо. И не потому, что тебя Порошенко переиграл в этом эпизоде (по крайней мере, так это прочитывается). А потому, что ты – премьер-министр великой страны – не можешь ехать в другую страну, где на тебя возбуждено уголовное дело (вопрос даже не в ордере на экстрадицию). Это означает не только то, что они унижают Украину, а то, что ты унижаешь себя. Юля, твой главный политический капитал, что ты – «железная леди» и никто не может тебя унижить, а не то, что ты незаменимый экономист – для большого политика это вторично. И никакие высокие рассуждения о судьбе страны, о необходимости дружеских связей между братскими народами тебя в этой ситуации не спасают.

Только когда Россия официально откажется от уголовного преследования премьера Украины Тимошенко, ты можешь туда ехать. И это должно быть твоей публичной политической позицией, а не посевная.

Вообще же главная ваша общая ошибка – и твоя, и В. Ющенко – состоит в том, что вы недооцениваете собственную силу и переоцениваете силу путинской России. Если бы вы меньше заигрывали с Россией (при этом я не призываю к открытому противостоянию – и так все напряжены) и были бы последовательнее, режим в России можно поменять за год, максимум за два.

И вообще, до тех пор, пока Россия не станет нормальной, хотя бы в такой же степени, как сегодняшняя Украина, вам никогда не будет покоя, вас всегда будут шантажировать то нефтью, то газом, то Севастополем, то Крымом. И никакой вектор в Европейский союз не отменит огромной опасности под названием «путинская Россия».

Специальная тема – о твоем позиционировании на парламентских выборах и о союзе с В. Ющенко. Считаю такой союз абсолютно необходимым, но его важно правильно структурировать. Если захочешь – обсудим позже.

Хочу особо подчеркнуть – у меня лично нет отдельных политических интересов в

Украине, но они есть и огромны в связи с возможностью влиять из Украины на Россию.

Поэтому у меня нет никакой обиды ни на В. Ющенко, ни на тебя, ни на Жвания со товарищи за то, что происходит по отношению ко мне лично. Я занимаюсь политикой и много раз встречался и с предательством, и с глупостью; эмоции – враг любого политика. Я научился с ними справляться.

Но я не смирюсь с предательством политическим. В данном случае с предательством по отношению к России. Поскольку я рассматривал свою безоговорочную поддержку вашей революции прежде всего с позиций создания политического плацдарма для нанесения поражения путинскому режиму в России.

Юля, ты знаешь, что в отличие от многих украинских политиков я не сидел, как собака на сене, и рискнул своим капиталом. Деньги для меня давно – политический инструмент, и они мне остро нужны для продолжения политических проектов. (Юля, ты знаешь, кстати, сколько стоит смена путинского режима? Только не удивляйся – от 1,5 до 2,5 миллиарда долларов. Недорого. Значительно дешевле, чем лизать ему жопу.)

Извини за, может быть, излишнюю прямоту и резкость, но по-другому говорить откровенно у меня не получается. Так! Победим. Искренне твой,

Б.Б.

Лондон 25.05.2005 г.

2. Неопубликованный вариант письма Б. Березовского Ю. Тимошенко Дорогая Юля!

Что касается политики, то отмечу следующее.

1. Все ваши действия необходимо соотносить с главной целью – победой на парламентских выборах в марте 2006 года.

2. Не пугайтесь сами и не дайте себя испугать реприватизацией ни Западу, ни Москве. Ее необходимо провести в полном объеме, т. е. необходимо отобрать как можно быстрее экономические и информационные рычаги у тех, над кем вы одержали политическую победу. Задайте политический импульс – остальное сделают сами те, кого обидела предыдущая власть.

3. Вам навряд ли удастся к парламентским выборам предъявить народу ощутимые экономические успехи (дай бог, чтобы не стало хуже). Поэтому необходимо предъявить то, что возможно:

- раскрытие убийства Гонгадзе (заказчики, организаторы, исполнители);
- раскрытие отравления Ющенко (заказчики, организаторы, исполнители);
- раскрытие фальсификации президентских выборов – попытки государственного переворота (заказчики, организаторы, исполнители).

Этого народу хватит, чтобы он почувствовал политическую волю и силу новой власти, и тогда он поддержит вас на парламентских выборах и подождет еще немного (или много) в надежде на лучшую жизнь. К тому же и у ваших оппонентов, в случае реализации вами пп. 2 и 3, будет чем заняться, чтобы не путаться у вас под ногами во время предвыборной кампании. Они должны бегать по заграницам и думать, как не сесть в тюрьму.

4. Кто бы что вам ни рассказывал, Путин не смирился с поражением и будет с удвоенной силой пытаться взять реванш на парламентских выборах.

Поэтому особый разговор о российских олигархах, которые все без исключения работали на Кремль и на Кучму (Януковича) во время президентских выборов. И сейчас

по заданию Кремля работают против вас. Самые опасные три группы: Альфа-группа (Фридман и Авен напрямую работают с ФСБ); ЛУКОЙЛ (Алекперов давно не самостоятельная фигура и полностью под Кремлем); Дерипаска – работает на Кремль через связи Сечина.

Юля, это не предположение, это – знание. Если будет необходимо, дам развернутую информацию.

5. Юля, я понимаю, как тебе нелегко сражаться на много фронтов. Я понимаю, как тебе хотелось закрепиться на восточном направлении – Москве. Но по факту получилось все очень плохо. И не потому, что тебя Порошенко переиграл в этом эпизоде (по крайней мере, так это прочитывается). А потому, что ты – премьерминистр великой страны – не можешь ехать в другую страну, где на тебя возбуждено уголовное дело (вопрос даже не в ордере на экстрадицию). Это означает не только то, что они унижают Украину, а то, что ты унижаешь себя. Юля, твой главный политический капитал – что тебя нельзя унижить, а не то, что ты незаменимый экономист – для большого политика это вторично. И никакие высокие рассуждения о судьбе страны, о необходимости дружеских связей между братскими народами тебя не спасают.

Только когда Россия официально откажется от уголовного преследования премьера Украины Тимошенко, ты можешь туда ехать. И это должно быть твоей публичной политической позицией, а не посевная.

Вообще же главная ваша общая ошибка – и твоя, и В. Ющенко – состоит в том, что вы недооцениваете собственную силу и переоцениваете силу путинской России. Если бы вы меньше заигрывали с Россией (при этом я не призываю к открытому противостоянию – и так все напряжены) и были бы последовательнее, режим в России можно поменять за год, максимум за два.

И вообще, до тех пор, пока Россия не станет нормальной, хотя бы в такой же степени, как сегодняшняя Украина, вам никогда не будет покоя, вас всегда будут шантажировать то нефтью, то газом, то Севастополем, то Крымом. И никакой вектор в Европейский союз не отменит огромной опасности под названием «путинская Россия».

Специальная тема – о твоём позиционировании на парламентских выборах и о союзе с В. Ющенко. Считаю такой союз необходимым, но его важно правильно структурировать. Если захочешь – обсудим позже.

Хочу особо подчеркнуть – у меня лично нет отдельных политических интересов на Украине, но они есть и огромны в связи с возможностью влиять из Украины на Россию.

Поэтому у меня нет никакой обиды ни на В. Ющенко, ни на тебя, ни на Жвания со товарищи за то, что происходит по отношению ко мне лично. Я занимаюсь политикой и много раз встречался и с предательством, и с глупостью; эмоции – враг любого политика. Я научился с ними справляться.

Но я не смирюсь с предательством политическим. В данном случае с предательством по отношению к России. Поскольку я рассматривал свою безоговорочную поддержку вашей революции прежде всего с позиций создания политического плацдарма для нанесения поражения путинскому режиму в России.

Юля, ты знаешь, что в отличие от многих украинских политиков я не сидел, как собака на сене, и рискнул своим капиталом. Деньги для меня давно – политический инструмент, и они мне остро нужны для продолжения политических проектов. (Юля, ты знаешь, кстати, сколько стоит свержение путинского режима? Только не удивляйся – от 1,5 до 2,5 миллиарда долларов. Недорого. Значительно дешевле, чем лизать ему жопу.)

Поэтому теперь о бизнесе.

Я хочу четких договоренностей по тем проектам, которые имеют высокую и быструю эффективность. По каждому из проектов я буду предлагать тебе абсолютно прозрачного партнера с безупречной репутацией на Западе и широкими связями (прошу, по возможности, по своим каналам проверять их – ты знаешь, что я не очень хорошо разбираюсь в людях). При этом очень важно, чтобы нигде не утекла информация о моих связях с ними.

1. По «Криворожстали» я предлагаю тебе Яна Кульчика. Он – самый крупный в Польше. Имеет долгие и прочные отношения с А. Квасьневским. Блестящая репутация на Западе.

К тому же я уверен, что В. Ющенко будет приятно помочь полякам и лично Квасьневскому.

Назначь, пожалуйста, с ним встречу прямо сейчас на ближайшее время. Желательно, чтобы он мог связаться с тобой напрямую.

2. По ипотеке. Предлагаю тебе встретиться с моим давним приятелем Тефиком Арифом. Я прикладываю к настоящему письму краткие CV одного и другого.

P. S.

1. Юля, я понимаю твою занятость. Именно поэтому – большая просьба. От слов перейти к делу. У меня тоже большой опыт серьезной работы, в том числе и во власти. Не верю, что, если ты считаешь наши деловые (политика и бизнес) отношения важными для тебя, то не найдешь по 15 минут два раза в неделю в заранее обозначенное время.

2. Юля, поверь мне, я знаю, как заработать многие миллиарды долларов для реализации политических проектов, если правильно распорядиться сегодняшним вашим потенциалом, без ущерба, а на пользу украинской экономике.

3. Я предлагаю вместе распределять полученную прибыль от реализации бизнес-проектов для решения политических задач на Украине (например, средства на парламентские выборы) и на политические проекты в России. Договоренности по этому вопросу предмет отдельного обсуждения.

4. Прошу принять Сашу для срочной конфиденциальной информации.

Так! Победим.

Искренне твой,

Б.Б.

29.05.05

3. Ответ Ю. Тимошенко

Уважаемый Борис Абрамович!

Рада, что Вы так внимательно следите за ситуацией в Украине и искренне желаете помочь добрым советом. Что касается Ваших замечаний и комментариев, отмечу следующее.

Против того, что все действия следует соотносить с выборами 2006 года, возражений быть не может. Но Вы даете рекомендации с позиций собственного российского опыта, для Вас избирательная кампания власти – это нечто единое. Вы абсолютно верно считаете, что после победы на парламентских выборах мои позиции должны укрепиться. Реалии же в Украине таковы, что ряд людей из окружения Виктора Андреевича пытаются буквально приватизировать его имя и имидж, поставить во главе списка на выборы. Тем самым они стремятся ограничить мою долю в совместном избирательном списке. Сами же хотят

въехать на чужом горбу в рай. Порошенко с самого начала активно примеряет на себя мантию «серого кардинала».

Мне нужны определенные гарантии стабильности. Иначе зачем все это затевалось? Перед президентскими выборами определенную роль сыграло наше с Виктором Андреевичем письменное соглашение. Второй раз он на это может не пойти. Кроме того, после прошлых парламентских выборов президент внес мою кандидатуру в том числе для укрепления собственных позиций в глазах его же окружения, а также для укрепления собственного имиджа. Не исключено, что из того же чувства самосохранения он завалит мою кандидатуру в парламенте после президентских выборов. У его окружения есть огромное желание убрать меня еще до выборов – осенью, – да только боятся появления настоящей оппозиции. Ведь тогда их политическая несостоятельность станет очевидной. Быть у кого-либо в «политической подтанцовке» не согласна и своими принципами не поступлюсь. Так что не исключаю, что на выборы придется идти отдельными колоннами. Это даст мне поле для дальнейшего маневра.

Это ответ на Ваш тезис о необходимости союза с Ющенко. Останавливаюсь на этом так подробно потому, что это дает ключ к пониманию моей позиции по другим вопросам, затронутым Вами.

Реприватизацию, или, точнее, пересмотр результатов «кучмовской» приватизации, мы уже почти проговорили и профукали. Был шанс действительно широкомасштабной операции, которая позволила бы навсегда подорвать корни «кучмизма». В результате имеем пока один реальный итог – «Криворожсталь», процесс повторной приватизации которой наконец начался, чем он закончится – прогнозировать пока не берусь. Имеем еще пару десятков предприятий, первоочередное право повторного выкупа которых получат, вероятно, нынешние хозяева. И все.

Почему так произошло? Тут целый комплекс причин: действуют огромные деньги Ахметова, Пинчука, Суркисов иже с ними; правоохранительные органы откровенно слабы и коррумпированы – одного Александра Валентиновича на все не хватает, хотя со своими задачами он вполне справляется; Виктор Андреевич подвержен сомнениям и склонен слушать либеральные сказочки своих советников. Кроме того, работает мощный российский фактор. Яркий пример – Никопольский ферросплавный, который из-под носа у государства увел Абрамов, при помощи того же Порошенко.

Действительно, принципиально важно отобрать информационные рычаги. А мои «заклятые союзники» и здесь ставят мне палки в колеса. У меня была абсолютно конкретная договоренность с Игорем Коломойским. Он покупает для меня «1+1» в обмен на Никопольский ферросплавный. Сначала они спасли шкуру Пинчука, обеспечив сделку с Абрамовым, теперь пытаются сорвать сделку Игоря с Борисом Фуксманом. На самом деле им плевать на Пинчука с его ферросплавами, идет почти открытая война против меня лично.

С «Интером» ситуация не лучше. Там со дня на день объявится Хорошковский (это к вопросу об отношениях с Россией).

Что касается возможности предъявить народу экономические успехи, это действительно не просто, когда тебе навешивают в правительство откровенный балласт.

Расследование громких уголовных дел, включая упоминаемое Вами дело Гонгадзе, ведет генпрокуратура. Мои давние «теплые» отношения с Пискуном Вы знаете. Кстати, хочу подтвердить, что муссируется и даже рассматривается в прокуратуре версия о том, что Ющенко отравили по Вашему заказу. Не исключаю, что они попытаются сделать из

Вас козла отпущения – с них станется. Они запросто разменяют Вас не только на решение газовых проблем, но и на намного менее ценные «пряники» от Путина.

Исходя из изложенного несколько коротких выводов.

Первое. Способы и методы борьбы с нашей недоделанной, извините за резкость, оппозицией меня волнуют на данном этапе меньше всего. Публичный аспект избирательной кампании я вижу абсолютно четко. Янукович продолжает терять рейтинг, альтернативы ему не видно. Поступает информация о том, что Россия будет опять ставить на него. Вся вместе наша «оппозиция» возьмет свои 25–35 процентов, желательно, чтобы поменьше. Меня волнует фактический послевыборный расклад, и я не могу закрывать для себя любое возможное поле для маневра. Именно поэтому на данном этапе попытки с моей стороны показать России ее и мое место были бы очень некстати. И дело не только в уголовном деле, высосанном из пальца российской военной прокуратурой. Вы не хуже меня знаете, сколько гадостей наговорили в Штатах Лазаренко с Кириченком, там фактаж перемешан с откровенной ложью. У ФСБ эти материалы есть, и дестабилизировать обстановку в Украине они вполне могут («союзнички» подсобят).

Поэтому общий вывод: так же, как Вы, Борис Абрамович, болеете за интересы России, мне дорога Украина. А потому разговоры об экспорте «оранжевой революции» предлагаю оставить до лучших времен.

Второе. Я прошу ни в коем случае не воспринимать мои слова относительно ситуации в Украине, в том числе и по вопросам реприватизации, как отказ от реального сотрудничества. Я готова встречаться с Вашими людьми и предметно разговаривать. Только прошу реально оценивать ситуацию. Меня несколько смутил Ваш безудержный оптимизм. Вы меня знаете – я человек, не склонный занижать личную планку, но и строить столь глобальные планы в моей ситуации было бы неразумно.

Главная для меня задача – прочно закрепиться во власти – не была полностью решена в результате президентских выборов. Соответственно, не может быть решена Ваша задача – создать в Украине плацдарм для реализации Ваших планов в России. Давайте вместе решать проблемы по мере их поступления. Опыт конструктивной работы у нас есть.

Готова к визиту Ваших людей и надеюсь на плодотворное сотрудничество.

С уважением,

Ю.Т.

05.06.2005 г.

Мой Майдан незалежности

19–25 ноября 2005 г. «Зеркало недели», Киев

Я, как и миллионы людей в Украине, в России, во всем мире, был на стороне оранжевых. Их победа для меня – гражданина России – была особенно значима, потому что я убежден: победа Майдана одновременно стала поражением путинского режима. И наоборот, поражение демократической революции в Украине обернется укреплением авторитарных инстинктов криминальной российской власти и упрочением авторитарных режимов на всем постсоветском пространстве.

Два шага к свободе

«Политика – искусство возможного», – сказал Макиавелли. Наблюдая за событиями в Украине в течение 2004 года, невозможно не продолжить эту мысль и не сказать: «Революция – искусство невозможного». При этом в классическом понимании революция – это переход общества от менее эффективной политико-экономической формации к более эффективной (тогда понятно, что контрреволюция – это, наоборот, движение назад). Но важно понимать, что политико-экономическая формация общества есть всего лишь следствие общественного менталитета. Именно качественное изменение менталитета миллионов людей есть суть любой революции. А новая политико-экономическая формация – простое следствие измененного менталитета.

В Украине в течение ничтожного исторического времени десятки миллионов людей осуществили ментальный прорыв – они «выдавили из себя раба» и стали свободными. Очень важно понимать, что трансформация рабского менталитета в менталитет свободного человека происходит в два этапа.

Первый этап – осознание и обретение убежденности в преимуществе жизни самостоятельной, то есть независимой от царя, генерального секретаря, президента, а в конечном счете от государства, перед жизнью зависимой. Иначе говоря, осознание своей самодостаточности. Я называю этот этап пассивной независимостью.

Второй этап – активная независимость. Когда каждый человек в отдельности и все вместе – миллионы людей – готовы выйти на площадь, чтобы отстаивать свою убежденность быть независимыми. Когда миллионы людей готовы свою убежденность превратить в действие, то есть проявить волю. Только этот этап позволяет гражданам стать по-настоящему свободными.

Необходимо отметить, что свобода не дается ни человеку, ни обществу раз и навсегда. В любом, даже в самом демократическом государстве граждане каждый день вынуждены отстаивать свое право быть свободными. И единственный способ борьбы за свободу – это преодоление страха перед властью и выход на площадь. Точно заметил И. Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

Поэтому все разговоры о необходимости перевернуть страницу украинской истории с заголовком «Майдан», чтобы начать так называемую нормальную жизнь, ведут либо враги свободной Украины, либо недалекие люди. Майдан – это историческое достижение великого народа Украины, и как только Майдан закончится, как только люди перестанут быть готовыми выйти на площадь и отстаивать свои права – рухнет свободная, независимая Украина. Именно этого добиваются те, кто в зимние дни 2004 года потерпел на Майдане сокрушительное и исторически неизбежное поражение.

Но ни Кучма, ни люди, составлявшие стеновой хребет отжившего режима, никогда не смиряются с поражением и сделают всё, чтобы взять реванш. Как известно из истории, например российской, контрреволюция не является экзотикой даже в наши дни. Режим Путина – типичный пример контрреволюционного реванша рабского менталитета.

Основная причина этого реванша очевидна. Русский народ, включая элиты, получил свободу из рук М. Горбачева и Б. Ельцина на «блюбочке с голубой каемочкой» – слишком легко она далась. Миллионам свобода полюбилась, но они не были готовы драться за нее, то есть второй этап трансформации менталитета – каждодневная борьба за свободу – в России не случился. Поэтому с такой легкостью Путин и его гэбэшная банда запугали людей и повернули страну вспять. Это, безусловно, ненадолго. Но одновременно события в России предметно демонстрируют значение роли личности в истории, особенно в переходный период.

Ошибки оранжевых революционеров

Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы перечислить все, даже принципиальные, ошибки новой молодой власти. Слишком много она их сделала и за короткое время разбазарила огромную часть кредита доверия тех, кто решил строить цивилизованную страну. Но тем не менее я постараюсь назвать некоторые основные ошибки.

Эти ошибки характерны для всех революций, но имеют особенности, связанные прежде всего с личными качествами лидеров революционного процесса.

1. Незавершенность революционного процесса

Победа на Майдане означала политическую победу оранжевых над кучмовским режимом. Для завершения революционного этапа и возможности перехода к созидательной эволюции необходимо было политическую победу дополнить экономической и информационной.

Экономическая победа означает бескомпромиссное перераспределение системообразующей собственности в пользу победителей. Нравится это или нет, но любая революция (равно как и контрреволюция) неизбежно приводит к перераспределению собственности в пользу победителей. Я не имею в виду конкретных людей, которые стояли на Майдане или им помогали. Под победителями я имею в виду весь украинский народ. Реприватизация означает восстановление законности (а не мести) и получение прибыли в казну за счет продажи предприятий на открытых честных аукционах по рыночной, а не искусственно заниженной стоимости. Собственно, это означает выполнение одного из обещаний кандидата в президенты В. Ющенко. Логично, что в аукционах не могут принимать участие те, кто хотел в зародыше уничтожить революцию, кто хотел расколоть Украину и лишить ее независимости в принятии важнейших для народа политических и экономических решений. В этом вопросе не должно быть лицемерия. Только закрепление системообразующей собственности за сторонниками оранжевых, то есть сторонниками демократической власти, даст гарантию невозможности реставрации старого режима. Недавние слова В. Ющенко о том, что «реприватизация была ошибкой», – свидетельство абсолютного непонимания логики революционного процесса.

Попутно замечу, что вопрос о реприватизации не единственный, в котором президент В. Ющенко выступает оппонентом кандидата в президенты с той же фамилией. Такая ситуация порождает серьезное предположение о сговоре президента В. Ющенко с представителями прежнего криминального режима.

Сохранение системообразующей собственности в руках противников (врагов) новой власти создает материальный базис для контрреволюции. Никогда доноры В. Януковича не смиряются с поражением и при первой же возможности, которая не за горами – в марте парламентские выборы, – возьмут реванш. Враги революции должны думать не о реванше, а о том, как остаться на свободе после всего того, что они наворотили, и не путаться под ногами в преддверии парламентских выборов. Разглагольствования же о том, что реприватизация отпугнет инвесторов, – разговор в пользу бедных. (А кому нужны бедные инвесторы?) Богатые же с энтузиазмом придут с деньгами в страну даже с нестабильной демократией.

Решение проблемы реприватизации усложняется существенным обстоятельством. Оказалось, что ближайшее окружение президента – П. Порошенко, Д. Жвания и К –

использовало революцию исключительно в целях личной наживы и не озабочено никакими идейными терзаниями. Недаром один журналист заметил, что это была революция миллионеров против миллиардеров.

На сегодняшний день в Украине существуют две основные группы, обладающие огромными ресурсами влияния: финансовыми, информационными, административными и в конечном счете политическими, – две организованные политические группировки (ОПГ): старая ОПГ (Р. Ахметов, В. Пинчук и К) и новая ОПГ (П. Порошенко, Д. Жвания и К).

Есть еще сильные фигуры типа И. Коломойского, К. Григоришина и подобные им, но они внесистемные игроки.

Само по себе влияние крупного капитала на большую политику неизбежно и необходимо. Но характерная особенность этих ОПГ – отсутствие какой-либо идеологии и, как следствие, политической ответственности перед обществом.

Поэтому так легко эти две ОПГ сразу после революции стали достигать компромиссов, в том числе политических. Для них политика – всего лишь инструмент для извлечения прибыли. Именно поэтому они опасны в качестве участников политического процесса в демократической Украине.

Информационная победа должна иметь иной характер, чем экономическая, и означает перераспределение контроля над СМИ в пользу сторонников демократических реформ и создание механизмов обеспечения подлинной свободы и независимости СМИ прежде всего от государства и равноправного допуска к ним даже противников нового демократического режима.

Для подтверждения мысли об объективном характере ряда ошибок революционеров скажу, что мы в свое время в России тоже не завершили революционный процесс: не разоблачили до конца преступную сущность КГБ, не отреклись от коммунистической идеи как губительной для нации. Именно эти ошибки привели к реставрации авторитарного антиконституционного режима в России.

2. Завышенные обещания

Любая революция создает завышенную систему ожиданий как следствие завышенных обещаний. Завышение обещаний – объективная логика революционеров, поскольку большая часть общества всегда консервативна и предпочитает пло**censored**, но определенную жизнь хорошей, но в «светлом будущем». Поэтому для того, чтобы консервативное большинство граждан поддержало (или хотя бы не противилось) переходу к новому, более эффективному общественному устройству, революционеры во все времена искусственно завышают обещания.

3. Разрушение революционных союзов

Создание союзов – объективная необходимость для активного революционного (всегда) меньшинства с целью достижения главного результата – свержения отжившего режима. Такие союзы часто объединяют даже идеологических противников. Поэтому распад революционных союзов по идеологическим соображениям после победы – неизбежность. Но разрушение союзов единомышленников всегда наносит тяжелейший, часто непоправимый урон самой революции.

4. Отсутствие политической и экономической стратегии послереволюционного (эволюционного) развития страны

Ни президент В. Ющенко со своим окружением, ни премьер Ю. Тимошенко – со своим не предложили нации внятной стратегии послереволюционного развития страны. Аукцион по «Криворожстали» показал, что власть не только не может предложить путь к созданию эффективной экономики (прозрачный аукцион – это, безусловно, положительный пример действия новой власти; при этом не следует забывать, что само предприятие и его стоимость были созданы другой властью), но и толком не понимает, как потратить обрушившийся денежный поток.

5. Неверная оценка внешних факторов

В основе этой ошибки лежит в одних случаях недооценка собственного потенциала: типичный пример – неумение преодолеть энергетическую зависимость. В других – переоценка: типичный пример – пробивание головой стены в ВТО и Европу.

Работа над ошибками

Несмотря на объективный, обусловленный самой логикой революции характер ошибок, их тяжесть определяется двумя главными субъективными личными качествами лидеров революции: политической волей и интеллектуальной состоятельностью.

1. Необходимо завершить революционный этап развития

Критерием завершенности революционного этапа может стать победа оранжевых на парламентских выборах. Победа означает возможность формирования правительства без компромиссных союзов с другими политическими силами.

Для достижения этого результата необходимо проявить политическую волю и нанести наконец окончательное поражение противникам революции, лишив их материальной базы и монополии на основные СМИ. Делать это следует исключительно правовыми методами. И для этого есть все необходимые возможности. Широко известно, что именно противники революции совершили тяжелейшее государственное преступление – попытку государственного переворота путем фальсификации выборов. Факт фальсификации выборов признан Верховным судом Украины.

Таким образом, остается только громко назвать и так хорошо известных заказчиков и организаторов. Нет сомнений, что, покарвав заказчиков и организаторов этого уже юридически установленного особо тяжкого преступления, политическая победа на Майдане будет дополнена экономической и информационной и тем самым превратится в окончательную.

2. Выполнение обещаний

Разница между завышенной системой ожиданий, вызванная завышенными обещаниями, и возможностью их практической реализации новой властью определяет уровень неудовольствия граждан переменами. Мудрая власть сокращает этот разрыв двумя параллельными действиями:

- хотя бы частично выполняет обещанное;
- предлагает план развития страны, чтобы искусственные, но необходимые для победы революционные мифы о «молочных реках и кисельных берегах» превратить в конкретные действия граждан для достижения декларированных целей. Иначе говоря, власть должна помочь поверившим в лучшую жизнь опуститься с небес (счастливая жизнь настанет на

следующий день после победы) на землю (счастливая жизнь теперь возможна, но для этого необходимо потрудиться). Вряд ли новой власти до парламентских выборов удастся предъявить народу ощутимые экономические успехи. Дай бог, чтобы не стало хуже. Опять же стагнация или даже падение экономики – логическое и неизбежное следствие революционного потрясения. Уверенная в себе власть не должна стесняться объяснять это своим гражданам. Они не глупее ее. Поэтому необходимо предъявить гражданам то, что возможно и что было обещано. Что народ ждет не меньше хлеба насущного:

- раскрытия попытки государственного переворота (фальсифицирования президентских выборов);
- раскрытия убийства журналиста Гонгадзе;
- раскрытия отравления кандидата в президенты В. Ющенко.

Этого народу хватит, чтобы он ощутил и понял самое главное – политическую волю и силу новой власти. Тогда он поддержит революционеров на парламентских выборах и подождет еще немного (или много) в надежде на лучшую жизнь.

3. Восстановление союза единомышленников Ющенко– Тимошенко

Я глубоко убежден, что ни В. Ющенко, ни Ю. Тимошенко не были самодостаточными для победы оранжевых и только их союз обеспечил победу Майдана независимости. При этом абсолютному большинству избирателей, отдавших свои голоса Майдану, совершенно безразлично, в чём г-жа Ю. Тимошенко не согласна с г-ном В. Ющенко и наоборот. В глазах рядового избирателя они единое целое, единомышленники. Они и есть живое воплощение революции. Поэтому разрушение их союза означает поражение каждого из них в отдельности и всех вместе. Глубоко заблуждаются аналитики каждой из сторон, полагая, что суммарный электорат В. Ющенко и Ю. Тимошенко остается наработанной на Майдане константой и в зависимости от аргументации той или иной стороны этого конфликта меняется лишь пропорция в разделе голосов их общего электората.

Действительная ситуация совершенно иная: существенно уменьшилась общая электоральная база Ющенко– Тимошенко. Это произошло потому, что их разрыв прочитывается (и справедливо) как предательство самой революционной идеи, за которую миллионы людей вышли на площадь и стояли до конца.

Особенно точно отреагировала на разрыв «ПОРА» – нерв революции и Майдана. Лидеры «ПОРЫ» точно оценили, что это удар по всем оранжевым, но наибольшие потери несет президент. Уж слишком откровенно его коррупционное окружение демонстрирует свое пренебрежение идеалами революции и выставляет напоказ свое влияние на него.

Если В. Ющенко и Ю. Тимошенко проявят политическую волю, мудрость, а главное – ответственность перед нацией и восстановят союз, тогда они обречены в марте на победу. Если нет, значит, их личные качества – политическая воля и интеллектуальный потенциал – не соответствуют сложности проблемы, надо честно сказать – проблемы исторического масштаба, – и они оба потерпят поражение. Третьего не дано. Ни один из них порознь не добьется победы на парламентских выборах, а следовательно, произойдет реставрация прежнего режима со всеми вытекающими последствиями (посмотрите на путинскую Россию).

4. Стратегия послереволюционного развития страны

Я не претендую на роль идеолога в украинской политике, но не понимаю, почему оранжевые почти за год своей власти даже не попытались заглянуть хотя бы на день

вперед. Желание вступить в ЕС и в НАТО и декларация этого намерения не могут быть ни национальной идеей, ни стратегией развития общества.

В этом параграфе я затрону один, но очень важный стратегический аспект послереволюционного развития – вопрос демократизации государственного устройства Украины.

В соответствии с действующей Конституцией Украина – унитарное государство. Введение такой нормы было естественной реакцией на развал СССР с целью остановить возможную в то время цепную реакцию в Украине. Кстати, все республики бывшего Союза, кроме России, выбрали модель унитарного государственного устройства. Уверен – во многих странах постсоветского пространства эта модель будет со временем заменена на федеративную.

Сегодня, по прошествии почти 15 лет, унитарное государственное устройство превратилось в свою противоположность – в угрозу распада Украины. Федерализация необходима Украине, поскольку является универсальной формой устройства демократического государства (за исключением малочисленных стран). Федерализм обеспечивает гибкость и конкурентоспособность политической и экономической системы внутри страны.

Посмотрите на политическую карту США. Отцы-основатели Америки прямо по линейке искусственно расчленили страну на штаты (государства), чтобы через конкуренцию внутри страны заложить основы самоорганизации и эффективного саморазвития страны. И этому аргументу невозможно противопоставить ни славянскую основу национального состава Украины, ни ее унитарное настоящее и прошлое.

Более того, усиление интеграции некоторых регионов Украины, например Крыма, решается эффективнее путем разукрупнения и увеличения полномочий на местах.

Основным в новом федеративном устройстве государства должен стать принцип делегирования властных функций субъектами (областями) федеральному центру, а не наоборот.

Важной целью федеральной власти (государства) должно стать формирование единой политической нации – граждан Украины, независимо от национальности по крови, вероисповедания, культуры.

Вторая важнейшая задача в демократизации государственного устройства Украины – переход от президентской к парламентской республике, поскольку исторически установлено, что в условиях многонационального государства со сложившейся географией проживания тех или иных национальностей парламентская республика эффективнее президентской. Но переход к парламентской форме управления государством целесообразно осуществлять в условиях сформированной политической культуры, критерием которой является доминирование нескольких – двух, трех (а не десятка) – политических партий, выражающих интересы подавляющего большинства населения страны. В противном случае маргинальные партии могут в угоду своим узкогрупповым интересам наносить ущерб в решениях стратегических задач страны.

Типичный пример – Италия. В течение почти всей второй половины XX века она переживала непрерывную смену правительств и как следствие – кризис развития по сравнению с другими западноевропейскими странами с подобным государственным устройством, но более совершенным, лучше структурированным политическим пространством.

Поэтому я считаю целесообразным сохранить президентскую форму правления на срок,

необходимый обществу и политикам для структурирования политического пространства страны. По моей оценке, на это потребуется время до следующих президентских выборов.

Помимо устранения перечисленных ошибок для закрепления победы на Майдане, то есть победы на парламентских выборах в марте 2006 года, необходимо выявить и адекватно оценить основные внешние силы, обладающие ресурсами влияния в Украине.

Существуют три доминирующих международных игрока: «рука Москвы», «голос Америки», «европейская заповедь молчания».

Наиболее мощный игрок – конечно же Россия. Важно понимать, что противоречия между путинской Россией и демократической Украиной носят антагонистический характер и никакое славянское братство этих противоречий отменить не может. Тут вопрос, кто кого: путинская Россия станет демократической или демократическая Украина вернется в стойло российской империи.

До тех пор пока Россия не станет нормальной хотя бы в той же степени, как теперешняя Украина, в Украине не будет покоя. Ее всегда будут шантажировать то нефтью, то газом, то расколом. И никакой вектор в Европейский союз не отменит опасности под названием «путинская Россия».

Путинская Россия не смирится с поражением на президентских выборах и, несмотря на правильную риторику о невмешательстве, сделает возможное и невозможное, чтобы взять реванш на парламентских.

В войне против демократической власти Путин использует подконтрольные Кремлю российские финансово-промышленные группы, обосновавшиеся в Украине, штатных политтехнологов и даже вполне либеральных на первый взгляд политиков типа Б. Немцова. Они все без исключения интенсивно разрушают новую власть.

Именно Россия получила максимальные дивиденды от развала союза Ющенко – Тимошенко. Москва уверена в невозможности стратегической договоренности с В. Ющенко на ее условиях (основное – отказ Украины от вступления в НАТО) и поэтому будет играть на площадке Янукович – Тимошенко с целью максимально ослабить В. Ющенко.

Второй игрок по амбициям, но не по готовности потратить ресурс (в отличие от России) – нынешняя администрация США, которая не была замечена ни в одной стратегической победе за рубежом за пять лет своего существования. Не отличилась она и в Украине. Хорошо запомнилась оригинальная позиция Белого дома, который буквально накануне решающих баталлий направил в Украину своего самого опытного консультанта г-на Г. Киссинджера на встречу с В. Януковичем, а не с В. Ющенко. Тем самым в очередной раз продемонстрировав полное непонимание процессов, происходящих на постсоветском пространстве, в том числе в Украине.

Сейчас США откровенно делают ставку на В. Ющенко, тем самым подрывая союз Ющенко – Тимошенко и, по существу, помогая своему конкуренту – путинской России – подавить демократическую революцию в Украине.

Третий игрок – Объединенная Европа, которую назвать какой-либо силой язык не поворачивается. Вместо того чтобы использовать свой огромный потенциал для помощи хрупкой, только что народившейся украинской демократии и разработать четкий план интеграции Украины в Европейский союз, европейские лидеры объясняют украинским политикам, почему страна недостойна высокой компании. Тем временем криминальный Кремль выкручивает руки правительству Украины обещанием заморозить братский славянский народ, если он не пойдет на попятную и не отречется от Майдана.

Одновременно Путин вместе с г-ном Шрёдером, теперь уже, слава богу, бывшим канцлером Германии, шантажируют всю Восточную Европу проектом прямого газопровода Россия – Германия.

Таким образом, единственно разумное решение президента и правительства Украины должно состоять в активном противодействии иностранному вмешательству в парламентскую кампанию, так как участие каждого из внешних игроков противоречит национальным интересам демократической Украины.

Вместо заключения – строки русского поэта А. Галича, родом из Днепропетровска:

...И всё так же, не проще
Век наш пробует нас:
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
В ожиданье полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Б. Березовский

Рожденным не в СССР

1 февраля 2012 г.

Открытое письмо

Сегодня, 1 февраля, исполняется 81 год со дня рождения первого президента России Бориса Николаевича Ельцина – великого реформатора – родителя и радетеля свободного русского народа.

Путинская Россия умирает на наших глазах. Умирает, как в свое время умерла Россия коммунистическая. Ельцинская – не умрет никогда, потому что именно за десять ельцинских лет впервые в многовековой истории России выросли и ментально сформировались вы, миллионы молодых свободных людей. На смену путинской приходит Россия рожденных не в СССР. Ваша – свободная Россия.

Основное отличие менталитета рожденных не в СССР от менталитета *homo soveticus* состоит в признании и принятии факта прозрачности современного мира в результате появления новых информационных технологий и, как следствие, отрицании лжи и лицемерия. Только вы можете быть легитимной силой для свержения лживого, воровского режима.

То, что происходит на площадях и улицах нашей страны, означает – свободный народ состоялся, и он непременно избавится от авторитарной власти. Поэтому основной вопрос сегодняшнего момента – как это произойдет?

Мои попытки склонить к политическому решению патриарха Кирилла, Путина, кандидатов в президенты не дали результата. Поэтому я уверен, что смена режима произойдет исключительно силовым путем. Власть это чувствует, пугает кровью революции и разглагольствует об эволюции.

Не обманывайтесь: революция – это замена отжившего, неэффективного общественно-политического устройства общества на прогрессивное, и только революция сможет изменить вектор движения России на противоположный путинскому.

Цель Путина очевидна – любой ценой сохранить власть.

Борис Березовский